

ГЕОПОЛИТИКА НА ВЕЛИКОМ ШЕЛКОВОМ ПУТИ

Геополитика – сравнительно новое слово, ему около ста лет, но прочно входит в обиход оно стало в последние десятилетия, когда глобализация экономических отношений и создание единого мирового информационного пространства приняли необратимый характер. До этого люди прекрасно обходились словом «политика», даже когда речь шла об устремлениях великих держав, проникавших во все точки земного шара, и об империях, над которыми никогда не заходило солнце (например, Британской).

«Геополитика, - говорит автор одноименного учебника Николай Александрович Нартов (Москва, Издательство политической литературы «Единство», 2004 г.), - учит системно мыслить, мыслить континентами, учит смотреть на десятилетия вперед, анализировать весь комплекс событий, протекающих в нашем глобализирующемся мире, учит находить свое место в этом динамичном мире». Сам Н. А. Нартов настолько во власти постулатов холодной войны, в нем настолько сильна ностальгия по Советскому Союзу, что он мыслит только этими категориями. Идеи же сотрудничества, сегодня преобладающие в мировом общественном сознании и обеспечивающие, как главный инструмент геополитики, создание единого мирового экономического пространства, от него далеки, на них он не опирается, военная сила для него по-прежнему самый весомый и бесспорный аргумент.

Учебник «Введение в геополитику» Камалудина Серажудиновича Гаджиева (Москва, издательство «Логос», 2003 г.), напротив, построен на постулатах сотрудничества, в нем содержится глубокое историческое и философское обоснование сути американского, европейского, российского, азиатского мусульманского и немусульманского мира – японского, китайского, индийского, четко прослежена судьба цивилизаций, включающая в себя как их столкновения, так и мирное взаимное проникновение, всегда их обогащавшее, дана оценка перспектив, опять же с учетом того, что доминирующими в XXI веке будут идеи сотрудничества и единения человечества. Этим он выгодно отличается от «Геополитики» Н. А. Нартова, базирующейся на идеях, которые время все более решительно опровергает и просит уйти в отставку.

Нас интересует последний период новейшей истории, приходящийся на распад Советского Союза и крушение социалистической идеи в советском исполнении. В связи с распадом СССР входившие в него союзные республики стали суверенными государствами. По территории восьми из них – Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана, Туркменистана, Азербайджана, Армении и Грузии проходит Великий шелковый путь. Чтобы помочь этим молодым государствам укрепить свою независимость посредством создания новых (помимо северных) выходов на мировой рынок, международное сообщество под эгидой Организации Объединенных Наций взяло на себя миссию возрождения, восстановления Великого шелкового пути, и за минувшие 13 лет многое сделало в этом направлении.

Мировое сообщество, реконструирующее шелковый путь и помогающее молодым государствам встать на ноги и расправить плечи, не едино. Нас интересует, какие цели преследуют Соединенные Штаты и Европейский Союз, Россия, Китай, Япония, Индия, какие – Турция, Иран, Пакистан, арабские страны, какие задачи ставят перед собой сами молодые независимые государства, какие реальные формы принимает их стремление достойно войти в мировое сообщество, построить рыночную, но социально защищенную экономику. В Прикаспийском регионе обнаружены огромные запасы углеводородного сырья, что в будущем может сделать Туркменистан, Казахстан и Азербайджан влиятельными экспортерами нефти и газа, существенно повлиять на их развитие. Как и с чьей помощью реализуются эти надежды? Куда будут проложены трубопроводы? Это, собственно, и есть геополитика в ее реальном виде. Интересы сталкиваются, интересы балансируются, государства взаимодействуют, и каждое из них получает в соответствии со своим вкладом, возможностями и заслугами. Вчера это было просто политикой, сегодня это геополитика. А суть-то одна.

На рубеже восьмидесятых и девяностых годов двадцатого века двухполюсный остро соперничающий мир прекратил свое существование и стал достоянием истории. Аналитики заговорили о монополярном мире с одним доминирующим государством – Соединенными Штатами Америки. Действительно, валовой внутренний продукт, а особенно военная мощь США намного превосходит

аналогичные показатели других государств, возглавляющих мировое сообщество. Ближайший конкурент США по валовому внутреннему продукту Япония отстает от них почти вдвое (5,8 триллионов долларов против 11 триллионов долларов в 2003 году). Имеющая почти равное количество с США ядерных боеголовок Россия отстает от них по валовому внутреннему продукту почти в восемь раз и на нужды обороны тратит в десять раз меньше Америки.

Сопоставим с США по валовому внутреннему продукту Европейский Союз, но в политическом плане его члены пока самостоятельны; уже есть общеевропейский парламент, но нет общеевропейского правительства. Гегемония США не нравится Китаю и России, Японии и мусульманскому миру. Не по душе она даже ближайшим союзникам Америки Франции и Германии, да и Объединенной Европе в целом. Но многополярный мир, за который ратует Россия, еще должен созреть, ему предстоит утвердить себя на мировой арене. На вторую роль в нем уже сегодня претендует динамично развивающийся Китай; многие полагают, что Китаю по плечу ведущая роль в мире во второй половине XXI столетия. Экономический гигант и один из ведущих творцов новейших технологий Япония на вторую роль все-таки не тянет, ибо не обладает для этого необходимой военной силой.

Взаимосвязи между народами и странами в третьем тысячелетии не стали проще, переплетения национальных и наднациональных начал по-прежнему полны противоречий. Миру теперь угрожает не военное противостояние двух блоков, один из которых самораспутился, а международный терроризм, таким образом указывающий мировому сообществу на ужасающую пропасть между богатыми развитыми странами и третьим миром, живущим за чертой бедности и страдающим от засилия развитых стран, в первую очередь США. Выяснилось, что от ударов международных террористических организаций не застраховано ни одно государство. Их жестокие удары почувствовали США и Турция, Испания и Узбекистан. Борьбу с международным терроризмом возглавили Соединенные Штаты. Но должны быть выработаны такие концепции борьбы с этим врагом мирового порядка номер один, такие методы идеологического противостояния ему, которые лишили бы его всякой питательной среды, всякой поддержки.

Сегодня каждое государство, независимо от своего реального веса и влияния, оказывается вовлеченным в дела всего мирового сообщества. Иными словами, общемировой политической климат, общемировые тенденции сегодня никого не минуют. Важной концепцией современного мира является разрешение проблемы единого пространства-времени. К этому привело развитие транспорта и средств коммуникации. Новые глобальные системы коммуникации в значительной мере неподконтрольны национальным государствам и легко позволяют отдельно взятому индивиду или группе лиц преодолевать географические барьеры и получать доступ к любой информации, к опыту других народов. Они как бы дают людям новые формы видения мира. Могучим средством общения и приобщения к знаниям стал Интернет. Он представляет собой вполне осязаемое выражение мира, объединяющегося в единое целое. И это лишь начальная стадия грандиозной технологической революции.

Еще в недавнем прошлом это было невозможно. Произошла эволюция с далеко идущими последствиями: на смену геополитической установки на расширение жизненного пространства и завоевание новых территорий, доминировавшей многие тысячелетия, пришла геополитическая установка на интенсивный путь развития, на повышение интенсивности использования имеющихся человеческих и природных ресурсов. И сегодня мы видим, в первую очередь на примере великих держав, что главный мотив в их стремлении нарастить свою мощь не внешняя экспансия, но интенсивное внутреннее развитие. Как следствие, в промышленно развитой части мира постиндустриальное общество быстро трансформируется в информационное общество. Еще одной особенностью современного мира является признание идеи, согласно которой гражданин одной страны вправе осуществлять права собственности за пределами своей страны. Мировой объем прямых зарубежных инвестиций превысил пять триллионов долларов. По данным директора Международного валютного фонда М. Камдессю, за последнюю четверть века объем международной торговли ежегодно возрастал на 5,5 процента, что вдвое выше роста валового внутреннего продукта. Идея, что мир вступает в эпоху, в которой не будет национальных производств и корпораций, ставит в трудное положение тех, кто мыслит в национальных терминах (вывод К. С. Гаджиева).

Переходя к характеристике геополитики на шелковом пути, необходимо учесть, что Восток – это целый комплекс социокультурных, национально-культурных ареалов, таких, как ближневосточный

арабо- и тюрко-мусульманский, средневосточный ирано-тюрко-мусульманский, центральноазиатский тюрко-мусульманский, восточно-азиатский буддийско-синтоистский, конфуцианский индийский, индуистско-буддийско-мусульманский и так далее. Каждый из этих миров и по своим базовым характеристикам, и по взаимоотношениям с западным миром имеет свои особенности и требует своего подхода. Преобладающие до последнего времени на Западе представления о Востоке, как о пассивном, летаргическом и невосприимчивом к новшествам менталитете, давно чрезвычайно далеки от действительности.

Динамичный рывок вперед Японии, Китая, группы средних и малых стран, образно названных «азиатскими тиграми» – наглядный тому пример. Китайская и индийская цивилизации когда-то были ровесниками цивилизации древнеегипетской, но продемонстрировали свою удивительную стойкость во времени, удивительную способность видоизменяться под воздействием перемен, происходящих в окружающем их мире. Евроцентристский мир, придя на Восток, в течение многих веков не смог переварить его, поставить на рельсы европейской модели развития. Синтез цивилизаций произошел лишь тогда, когда Восток сам потянулся навстречу евроцентристской цивилизации, принял те ее элементы, которые смогли органически вписаться в восточную ментальность и восточный образ жизни.

Идея демократии в ее евроцентристском понимании строится на постулате, что индивид важнее группы, тогда как большинство восточных стран отдает приоритет групповым правам и интересам. Отсюда трудности в демократизации Востока в европейском понимании этого слова. Востоковед К. Розмен говорит о восточноазиатском конфуцианстве как о феномене, равновеликом западному капитализму и европейскому социализму. Такие элементы конфуцианства, как бережливость, дисциплина и трудолюбие, очень повлияли на быструю модернизацию Китая. Эти же факторы сказались на стремительном взлете Японии после второй мировой войны. Стереотипом в наши дни остается утверждение, что исламская культура и традиции являются главным препятствием на пути установления демократических традиций в мусульманских странах. Но пример Турции, Марокко, Малайзии говорит о другом. В исламе наряду со страхом перед фитной – подрывом единства и подчеркиванием роли уммы (сообщества) важное место занимает постулат о бидате – обновлении. Скорее всего, в обозримом будущем ряд азиатских стран, в том числе обладающие большим весом и влиянием, сохранят полудемократические или даже авторитарные формы правления. И интернационализация важнейших сфер общественной жизни не будет означать политической унификации на западный манер в масштабах всего мирового сообщества.

Великий шелковый путь – широтная магистраль протяженностью более чем в десять тысяч километров, соединяющая тихоокеанские порты Восточной Азии с атлантическими портами Европы. И не одна магистраль: у нее есть варианты северный, срединный и южный. Морской путь в Европу вокруг Азии и через Суэцкий канал мы к нему не относим, только сухопутные маршруты. Северный маршрут целиком связан с российской транссибирской железной дорогой. К нему тяготеют экспортеры Японии, Кореи, северного Китая. 10 – 12 суток, и контейнер из Владивостока или Находки перемещается в Брест, в Санкт Петербург. Это в 2,5 раза быстрее, чем морем. Россия надеется, что Транссиб в перспективе возьмет на свои плечи перевозку двух миллионов контейнеров в год. Срединный маршрут проходит по территории Китая, Казахстана и других стран Центральной Азии, стран Закавказья; у него есть свои подварианты с железнодорожными выходами через Казахстан в Россию, через Туркменистан в Иран и к Персидскому заливу, через каспийские паромные переправы на Кавказ. Южный маршрут охватывает юг Китая, Индию и Пакистан, Иран, страны Ближнего Востока, Турцию.

Нас более всего интересует срединный маршрут, проходящий через страны Центральной Азии и Закавказья и обустраиваемый по единой программе ТРАСЕКА (транспортный коридор Европа – Кавказ – Азия). Он, кстати, наиболее традиционен; города и страны на его пути испытывали период расцвета вплоть до ХУІ века, когда был открыт и задействован морской путь из Европы в Азию вокруг Африки. Он и привел в запустение древние шелковые дороги; верблюду было не под силу конкурировать с парусом.

У восточных истоков шелкового пути лежат Япония и Корея.

Следует сказать, что восточноазиатский регион – самый динамичный в современном мире. Так, для удвоения национального дохода на душу населения Китаю понадобилось всего десять лет. Экономическому процветанию этого огромного региона способствовали не только введение свободно-рыночных отношений, но также правильный социальный и экономический выбор. На рубеже

тысячелетий Япония превратилась в экономическую супердержаву, превосходящую любую европейскую страну и способную на равных конкурировать с Соединенными Штатами. Заграничные капиталовложения Японии приближаются к одному триллиону долларов; из 100 самых крупных банков мира 29 – японские и только 9 – американские.

Японская модель развития общества делает акцент на самоограничение личности, на уважение личностью общественных и государственных интересов. Так, члены любой японской фирмы связаны между собой узами взаимных обязательств и образуют своего рода большую семью. Группа, ее интересы важнее интересов отдельно взятого индивида. В Японии широко практикуется (опять же, в интересах «большой семьи»), продвижение по службе и оплата труда по старшинству. При этом молодые, но наиболее способные члены группы не считают себя обойденными и стараются в полной мере реализовать свои способности, зная, что в конечном итоге это им зачтется.

Для Японии характерно социокультурное и расовое единство. В этой стране делается все возможное для достижения социальной гармонии и национального единства (чувство национальной гордости и патриотизма в японцах развито исключительно сильно) и подчинения индивидуальных интересов интересам общества. В глазах большинства азиатских стран американская модель развития, существенно отличающаяся от японской, в целом ей уступает, и они отдают предпочтение японской модели, а в более широком смысле – восточно-азиатской, включающей в себя и китайский вариант развития.

Стоит прислушаться к высказыванию известного японского политика и публициста Огуры: «Отныне для Азии проблема состоит не в том, чтобы содействовать модернизации, а в том, чтобы понять, как следует во всемирном масштабе решать проблемы противоречий и беспорядков, с которыми связаны западноевропейская модернизация и индустриализация. Ключ к разрешению этой проблемы вовсе не обязательно в руках западноевропейской цивилизации. Поэтому именно азиатское образование и азиатское понимание вещей, которыми обладает азиатская элита, приобретают сейчас первостепенную важность».

Стоит также прислушаться к мнению сингапурского ученого К. Махбубани, который пишет: «XXI век будет свидетелем борьбы между атлантическим импульсом и тихоокеанским импульсом. В течение последних нескольких столетий атлантический импульс определял направление мировой истории. Поэтому еврецентристским аналитикам придется пересмотреть свои концепции, если они хотят правильно понять дальнейший ход истории». Реальность заключается в том, что Восток уже стал равновеликой Западу несущей конструкцией мирового сообщества, и эта его роль в наступившем веке будет усиливаться. Причем, на Востоке вызревают несколько центров мирового влияния (Китай, Япония, Индия, группа быстро развивающихся стран, именуемых «азиатскими тиграми»).

Япония справедливо считает себя ответственной за поддержание мира и порядка на Дальнем Востоке и за развитие региона. Но японские интересы, в первую очередь экономические, сегодня простираются далеко за пределы Дальнего Востока и даже Тихоокеанского региона (экономический союз АСЕАН). Участвуя в возрождении шелкового пути в странах Центральной Азии финансовой помощью и прямыми инвестициями в проекты, связанные с модернизацией путей сообщения и с добычей углеводородного сырья и цветных металлов (сырьевая зависимость Японии от остального мира общеизвестна и со временем будет только возрастать), Япония громко не афиширует свой растущий интерес к этому региону, но рассматривает его почти исключительно как поставщика сырья. Японская помощь только Кыргызстану за годы независимости этой страны составила 300 миллионов долларов, что совсем не мало.

Депрессия, постигшая японскую экономику в последние годы, существенно не изменила общее положение вещей. Интересно отметить, что интеграционные процессы на Дальнем Востоке, содействующие объединению политических и экономических усилий Японии, Южной Кореи и Китая, вялы, малозаметны и малоэффективны, ибо последствия второй мировой войны в сознании народов этих стран еще не преодолены и образ врага, каким были японцы для китайцев и корейцев, не изжит. Тезис опоры на собственные силы продолжает оставаться ведущим в философском восприятии действительности народами этих стран.

На примере Китайской Народной Республики, по территории которого проходит примерно половина Великого шелкового пути, прекрасно видно, что модернизация экономики с подведением под нее фундамента частной собственности и рыночных отношений позволила ей сохранить как пребывание

у власти коммунистической партии, так и основные черты своей традиционной культуры. Китай развивается, сохраняя свою идентичность. И множество других не западных стран готовы избрать именно этот путь, тем более что опыт механического заимствования некоторыми странами третьего мира западных образцов государственности и демократии приводил к непредсказуемым негативным последствиям. Именно механическое заимствование западных духовных ценностей, западного образа жизни привело к созданию огромной дуги нестабильности от Инда до стран Магриба. Первый такой опыт позорно провалился в Иране, где шах под американским патронажем пытался пересадить на иранскую почву западные политические институты и экономические отношения.

Наполеон Бонапарт двести лет назад сказал о Китае: «Там лежит гигант. Пусть спит. Когда он проснется, он сотрясет мир». Сто лет назад известный политолог Дж. Хей развил эту мысль: «Мир на земле опирается на Китай. Кто понимает Китай с точки зрения социальной, политической, экономической, религиозной, тот держит ключ к мировой политике на последующие пять столетий». Как бы подтверждая эти предсказания, Китай быстро превращается в один из полюсов мировой экономики. Его валовой внутренний продукт уже сопоставим с японским, если не превзошел его, и стремительно приближается к американскому (равенство будет достигнуто примерно в 2015 году). К этому времени его военный потенциал составит половину американского. Успешно модернизируя армию, Китай очень взвешенно увеличивает свои военные расходы. Китайцы отнюдь не скрывают своих устремлений на мировое лидерство.

Еще китайский поэт Лун Биде писал: «Восточный дракон поразит мир и удивит человечество». Официальное пекинское издательство «Женьмин Чубаньше» пошло дальше, выпустив в свет в конце XX века книгу «XXI век – век китайской цивилизации», утверждающую, что китайская цивилизация по своим существенным характеристикам, в первую очередь гуманистическим, превосходит другие цивилизации, что и обеспечит торжество Китая в XXI веке. В стране идет планомерное и целеустремленное освоение высоких технологий, что самым положительным образом сказывается на ее экспортном потенциале. Для иностранного капитала созданы условия наибольшего благоприятствования.

Если на рубеже тысячелетий объем иностранных инвестиций составлял 545 миллиардов долларов, а число совместных предприятий достигло 350 тысяч, то к концу 2003 года иностранные инвестиции выросли до 800 миллиардов долларов, а число совместных предприятий приблизилось к полумиллиону. Начинается создание в районе Шанхая гигантского, с охватом ста миллионов человек, международного промышленного, финансового, торгового и культурного центра, способного играть ведущую роль во всем азиатско-тихоокеанском регионе. Это еще более укрепит позиции Китая, как лидера региональной экономической интеграции.

Достаточно скоро (по историческим масштабам) произойдет объединение Китая континентального с Тайванем – вероятно, на тех же условиях, на которых Гонконг вернулся в объятия своей исторической родины. Сегодня Тайвань занимает первое место среди инвесторов китайской экономики. Это объединение закрепит превращение Китая в самую мощную финансово-экономическую страну.

Но быстрое развитие заставляет Китай преодолевать много трудно разрешимых проблем. Располагая 20 процентами людского потенциала планеты, Китай имеет в своем распоряжении менее 10 процентов ее ресурсного потенциала, причем по обрабатываемым землям и воде этот показатель еще ниже. Энергетика страны почти всецело опирается на каменный уголь (его годовая добыча превысила один миллиард тонн), а это наиболее трудоемкий по добыче и наименее эффективный энергоноситель. Китай ускоренными темпами наращивает импорт нефти (отсюда его пристальное внимание к географически близкому Прикаспийскому региону). Число безработных в стране приближается к четверти миллиарда человек (в основном это жители села), потому так сильны настроения эмиграции.

Тем не менее энергия китайского народа, направленная на цели созидания, такова, что он успешно преодолевает трудности, встающие на его пути, и продолжает демонстрировать высокие темпы роста. Его присутствие в Центральной Азии, политическое и экономическое, постоянно нарастает. Урегулировав пограничные вопросы с Казахстаном, Кыргызстаном и Таджикистаном, а также с Россией (при этом Кыргызстану пришлось пойти на существенные территориальные уступки, а печально известный амурский остров Даманский также отошел к Китаю), заключив в Шанхае соглашение о дружбе, сотрудничестве и совместном противостоянии терроризму во всех его проявлениях с Россией и

всеми странами Центральной Азии, Китай подвел под свое сотрудничество с этими странами серьезную правовую базу, которая год от года пополняется новыми соглашениями. Так, в апреле 2004 года в Ташкенте прошла очередная встреча руководителей стран Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), на которой принято решение о создании совместного антитеррористического центра с местопребыванием его штаб-квартиры в столице Узбекистана. Авторитет этой организации растет, в нее хотели бы вступить Индия (заявка подана), Пакистан, Афганистан. Запад уже видит в этой организации действенный противовес американскому влиянию в регионе Центральной Азии.

Торговля Китая с центральноазиатским регионом набирает силу, в стадии разработки и осуществления находятся проекты нефте- и газопроводов из Казахстана и Туркмении в Западный и срединный Китай. Россия пытается всеми силами установить с Китаем отношения доверительные и тесные, близкие к союзническим, чтобы вместе противостоять американскому лидерству в мире и расширению НАТО на восток. Одновременно ей приходится опасаться демографической интервенции Китая в районы Дальнего Востока и Сибири (китайцы с помощью официальных каналов, а чаще неофициальным методом «ползучей миграции» осваивают 72 страны мира). Китай, однако, отдает предпочтение традиционной доктрине опоры на собственные силы, которая никогда его не подводила. Опираясь на опыт Китая, Японии и других лидеров Востока, политолог К. С. Гаджиев полагает, что XXI век будет веком тех народов и культур, которые сумеют достичь оптимального синтеза индивидуалистического западного и органического восточного начал.

Для моей страны, Республики Узбекистан, весьма поучительным является пример Китая, который не продает ни одного килограмма своего хлопкового волокна, а полностью перерабатывает его в ткани и готовые изделия и не только одевает свое не маленькое население, но и экспортирует готовых изделий из хлопка на 50 миллиардов долларов в год. Поступая таким же образом, развив легкую промышленность до размеров, обеспечивающих полную переработку своего хлопка в готовую продукцию, моя страна имела бы от экспорта одежды и тканей примерно 15 миллиардов долларов в год, а не полтора миллиарда, которые она получает от экспорта миллиона тонн хлопкового волокна.

Новые независимые государства на просторах Центральной Азии, какими стали бывшие советские республики в 1991 году, попали в непростую геополитическую ситуацию. Независимость, в некотором роде, стала для них подарком судьбы (а по мнению тех, в чьих душах продолжает жить ностальгия по Советскому Союзу, ударом судьбы). Народы Центральной Азии остро ее не жаждали и за нее не боролись, как народы Прибалтики. Вместе с Россией им было надежнее, и лучше просматривалось будущее. Для внешнего мира такое развитие событий тоже было полной, но во многих отношениях приятной неожиданностью: Россия, главный возмутитель спокойствия во второй половине XX века, надолго отходила на второй план.

Эйфория суверенитета вскоре прошла. Надо было напряженно работать, чтобы утверждать свой суверенитет. Надо было позаботиться об атрибутах независимости – собственных вооруженных силах, пусть минимальных, министерстве иностранных дел, посольствах, научиться самостоятельно вести экспортно-импортные операции. Надо было переводить народное хозяйство своих стран на рельсы рыночной экономики, а как это делать с наименьшим уроном, никто не знал. Помощь мирового сообщества, на которую так рассчитывали, оказалась минимальной, и полагаться пришлось в основном на собственные силы. Экономике всех этих стран была присуща односторонняя, главным образом, сырьевая направленность при ограниченной емкости внутреннего рынка. И сегодня государства региона чаще выступают как конкуренты, нежели как страны, объединенные общими целями.

Вдруг зачалили, а потом взорвались давно тлеющие очаги напряженности. Клановые разборки в Таджикистане переросли в гражданскую войну, Армения и Азербайджан сцепились в кровавой схватке из-за Нагорного Карабаха, абхазцы не пожелали жить в одной стране с грузинами и потянулись к России. Во всех этих случаях остановить кровопролитие удалось далеко не сразу, и страны, которые позволили себе силовое выяснение отношений в вопросах, которые до этого удавалось улаживать мирным путем, оказались отброшены на десятилетия назад. И хотя мир потом был восстановлен, последствия конфликтов тяжким бременем легли на плечи таджикского, армянского, азербайджанского и грузинского народов. Ведь, чтобы идти вперед, сначала надо было залечить раны и восстановить разрушенное.

Свободой, оказывается, надо уметь пользоваться, она очень далека от вседозволенности. И если наследство, оставшееся от Советского Союза, не во всем всех устраивает (например, единая в прошлом

этнокультурная территория Ферганской долины была в конце 1924 года наспех поделена между Узбекистаном, Киргизией и Таджикистаном, сюда прибавились другие произвольные территориальные изменения, произведенные за годы советской власти, и в итоге сегодня в Центральной Азии насчитывается свыше десяти спорных территориальных проблем, которые подогревают этнические и межгосударственные конфликты), то гораздо разумнее с этим наследством примириться и согласиться с неизбежностью существующих границ, чем делать упор на их пересмотр. Гораздо разумнее развивать, расширять добрососедство – от этого границы становятся прозрачными, а еще позже, когда сотрудничество перерастает в единое экономическое пространство, и вовсе обретают чисто символическое значение, как это произошло в объединенной Европе.

Начавшиеся здесь интеграционные процессы пока – и я это с сожалением констатирую – больше отражают благие намерения, чем их претворение в жизнь. Сказывается и отсутствие практики реализации заключенных соглашений, каждодневной целеустремленной работы по их выполнению. Добрососедство – это, прежде всего, работа по выполнению волеизъявления народов, это каждодневный труд, и не маленький; его нельзя поддерживать усилиями только одной стороны. Таможенный союз, единое экономическое пространство пока продекларированы, и только: под них даже не подведена единая правовая база. В маловодные годы вспыхивают такие страсти из-за дефицита скудных водных ресурсов, что диву даешься: а зачем они? Куда разумнее сообща, по-соседски встретить общую беду – маловодье и совместными усилиями свести к минимуму ее последствия, чем изо всех сил тянуть одеяло на себя. Кстати, в советские времена так и поступали – делили воду в заранее оговоренных пропорциях, сколь мало ее ни было, и ни одна из республик не чувствовала себя обделенной.

Дистанцирование с Россией и сближение с Америкой, как правило, не прибавляло и не укрепляло суверенитета. Но укрепляло суверенитет и поднимало авторитет государства быстрое движение вперед в деле подъема экономики, развития культуры, образования, привлечения иностранных инвестиций, демократизации общественной жизни и соблюдения прав человека. Дорога независимости имеет уже протяженность почти в 13 лет, и видно, что вперед наиболее продвинулись те страны, которые сумели за это время создать наилучшие условия для перехода к рыночной, но социально защищенной экономике. Пусть движение вперед производилось методом проб и ошибок, но уже можно сказать, что Россия и Казахстан на этом пути пробовали больше и шире, а ошибались реже, чем другие участники марафона. Они и добились впечатляющих темпов роста. Россия снова превращается в стратегическую ось для всего постсоветского пространства, снова становится региональным лидером.

Разочарованием кончилась первоначальная эйфория в закавказских и центральноазиатских государствах относительно как Запада, так и мусульманского мира. Так, оказались завышенными ожидания относительно возможностей и масштабов помощи со стороны Турции, арабских нефтедобывающих стран. Уже не так привлекательна и сама турецкая модель развития, усиленно рекламируемая Западом для Центральной Азии. Экономические успехи Турции, учитывая ее почти полувековую фактическую интеграцию в Европу, достаточно скромны (Узбекистан на душу населения производит в два раза больше электроэнергии, чем эта страна). Но присутствие Турции, как и Ирана, в этих странах (особенно на их рынках) достаточно заметно. Идея объединения тюркоязычных стран исходит от Турции, но практического наполнения жизненными соками не получает. Турция открыла в Центральной Азии и Азербайджане свои банки, создала много совместных предприятий по производству текстиля (джинсовых тканей), швейных изделий, сборке грузовиков, автобусов и так далее. Но это еще далеко не широкомасштабное присутствие.

У стран Центральной Азии, особенно у Узбекистана, все еще остается большой невостребованный экономический потенциал, доставшийся им в наследство от советских времен. Аналитики, дружно констатируя, что за десять лет реформ в странах Содружества независимых государств (СНГ) происходило постоянное уменьшение валового внутреннего продукта, уровень которого в 2000 году не превышал 50 % от уровня 1991 года, так же дружно пришли к выводу, что ни одна из стран СНГ не смогла в одиночку преодолеть экономический спад и достойно перейти к рыночной экономике. Кооперационные связи между странами Содружества, резко оборванные в начале девяностых годов прошлого столетия, только теперь начинают медленно возрождаться. В Кыргызстане, Таджикистане и Узбекистане велика безработица.

Массовый характер принял отъезд русскоязычного населения в Россию. Так, из Казахстана выехало почти полтора миллиона русских, из Узбекистана – семьсот тысяч, из Таджикистана – триста

тысяч, или три четверти российской диаспоры. В связи с бездействием или вялой работой промышленности регион продолжает терять и специалистов, и квалифицированную рабочую силу. Сотни тысяч молодых таджиков, киргизов, узбеков ищут лучшей доли в России, а с недавних пор и в Казахстане, который гораздо успешнее создает новые рабочие места, чем его южные соседи. Казахстан принял действенные меры, включающие в себя материальную помощь и льготы, для переселения казахов из соседних стран, Монголии и Ирана, и почти двести тысяч казахов уже возвратились на свою историческую родину. Затянувшийся перевод народного хозяйства на рельсы рынка продолжает создавать проблемы, острота которых начинает сказываться на прочности государственных устоев. Важнейшая среди них – низкий уровень жизни, массовое обнищание населения, особенно сельского. А там, где бедность, там и недовольство.

Особое положение в регионе занимает Туркменистан, объявивший себя нейтральной страной и отгородившийся от соседей жестким визовым режимом. Его надежды на высокие доходы от поставок на внешние рынки газа и нефти (по некоторым данным, в этой стране сосредоточено до 30 процентов мировых запасов природного газа), начинают оправдываться. Будущее Туркменистана напрямую зависит от развития топливдобывающих отраслей. В 2005 году добыча нефти должна достичь 28 миллионов тонн, газа – 85 миллиардов кубометров. В 2010 году эти показатели должны составить соответственно 48 миллионов тонн и 120 миллиардов кубометров. Мало завися от своих соседей и развиваясь практически автономно, Туркменистан рассчитывает на значительный приток валютных средств, что повысит его роль в регионе и позволит ему проводить активную внешнюю политику. Россия пересмотрела свое отношение к Туркменистану (до 2000 года она практически перекрывала выход туркменскому газу в Европу), увидела в нем стратегическое подспорье своему «Газпрому», заключила с ним долгосрочные соглашения по ежегодной закупке 70 миллиардов кубометров газа в течение 20 лет и тем самым укрепила свои позиции на европейском топливном рынке.

Сегодня Каспийское море и Прикаспийский регион стали местом, вокруг которого на обширных территориях Центральной Азии, Кавказа и Среднего Востока с новой силой разворачивается борьба за топливные ресурсы и пути их доставки на внешние рынки. Действующие лица здесь, помимо самих Прикаспийских государств, Китай и Соединенные Штаты, Европейский Союз, Турция, Япония, Украина и другие. До распада СССР на Каспии доминировал Советский Союз, при этом в полной мере учитывались интересы Ирана, как доброго соседа. Но когда Прикаспийских государств стало пять, прежние соглашения по Каспийскому морю утратили юридическую силу, и у каспийского дна пока нет юридических хозяев. Судя по всему, будущая Конвенция о статусе Каспия будет исходить из того, что исключительными правами в отношении Каспийского моря и его ресурсов обладают пять государств, расположенных на его берегах.

При разделе моря на секторы, пропорциональные модифицированной срединной линии (таково пожелание Казахстана, Азербайджана и Туркменистана, к которому склонна присоединиться и Россия), потенциальные ресурсы углеводородов в российском секторе моря составят по нефти 1 миллиард тонн, по газу – 1 триллион кубометров, в казахском секторе, соответственно, 3 миллиарда тонн и 1,5 триллиона кубометров, в азербайджанском – 2,5 миллиарда тонн и 1,5 триллиона кубометров, в туркменском – 0,5 миллиарда тонн и 1 триллион кубометров. Только в Казахстане, куда широкой рекой текут иностранные капиталовложения, добыча нефти может вырасти в 2010 – 2015 году до 170 миллионов тонн, из которых 130 миллионов тонн пойдет на экспорт.

Казахстан в разработке своих природных ресурсов делает упор на добрые и доверительные отношения с Россией, подписав с ней в 1998 году декларацию о вечной дружбе и союзничестве, ориентированную на двадцать первый век. Это себя оправдывает. Спорные с Россией каспийские месторождения разрабатываются совместно. Казахстан широко пользуется российскими трубопроводами для транспортировки своей нефти на мировые рынки и на нефтеперерабатывающие заводы Поволжья. В то же время, развиваются отношения с Соединенными Штатами - в 1997 году подписана «Программа углубления политического и экономического сотрудничества между США и Республикой Казахстан», а Казахстан объявлен стратегическим партнером Америки. По прямым иностранным инвестициям Казахстан вдвое опередил остальные страны Центральной Азии, взятые вместе. Либерализация и повышение открытости национальной экономики продолжаются.

Развитие Азербайджана также опирается в первую очередь на увеличение добычи нефти и газа, и в этой стране складывается экономика сырьевого типа – другие отрасли промышленности, и некогда

сильное машиностроение в частности, не могут выйти из полосы застоя. По сути дела, у перспектив нефтяного развития страны нет альтернативы. Но есть и отрицательные моменты. Так, разведочное бурение на многих месторождениях выявило, что первоначальные прогнозные запасы нефти явно преувеличены (добыча нефти в этой стране ведется почти 150 лет, и за это время из ее недр извлечено 1,4 миллиарда тонн «черного золота»), и нефть, добываемая сегодня, почти вся идет на внутреннее потребление.

Иран, в отличие от других Прикаспийских стран, считает свои каспийские запасы нефти и газа второстепенными, все его внимание сосредоточено на месторождениях Персидского залива, которых ему хватает с избытком. Но он заинтересован, чтобы по его территории прошли трубопроводы, транспортирующие каспийскую нефть к портам Персидского залива, в Пакистан и Индию.

Трубопроводы в Каспийском регионе – это мощный инструмент геополитики. В настоящее время большинство нефтепроводов и все газопроводы от туркменских и узбекских месторождений идут в Россию. Это, прежде всего, нефтепровод Баку – Новороссийск протяженностью 1535 километров и пропускной способностью 18 миллионов тонн в год. При необходимости его пропускная способность может быть быстро доведена до 40 миллионов тонн. Это новая, проложенная в 2001 году Каспийским трубопроводным консорциумом труба Тенгиз - Новороссийск для экспорта казахстанской нефти. Этот трубопровод огибает с севера взрывоопасную Чечню. Через него планируется прокачивать к 2010 – 2015 годам до 67 миллионов тонн нефти в год. Осуществление этого проекта объективно укрепило российское влияние в северной части Каспийского моря. Это нефтепровод Узень – Атырау – Самара протяженностью 1380 километров и мощностью 30 миллионов тонн нефти в год. Реконструирован и снова начал функционировать старый нефтепровод Баку – Супса (Грузия), но его пропускная способность в три раза ниже нефтепровода Баку – Новороссийск.

Иметь альтернативные, помимо российских, пути для экспорта нефти в интересах как Азербайджана, так и Казахстана. И один такой трубопровод, Баку – Джейхан (турецкий берег Средиземного моря) протяженностью 1730 километров уже строится, его мощность в перспективе должна составить 60 миллионов тонн. На осуществлении этого проекта настаивали Турция и Америка, противилась ему Россия. На очереди прокладка нефтепроводов из Казахстана в западный Китай и – через Иран или Афганистан – в Пакистан и Индию. С этим России придется согласиться, ведь она имеет дело с суверенными государствами, интересы которых не всегда совпадают с ее собственными.

Газопроводы региона, помимо северных маршрутов (Бухара – Урал и Средняя Азия – Центр) вскоре могут пополниться мощным трубопроводом Туркменистан – Иран – Турция – Европа длиной более трех тысяч километров и пропускной способностью до 30 миллиардов кубометров газа в год. Туркменистан гарантирует поставки газа по этому трубопроводу в течение тридцати лет. Еще один проектируемый маршрут Туркменистан – Афганистан – Пакистан (Карачи) с первоначальной поставкой 20 миллиардов кубометров газа в год. Началу работ здесь, однако, препятствует продолжающаяся нестабильность в Афганистане. В перспективе, газопроводы из Туркмении могут прийти в Китай, Корею и даже в Японию.

Крупным потребителем туркменского газа остается Украина (40 миллиардов кубометров в год). Быстро наращивает добычу газа Казахстан, но пока все добытое голубое топливо потребляется внутри страны. Стать экспортером газа способен и Азербайджан, причем его запасов газа хватит, чтобы удовлетворить потребности Грузии и восточной Турции.

В Центральной Азии и в Закавказье идет активный процесс формирования внутрирегиональных и межгосударственных транспортных узлов, восстановления транспортного коридора Восток – Запад, как современного аналога Великому шелковому пути. Каспийская нефть придает этому процессу хорошее ускорение. В рамках этого процесса казахские железные дороги соединены с китайскими (станция Дружба), туркменские – с иранскими (станция Серахс). Так что сквозной железнодорожный путь Пекин – Урумчи – Алма-Ата – Ташкент – Чарджоу – Серахс – Мешхед – Тегеран – Стамбул и далее в Европу, названный Трансазиатской магистралью – это уже несколько лет как реальность (правда, при этом приходится дважды переставлять вагоны – с узкой колеи на широкую и наоборот, но это уже технические детали).

По проекту ТРАСЕКА, спонсируемому многими авторитетными международными организациями, модернизируются железные и автомобильные дороги широтного направления, идущие из Южной Европы в Китай, а также грузинские черноморские и многие каспийские порты. Большие

средства в развитие своих железных дорог вкладывает Туркменистан, прокладывая четыре новые линии (Казанджик – Кызылетрек, Казанджик – Кызылгая, Чарджоу – Керки – Керкичи и Кенеургенч – Кербай), планируя, совместно с Казахстаном, построить железную дорогу вдоль восточного побережья Каспийского моря и тем самым создать транспортный коридор Юг – Север, от портов Персидского залива к портам Балтийского моря. Этот маршрут будет короче маршрута по западному берегу Каспия на 800 километров. Но Россия пока отдает предпочтение паромному варианту Иран – новый порт Оля близ Астрахани с использованием принадлежащих ей паромов.

Улучшил свою железнодорожную сеть Таджикистан, построив железную дорогу Курган-Тюбе – Куляб – Хорог. В свою очередь, Хорог соединен автомобильной дорогой с Каракорумским шоссе, что дало этой горной стране выход в Китай и Пакистан, к портам Индийского океана. Этим выходом во внешний мир охотно пользуются другие страны Центральной Азии, используя вариант смешанных железнодорожно-автомобильных перевозок.

В Кыргызстане, как и в Таджикистане, железные дороги бывшего Советского Союза заканчивались тупиками. Вскоре это положение изменится. Началось строительство железной дороги Кашгар (Китай) – Иркештам – Ош протяженностью 600 километров, на две трети финансируемое китайцами. Объем международных перевозок в первые годы эксплуатации этой магистрали составит пять миллионов тонн в год. Эксперты полагают, что примерно на четвертый год эксплуатации этой дороги доля российских дорог в обеспечении внешнеторгового транзита стран Центральной Азии сократится с нынешних 60 % до 35 – 40%.

Активно реализует проект ТРАСЕКА Азербайджан. С 1966 года функционирует маршрутный контейнерный поезд Баку – Потти – Баку с одной промежуточной остановкой в Тбилиси. Прокладывается железнодорожная ветка Астара (Азербайджан) – Рештказвин (Иран), что позволит этой стране присоединиться к железнодорожным сетям Индии и Юго-Восточной Азии. Модернизируются паромные переправы Баку – Туркменбаши и Баку – Актау. Грузия соединила свои стальные магистрали с железными дорогами Турции (Ахалкалаки – Карс, 130 километров). Грузооборот на этом направлении может возрасти до 50 миллионов тонн в год. Нефть из грузинских портов в танкерах теперь идет не только через Босфор и дальше, но и в Одессу и Варну, где вновь закачивается в трубопроводы, обслуживающие Европу.

Армения, соединив свою железнодорожную станцию Зангезур с иранскими железными дорогами, также получила выход к портам Персидского залива. Восстановив отношения с Азербайджаном и Турцией, Армения сможет полностью подключить свои транспортные системы к международной транспортной сети. Серьезную программу развития своих железных дорог до 2010 года принял Казахстан. Только через станцию Дружба в сторону Турции из Китая, Вьетнама, Индии будет направляться до 15 миллионов тонн грузов ежегодно. Используя порт Актау и вводя льготные тарифы, Казахстан стремится, чтобы маршрут в Турцию проходил по его территории, минуя Узбекистан и Туркменистан.

Таким образом, возобновление Великого шелкового пути, но уже в новом качестве, сегодня стало важной геополитической реальностью. Уже можно говорить о формировании современной транзитной евразийской транспортной сети путем создания коридоров Восток – Запад и Север – Юг. В большом выигрыше оказались как страны Центральной Азии, получившие прямой выход к Тихому и Индийскому океанам, так и Китай, открывший прямое сообщение со странами Центральной Азии, Закавказья и Персидского залива. Несомненный выигрыш получили Иран, развивающий транзит в северном и северо-восточном направлении, Турция и, конечно, Европа – незаметный, но главный дирижер в осуществлении этого проекта. Еще одна немаловажная деталь: восстановление шелкового пути объективно усиливает интеграционные процессы как между странами-соседями, через территорию которых этот путь проходит, так между этими странами и остальным миром.

Примерно половина Великого шелкового пути – это геополитическое пространство ислама. Следует подчеркнуть, что для мусульман ислам неотделим от государственной власти. Важнейшие экономические предпосылки активной геополитики ислама – нефть (Саудовская Аравия, Объединенные Арабские Эмираты, Кувейт, Ливия, Ирак, Иран, Малайзия), быстрая индустриализация Турции, Малайзии, Индонезии и некоторых других мусульманских стран, туризм (Египет, Турция, Малайзия), широкомасштабное производство и сбыт наркотиков (Афганистан, Пакистан).

Симптоматично, что если в средние века продвижению ислама во внешний мир способствовали его могучие интеллектуальные ресурсы (ученые – математики, астрономы, географы, философы, богословы), то сегодня этот фактор резко сузился и перестал быть значительным, и лидерство в развитии культуры и расширении своего информационного пространства перехватили другие народы и культуры. Симптоматичен и вывод известного японского политика Ф. Фукуямы: «Нет ни одного примера, чтобы богатые нефтью страны Персидского залива использовали свои богатства для создания устойчивого индустриального общества, а не для создания общества испорченных рантье, которые со временем становились все более и более фанатичными исламистами».

Наверное, не случайно международный терроризм, взращенный на палестино-израильском, а затем на албано-сербском и чечено-российском противостоянии и дерзко поднявший голову на рубеже тысячелетий, избрал своей идеологической опорой экстремистские (ваххабистское в частности) течения ислама. Конечная цель геополитики ислама в понимании идеолога его экстремистского направления С. А. Маудуди сформулирована в его книге «Джихад в исламе»: «Ислам стремится разрушить все государства и правительства, где бы они ни находились на Земле, которые сопротивляются идеологии и программе ислама. Ислам стремится завладеть всей землей, всей планетой». И пусть миллионы и миллионы мусульман в своей повседневной жизни не только не руководствуются этой целью, но совершенно ее не разделяют, у Маудуди, у Бен Ладена достаточно фанатичных последователей, которые после соответствующей подготовки захватывают пассажирские самолеты и направляют их, полные пассажиров, на нью-йоркские небоскребы или, опоясав свое тело взрывчаткой, взрывают себя в автобусах, электричках и магазинах вместе с десятками «неверных».

Существует мнение, что в исламском мире время течет медленнее, чем в любом другом, и можно никуда не торопиться. Это мнение опирается на то, что исламский мир, потребляя достижения технической цивилизации, сам их почти не создает.

По аналогии с Турцией, страны Центральной Азии и Азербайджан избрали светскую форму правления и законодательно (конституционно) отделили религию от государства. Но жизнь, практика являют нам другие картины, и пока рано говорить об отсутствии влияния религиозных общин и организаций на внутреннюю и внешнюю политику новых независимых государств, какими стали бывшие союзные республики с мусульманским населением.

Международный терроризм с глубокими исламскими корнями сегодня в мире возмутитель спокойствия номер один, на его счету кровавые события 11 сентября 2001 года в Америке, страшные по своим последствиям акты в России, Турции, Испании, Ираке, поддержка чеченских боевиков. Узбекская оппозиция пошла на прямые контакты с террористами, свидетельство чему – взрывы в Ташкенте в 1999 году, события в Ташкенте и Бухаре весной 2004 года. По мнению востоковеда С. А. Модестова, ведущую роль в выработке и реализации геополитических концепций ислама играет Саудовская Аравия, на словах отрекшаяся от международного террориста номер один своего соотечественника Бен Ладена, а на деле ему глубоко ему сочувствующая и тысячами нитей с ним связанная.

Головной болью Центральной Азии продолжает оставаться Афганистан, его нестабильность, его гигантское маковое поле. Мировая статистика оценивает валовой внутренний продукт этой страны с населением в 25 миллионов человек в 1,9 миллиарда долларов, а выручку от оборота наркотических средств, производимых в этой стране – в 25 миллиардов долларов. Как долго Афганистану оставаться пивявкой на теле мирового сообщества, убивать молодежь героином в Центральной Азии, России, Европе, Японии, Америке? Как долго афганское маковое поле будет оставаться не перепаханым? Пришествие американцев в эту страну не завершилось ее умиротворением. Восстановление автомобильных дорог и прокладка железных дорог и трубопроводов (эти проекты давно готово финансировать мировое сообщество), пока невозможны, так как безопасность строителей и сохранность материалов еще не может быть обеспечена. Прикрываясь Афганистаном, свою нишу в производстве наркотиков и наркобизнесе находят Таджикистан, Кыргызстан, Казахстан

Заметным во всех отношениях в Центральной Азии и Закавказье становится присутствие Соединенных Штатов. Эта великая страна, как победившая в холодной войне, с момента распада СССР сочла своей обязанностью взять на себя опеку вновь образовавшихся государств, попутно обучая их основам демократии и рыночных отношений. К сожалению, эта опека не предотвратила ни таджикских межклановых разборок, ни армяно-азербайджанской войны из-за Нагорного Карабаха, ни внутригрузинских этнических конфликтов. Пока США не пришли сюда с большими экономическими

проектами и серьезными инвестициями, но уже обозначили свой практический интерес к крупнейшим нефтяным месторождениям Казахстана и Азербайджана, к золоту и урану Кызылкумов, которые добывает Навоийский горно-металлургический комбинат, к другим перспективным месторождениям полезных ископаемых.

Оправившись от шока, вызванного атаками террористов на Нью-Йорк и Вашингтон, Соединенные Штаты взяли на себя роль мирового лидера по искоренению скверны терроризма везде, где она пустила корни, и страны Центральной Азии и Закавказья заверили их в полной своей поддержке и в готовности оказать практическую помощь. Такая помощь выразилась в предоставлении Узбекистаном и Кыргызстаном военно-воздушных баз и всеми странами региона, а также Россией транспортных коридоров для обеспечения доступа американской армии к опорным пунктам террористов в Афганистане. Грузия, Азербайджан и Узбекистан выразили желание вступить в НАТО, чему противится Россия.

Резко усилила антитеррористическую направленность своей деятельности и Шанхайская организация сотрудничества, создающая в Центральной Азии мощный центр по борьбе с международным терроризмом со штаб-квартирой в Ташкенте.

Демократические преобразования в Центральной Азии идут медленнее, чем того хотела бы Америка. Но ведь даже в Турции, в Египте, которые гораздо ближе к Европе и гораздо дольше демократизируют свое общество, эти преобразования далеки от завершения. Ускорять этот процесс искусственно едва ли имеет смысл, это не приблизит желаемого результата, но создаст в обществе трудно устранимые очаги напряженности. Гораздо важнее уделить внимание развитию малого и среднего бизнеса, восстановлению индустрии, интеграционным процессам, которые содействуют созданию единого экономического пространства. Ибо в таком пространстве, в свободном перемещении товаров, капиталов и гражданских лиц Центральная Азия нуждается больше всего.

«ГЕОПОЛИТИКА НОВОГО ШЕЛКОВОГО ПУТИ»

Книгу с таким названием выпустили в свет институт актуальных международных проблем Дипломатической академии Министерства иностранных дел Российской Федерации и московское издательство «Известия». Ее автор Рустам Мирзаев известен в Узбекистане и как предприниматель, успешно занимающийся туристическим бизнесом, и как ученый-политолог и журналист, анализирующий взаимодействие интересов разных стран, и в первую очередь государств Центральной Азии, на Великом шелковом пути, быстро возрождающемся.

Рустам Мирзаев родился в Самарканде, ключевом пункте древнего шелкового пути, городе, где человек, оглядывая свои корни, легко пронзает мыслью века и тысячелетия. Вот почему сопоставлять день вчерашний с днем сегодняшним, подмечать черты сходства и различия, угадывать тенденции ему естественно и увлекательно. Московский государственный университет, который он окончил с отличием, открыл и поощрил в нем навыки исследователя; последующая учеба в аспирантуре эти навыки развила и укрепила. Открытость миру, всем четырем сторонам света, позволяет Мирзаеву копать глубоко и привлекать внимание к фактам, до этого бывшим достоянием узких специалистов. А патриотическая жилка в его характере, не выставляемая напоказ, но очень интенсивная, окрашивает его исследования в тона симпатии к родной стране и ее друзьям, что лично у меня вызывает чувство глубокого уважения.

Что стало предметом нынешнего исследования Рустама Мирзаева? Вот постсоветское пространство, после распада Союза готовое не противостоять остальному миру, но сотрудничать с ним. Вот Центральная Азия – пять молодых суверенных государств со своими непростыми проблемами каждое: почему развитию одних свойственна динамика, а развитие других окрашено в застойные тона? Вот Республика Узбекистан, ее проблемы, ее отношения с соседями и с миром, ее надежды и устремления, неустанно подкрепляемые трудолюбием и доброй волей ее народа.

Вот Великий шелковый путь, снова заполненный купцами и товарами, готовый стать столбовой дорогой единения Востока и Запада, единения человечества. Что дает нам, узбекистанцам, его возрождение? Почему к его реконструкции проявляют такой интерес Япония и Китай, Индия и Пакистан, Иран и Турция, Объединенная Европа, Соединенные Штаты Америки? Почему в его восстановлении заинтересована Россия, хотя этот путь – явный конкурент Транссибирской железной дороги? Потому что шелковый путь – это дорога сотрудничества, а сотрудничество непременно приведет к созданию десятков миллионов новых рабочих мест в Азии и Европе.

Мне могут возразить, что соперничество тоже ведет к созданию многих рабочих мест, но соперничество в сегодняшнем мире (вспомним уроки холодной войны) – это дорога в никуда, это похороненные усилия, а сотрудничество – это именно то, что великим благом обернется для наших детей и внуков.

Не так давно мир познакомился с новым термином, объясняющим его сегодняшнее состояние. Это глобализация, стремление к единому экономическому пространству, такому, какое уже создали для себя Европа и Северная Америка и какое хотят (но пока не получается) создать для себя страны СНГ. Движущая сила глобализации – межнациональные корпорации, средоточие огромной технической и финансовой мощи, о какой фирмы Ротшильда, Круппа и Форда могли только мечтать. И не армии открывают сегодня двери в соседние страны, а деньги и новые технологии. И те страны, куда

межнациональные корпорации по каким-то причинам не желают идти, начинают отставать в развитии и быстро оказываются на обочине технического прогресса. Перестраивают ли межнациональные корпорации мир под себя? Конечно, и очень интенсивно.

Важной концепцией сегодняшнего мира является создание единого пространства-времени. Оно возможно только при широком развитии транспорта и средств связи. Глобальные системы коммуникаций все более неподконтрольны национальным государствам. Хотим мы того или нет, а Интернет уже вошел в каждый дом, в том числе и в наш, стал могучим средством общения и приобщения к знаниям.

Мир стремительно движется к эпохе, когда национальные предприятия и корпорации будут вытеснены или заменены международными. К традиционным центрам глобализации – США, Японии, Европейскому Союзу сегодня быстро присоединяются новые – Китай, Индия, страны Юго-Восточной Азии.

А как чувствуют себя развивающиеся страны, обойденные вниманием и инвестициями транснациональных корпораций? Так себя и чувствуют – ущербно. Обижаются. И протестуют, но не через свои правительства, что практически бесполезно, а через неформальные организации, которые на проверку часто оказываются террористическими. К прискорбному сожалению, протесты в виде террористических актов, несущих гибель простым людям, которые ни в чем не виноваты – трагические реалии XXI века.

Дуга нестабильности протянулась от Персидского залива к горам Гиндукуша; американское военное воздействие на нее пока не привело к ее исчезновению. Эта дуга с эпицентром в Афганистане с его огромным маковым полем негативно влияет на атмосферу в Центральной Азии. Гражданская война в Таджикистане, последние события в Киргизии и Андижане – все это следствие тайных операций, инициируемых и направляемых не из Центральной Азии.

Так, в андижанских событиях обращают на себя внимание четыре явно антиконституционных момента – насильственный захват оружия в воинских частях, насильственный захват тюрьмы и освобождение уголовников, штурм и захват хокимията, и, что было самым ужасным – создание боевиками охранной грамоты в виде живого щита из людей немощных, ко всем этим событиям никак не причастных, и последующая гибель этих людей, позволившая боевикам спасти свои жизни. К сожалению, именно такой почерк свойственен многим последним террористическим актам, тщательно продуманным и подготовленным (США, Россия, Испания, Великобритания, Турция).

Участие Узбекистана совместно с мировым сообществом и странами Шанхайской организации сотрудничества в антитеррористической борьбе не только правомерно, но и настоятельно необходимо. Террористическая угроза, время от времени приводимая в действие, отрицательно влияет на возрождение Великого шелкового пути, заставляет государства, по территориям которых он проходит, тратить гигантские средства на противодействие новоявленной угрозе. Среди мер противодействия много очень непопулярных – усиление таможенного и пограничного контроля, введение визовых режимов, временное закрытие границ. А что делать? Подсказывайте, не стесняйтесь!

Кстати, Афганистан еще долго обещает быть головной болью мирового сообщества. Мирзаев приводит данные, что от своего макового поля Афганистан имеет ежегодно 29 миллиардов долларов дохода, а от всей прочей хозяйственной деятельности – только два миллиарда. Как поступать с его героиновой интервенцией – так же пассивно, как сейчас, или гораздо более активно? Ведь его маковое поле – это тихий убийца миллионов людей. А убийц не уговаривают больше этими делами не заниматься, их изолируют пожизненно или приговаривают к высшей мере наказания (как в Китае).

Страны Центральной Азии, примыкающие к Каспийскому морю, оказались очень богаты углеводородным сырьем (его запасы специалисты оценивают в четыре триллиона долларов). Дефицит этого сырья в мире нарастает с каждым годом. Газ и нефть Туркменистана и Казахстана – это вожделенная мечта и предмет жесткого соперничества бизнесменов и политиков Японии и Китая, Индии и Пакистана, Соединенных Штатов Америки и, конечно, России. Долгосрочные соглашения о закупках туркменского и узбекского природного газа Россией существенно упрочили ее позиции на европейском энергетическом рынке.

Туркменистан готов увеличить добычу газа до 200 миллиардов кубометров в год, Казахстан – поднять добычу нефти до 100 миллионов тонн. Обе эти страны планируют прокладку мощных трубопроводов на восток, в Китай, Пакистан и Индию. Труба из Баку проложена к берегам

средиземноморья, в турецкий порт Джайхан. Тут уже возобладали американские интересы – нефть по этой трубе, казахская и азербайджанская, пойдет на экспорт в обход России.

Геополитика – это выбор партнеров, с которыми будут вестись те или иные дела. Только выбор этот происходит не на уровне нашего местечкового базара, где все нам ясно и понятно, а на уровне мирового рынка с его жесточайшей конкуренцией. С выбора партнера и начинается сотрудничество. Им все чаще оказывается Россия. В странах Центральной Азии она уже приобрела сотни промышленных предприятий, создала много совместных производств. Так, с ее помощью возобновляется строительство Рогунской гидроэлектростанции на Вахше и алюминиевого завода при ней, что приведет к созданию в многоотраслевом Таджикистане 10 – 15 тысяч новых рабочих мест.

Добывающая промышленность – традиционная сфера японских интересов. Япония – первая среди инвесторов на центральноазиатском рынке. Так, ее вложения в развитие инфраструктуры Узбекистана уже превысили 1,6 миллиарда долларов. Цветные металлы и нефть и открытые двери для японских предпринимателей – вот то, ради чего вложены эти деньги.

С каждым годом усиливает свое присутствие в регионе Китай; подробно объяснять его многоплановые интересы в нашем краю нет нужды. Его присутствие особенно заметно в Казахстане. Там китайцам принадлежат сотни предприятий. Безвизовый режим между странами-соседями привел к тому, что многие казахские города уже обзавелись собственными чайнтаунами – компактными китайскими общинами.

Европейский Союз и США – поборники продвижения демократии в наш регион. Демократия западного образца и наши национальные традиции – вот куда вклинивается яблоко раздора, вот где начинается непонимание и неприятие. Ибо в западной культуре сила сплошь и рядом превалирует над нравственными ценностями (вспомним, что стержнем почти всех голливудских фильмов является кулак).

Европейский Союз финансирует проект транспортного коридора Европа – Кавказ – Азия, против которого ни у кого нет возражений. Объективно каждый год усиливается значение Центральной Азии, как связывающего звена между Востоком и Западом, как моста, соединяющего экономики и культуры двух разных миров. Позитивную роль в этом процессе играют наши ближайшие соседи – Турция, Иран, Пакистан. Ибо соперничество всегда стоит больших денег, а сотрудничество обязательно принесет желанные плоды.

Рустам Мирзаев не был бы патриотом туристической индустрии, если бы не рассматривал возрождение Великого шелкового пути с точки зрения развития туризма, поощрения туризма. Самарканд, Бухара, Хива – это те шедевры древней культуры, которым не грозит увядание; и стар, и млад со всего света взирают на них широко распахнутыми глазами. И не шестьдесят тысяч иностранных туристов в год должен принимать Узбекистан, а в десять, в сто раз больше. Туристу должно быть хорошо, привольно в стране пребывания; традиции узбекского гостеприимства этому требованию отвечают на все сто процентов. Значит, индустрия туризма в нашей стране должна развиваться ускоренными темпами. И Мирзаев неустанно пропагандирует, как это сделать лучше, с наибольшим эффектом.

Разумеется, все сказанное о новой книге Рустама Мирзаева – лишь прикосновение к тому, о чем вдохновенно повествует сам автор. Раскройте сами книгу «Геополитика нового шелкового пути», и вы почувствуете, как углубляются и обогащаются ваши представления о современном мире, ваши представления о том, чего хочет и чего добивается наша страна, торя к соседу дорогу сотрудничества, по-доброму деля с ним и хлеб, и воду – и рассчитывая на его отзывчивость, итогом чего становится добрососедство.

Сергей Татур,
писатель

Рустам МИРЗАЕВ

ТРАНСПОРТНЫЕ КОММУНИКАЦИИ И ГЕОПОЛИТИКА

Введение

Человека ведут по жизни его интересы. «Я этого хочу, я могу этого добиться, мне это надо» – становится его сильнейшим побудительным стимулом. Об этом заблаговременно позаботилась мать-природа, формируя поведение человека, нацеленное сначала на выживание, а затем и на стремительное продвижение вперед, к высотам, об истинной высоте которых он и сам пока не догадывается. Ибо сегодня каждое последующее поколение видит перед собой высоты, ему доступные, но недоступные отцам и дедам – они только будоражили их воображение. Возможно и то, что внукам будут доступны высоты, о существовании которых их деды даже не подозревали. Да, ясность цели, подкрепленная твердым, решительным характером, подкрепленная умением, развитым учителями и наставниками, лежит в основе любого достижения, как великого, так и совсем неприметного, из каких, однако, и складывается дорога длиною в жизнь.

Естественно, человек чуть ли не всю свою сознательную жизнь учится, чтобы его интересы, соприкоснувшись с интересами других людей, особенно из его ближайшего окружения, не искрились, вступая с ними в противоречие, а находили такие пути для своего осуществления, которые бы всех устраивали. И тут его ближайшие помощники – родители, школа, друзья, а также огромное количество жизненных примеров, как добиваться своего, не ущемляя достоинства других людей, не перечеркивая их планы и не гася их надежды. Возникает своего рода культура и этика достижения задуманного – добиваться своего, не переступая границ нравственности, границ дозволенного, но неуклонно следуя заповедям предков. Эта культура прежде всего вбирает в себя уроки истории. Переступить дозволенное в попытке добиться своего – это конфликт, это война, маленькая или большая. Это ошибка, но иногда она так желанна, что ее хочется совершить, не взирая на все запреты.

Что верно для человека, то верно и для государства, которое, как и человек, является живым организмом; время, отпущенное ему для жизни, может колебаться от совсем маленького срока до очень многих лет – здесь все зависит от ростовой силы, заложенной в нем социальной средой, и выбранной им линии поведения. Интересы человека, его «я хочу, я желаю, я могу, я должен это сделать», помноженные на миллионы раз и столько же раз просеянные через сито общественного сознания – это уже интересы народа и созданного им государства. Многотысячелетняя история человечества – это и история того, как государства претворяли в жизнь и отстаивали свои интересы, избирая для этого, по подсказке обстоятельств и по наитию своих лидеров, как мирные пути, включающие в себя добрососедство и сотрудничество, так и силовые методы. Силовое воздействие на соседа не только допускалось, но и считалось логическим продолжением воздействия мирного, когда оно не вело к желаемому результату. Естественно, и здесь зерна отсеивались от плевел, и лучшие примеры, примеры государств-долгожителей, примеры государств, которые становились великими, планомерно раздвигая свои границы и наращивая свое влияние, изучались с прилежанием, достойным уважения.

Так возникла наука, именуемая политикой. Лет ей не меньше, чем расстояние, отделяющее нас от Аристотеля или Александра Македонского, которые хотели видеть свое государство сильным и дееспособным и знали, как это устроить. Поскольку каждое государство в своих задачах и устремлениях

опирается на территории, которыми располагает, и на народы, живущие на этих территориях, трансформируя их возможности, реализованные и потенциальные, в свои возможности как ближнего, так и дальнего прицела, эта наука не так давно, на рубеже веков XIX и XX, получила название геополитики.

Ее суть от этого не изменилась, но несколько расширилась, ведь в ее положения все настойчивее и глубже стало вплетаться понятие, что земной шар слишком мал для новых больших противостояний народов и цивилизаций, что сам уровень научных и технических достижений человечества настоятельно нуждается, для своего дальнейшего роста, в сотрудничестве всеохватном, глобальном, противостояния же и большая война губительны для него. Выкристаллизовывается путь, который предстоит пройти человечеству в XXI веке – от сотрудничества, наращиваемого планомерно и целеустремленно, к единению, что и означает сотрудничество всеобъемлющее, стирающее границы, ничем и никогда уже не нарушаемое. Сотрудничество, предельно уважительное к национальным и межцивилизационным различиям и особенностям. Идиллия, конечно, выкристаллизовывается, прекрасная по своей сути, но и пока далекая от нас, как журавль в небе. Далекая, но, ведь, желанная!

Путь к сотрудничеству всеобщему, переходящему в единение, не обещает быть прямым, простым и быстрым. Будет ощущаться напряжение, часто очень большое, будут преодолеваться преграды, именуемые конфликтами и даже войнами. Но залог достижения конечной цели в том, что народы, стоящие сейчас на разных уровнях развития и представляющие разные цивилизации, уже хотят единения и стремятся к нему, ибо видят в нем великий стимул к ускорению своего развития. Противостояние всегда стоило огромных сил и средств, а в наше время обходится невероятно дорого. Единение же позволит направить высвобожденные средства на позитив, на цели развития, и эта идея становится центральной мыслью современной геополитики. Единение, как альтернатива самодостаточности? А почему бы и нет? Самодостаточность была краеугольным камнем каждой из сегодняшних цивилизаций, но даже всегда самодостаточный Китай увидел и оценил преимущества взаимодействия и сотрудничества и отказался от опоры на одни собственные силы.

Итак, в первом веке третьего тысячелетия человечеству предстоит пройти путь от противостояния к сотрудничеству. Не похож ли этот вывод на недавний большевистский лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Пролетарии не всех, но многих стран соединились, однако ничего путного из этого не произошло (правда, эксперимент в китайском исполнении еще не завершен, и ему пока сопутствует успех). Когда христианин и мусульманин сходятся, чтобы начать общее дело, они начинают, как правило, с утверждения, что Бог един, и это мнение, для них единое, их сближает. Они вместе воздают хвалу Всевышнему, и их общее дело начинает движение в нужном направлении. Таким образом, сотрудничество, опирающееся на взаимную выгоду, способно преодолевать самые серьезные межцивилизационные барьеры, и за примерами каждому из нас далеко ходить не надо.

Бог населил Землю удивительно разными народами, но предусмотрел, чтобы любая женщина могла зачать от любого мужчины. Не эта ли данность, ниспосланная нам свыше, вкупе с техническими новшествами последних лет, не знающими границ и легко преодолевающими любые границы, залог грядущего нашего единения? Сотрудничество в самых разнообразных своих формах должно и, значит, обязано брать верх над всеми явными и скрытыми формами противостояния, ибо оно ускоряет развитие и обеспечивает благополучие каждого из нас. У каждого из нас на виду десятки примеров сотрудничества плодотворного и обоюдовыгодного. Примеров же прямо противоположных становится все меньше, и это радует.

Сотрудничеству, чтобы оно стало глобальным видом поведения рядовых граждан и политиков, надо учиться, учиться и учиться. Учиться до тех пор, пока каждый из нас не осознает себя гражданином планеты Земля и не поручит своему государству делегировать значительную часть его полномочий Всемирному правительству, которое и заменит собой Организацию Объединенных Наций. Учиться, прежде всего, надо заново оценивать понятие «Это мое!» Это основополагающее понятие, из него проистекают все наиболее дорогие нам интересы. Ведь, отстаивая свое, кровное, или стремясь сделать своим чужое, человек брал в руки камень, дубину, меч, а теперь держит палец на кнопке, нажатие на которую обеспечивает мгновенный запуск межконтинентальной ракеты с могучим термоядерным зарядом, который в состоянии испепелить и покрыть многометровым слоем шлака все окрест на десятки и сотни километров. Понятие «мое» в нынешнее время все чаще приобретает окраску нашего, общего;

наращиванию, в первую очередь, должно подлежать не личное, но общее достояние, от которого всем становится тепло и комфортно.

Итак, геополитика – это наука, которая от земли отталкивается, родной и любимой, от народа, на этой земле живущего. От хозяйства, которое этот народ ведет. От созданного этим народом государства, которое его интересы блюдет и отстаивает. Точной, как математика и химия, эту науку не назовешь, хотя политики и стремятся, чтобы каждое их слово и каждое их решение взвешивалось на аналитических весах чистой науки. Ибо политику превращают в конкретное дело живые люди, поведение которых определяет их образ мыслей, характер и эмоции. Поэтому, когда сопоставляется замысел и исполнение, идентичность не всегда налицо, и отклонения от замысла могут быть очень даже не маленькие. Ведь каждый из нас со школьной скамьи вынес впечатление, что самый хороший замысел может быть перечеркнут напрочь дурным исполнением.

Геополитика создавалась, складывалась в стройную систему знаний со своей методикой анализа ситуации и прогнозов не в один день. Она многое вобрала в себя и от великих мыслителей древнего мира Аристотеля и Гиппократ (У – IУ века до новой эры), и от ее выдающихся государственных деятелей Александра Македонского, Юлия Цезаря. Свои камни положили в нее философы нового времени Монтезке, Кант, Гегель, Маркс, великие царедворцы Маккиавели, Ришелье, непревзойденный перекраиватель европейских границ Наполеон. Но в науку ее превратили замечательные ученые XIX и XX веков шведский географ и государствовед Рудольф Челлен, немецкий географ Фридрих Ратцель, американский адмирал Альфред Мэхен, британский географ и политик Хэлфорд Маккиндер, немецкий исследователь Карл Хаусхофер, французский географ Поль Видаль де ла Бланш и многие другие выдающиеся ученые и мыслители.

Свои идеи в развитие геополитики внесли русские ученые Николай Яковлевич Данилевский, Лев Ильич Мечников, историки Сергей Михайлович Соловьев, Иван Лукьянович Солоневич, Василий Осипович Ключевский, правовед Борис Николаевич Чичерин, географ В. П. Семенов-Тян-Шанский, философ Евгений Николаевич Трубецкой, экономист Петр Николаевич Савицкий, политолог Лев Николаевич Гумилев. В новейшее время эту науку дополнили плодотворными идеями такие многосведущие и обладающие глубочайшим внутренним зрением государственные деятели, как автор могучего китайского рывка вперед Дэн Сяопин, американцы Збигнев Бжезинский, Генри Киссинджер, Мадлен Олбрайт. За каждой из названных фигур стоят интереснейшие концепции, плод многолетнего и вдумчивого анализа международной политики и путей развития великих стран и человечества в целом (Сирота Н. М. Основы геополитики. СПб. 2001. С. 40 – 53).

Известный и очень уважаемый мною политолог Камалудин Серажудинович Гаджиев считает, что геополитика, как дисциплина, в центре внимания которой находятся основополагающие проблемы современного мирового сообщества, не может абстрагироваться от проблем территории, месторасположения и географии конкретной страны или народа (Гаджиев К. С. Введение в геополитику, М. 2003. С. 5). Но к XX веку завершился процесс объединения и освоения мирового пространства, заселенного человеком. Новых земель на нашей планете человек уже не откроет, разве что они образуются в результате тектонических катаклизмов. И любое государство, независимо от своего реального веса и влияния, оказывается вовлеченным в дела всего мирового сообщества.

Отгородиться высокой каменной стеной от мирового сообщества сегодня означает замкнуться на себе, единственном и неповторимом, надолго остаться во дне вчерашнем, законсервировать свою страну во дне вчерашнем, а это себе дороже. К примеру, коммунистический, но лояльный к частному предпринимателю Китай открыт всему миру, а коммунистическая, но не лояльная к частному предпринимателю Корейская Народно-Демократическая Республика от мира отгородилась, ее режим устраивает автаркия. Итоги и той, и другой политики взвесить и оценить в состоянии каждый. Китайская Народная Республика – это вторая по своей экономике и своему влиянию держава мира с огромным профицитом во внешней торговле, динамика ее развития бесподобна, а Северная Корея отстала от Южной уже не на одно, а на два поколения.

Геополитика, по Гаджиеву, это важнейший раздел политической науки, занимающийся изучением теоретических и практических проблем международных отношений, разработкой основных закономерностей и тенденций международной жизни. «Гео» в понятии «геополитика» означает не просто географический или пространственно-территориальный аспект в политике того или иного государства, но и масштабы, правила и нормы поведения как мирового сообщества в целом, так и

отдельных государств, союзов, блоков в общемировом контексте (Гаджиев К. С. Введение в геополитику. М. С. 7). По его оценке, доминирующими в XXI веке должны стать идеи сотрудничества и единения человечества.

«Геополитика занимает важное место в современных международных отношениях. Без геополитических прогнозов невозможно представить будущее страны, - утверждает политолог Владимир Александрович Дергачев (Дергачев В. А. Геополитика. М. 2000. С. 3). – В многополярном мире с открытыми и закрытыми обществами и экономиками государственный деятель обязан обладать геополитическим мышлением». По В. А. Дергачеву, глобальная, или фундаментальная геополитика рассматривает вопросы теории и концепции жизненного пространства, мировой революции, осевого пространства, морского могущества, атлантизма, евразийства, теорию сдерживания и многие другие, актуальные на сегодняшний день или поучительные в плане истории. Важным понятием этой науки является представление о геополитическом положении. Каждая страна занимает вполне определенное географическое положение, но может не иметь положения геополитического, которое всецело зависит от мощи государства (экономической, военной, политической, информационной). Геополитика делает упор на цивилизованный подход в международных отношениях и формировании нового мирового порядка.

Политолог Николай Александрович Нартов называет геополитику наукой о контроле за пространством. Наполняясь конкретным содержанием, она все активнее способствует изменениям в современном мире, становится ключом к прогнозированию политики ведущих стран и континентов (Нартов Н. А. Геополитика. Москва. 2004. С.10-12). Нартов сводит геополитику к трем важнейшим аспектам. Аспект первый – эта наука характеризует ту или иную мировоззренческую доктрину, которая обосновывает экспансионистскую или оборонительную линию международной политики, осуществляемую национальными или блоковыми интересами в международном пространстве. Аспект второй – эта наука характеризует конкретно-исторический тип международных отношений эпохи переделов мира, уже в основном завоеванного и освоенного старыми державами, практическую стратегию международной политики народов и государств новейшей истории. Аспект третий – эта наука активно формирует свою методологию исследования зависимости международных отношений, зависимости развития стран, регионов и народов от условий географического пространства. В силу этого геополитика – одна из ведущих общественных наук XXI века. Очень многое свидетельствует в пользу того, что именно XXI век должен стать новой эпохой развития человечества, эпохой, в которой взаимодействие и сотрудничество народов и государств возьмут решительный верх над национальным эгоизмом. Вместе с тем, Нартов считает, что опора на военную силу в международной политике себя далеко не исчерпала, и военное могущество государства в отстаивании его интересов – аргумент самый весомый и бесспорный.

Политологи Владимир Александрович Колосков и Николай Семенович Мироненко, авторы учебника «Геополитика и политическая география», (Колосков В. А., Мироненко Н. С. М. 2001. С. 3 – 9), считают, что будущее в геополитике за взаимодействием, а не за конфронтацией, и свою точку зрения обосновывают глубоким анализом событий новейшей истории. В XXI веке, по их мнению, линии раскола на планете пролягут не между нациями и не между идеологиями, а между цивилизациями (цивилизация, по их определению, это «наивысшая форма культурной общности людей, или мегакультура, имеющая широчайший спектр признаков, которые определяют культурную самобытность народов»). Американский социолог М. Мелко делит сегодняшний мир на пять цивилизаций – западную, исламскую, китайскую, индуистскую, японскую. Некоторые политологи выделяют также цивилизации русскую православную, южноамериканскую и африканскую, увеличивая количество цивилизаций до восьми. Все будущие мировые конфликты будут возникать между цивилизациями.

В пользу своих доводов ученые приводят такие аргументы. Различия между цивилизациями – это базовые различия, они складывались на протяжении столетий, а то и тысячелетий, и не подлежат быстрому сглаживанию и исчезновению. Это основополагающие различия, и они прочнее и глубже границ между государствами. Эти различия гораздо более консервативны и долговременны, чем политические и экономические. Даже считая себя частью единого человечества, русский непременно постарается сохранить в неприкосновенности свою русскую суть, китаец – китайскую, араб – арабскую,

англосакс – англосаксонскую, и так далее. По-иному, исходя из сегодняшних реалий, прийти к единению просто невысказимо.

Процессы глобализации делают национальные государства менее едиными и сплоченными, могучие межнациональные корпорации, как локомотивы глобализации, многое вбирают в себя от их суверенитета. Поэтому против процессов, размывающих единство и сплоченность государств, начинают выступать религии (пример тому – фундаменталистские движения в исламской цивилизации со своей крайней формой протеста против диктата Запада – международным терроризмом). Рост самосознания цивилизаций подогревается могуществом Запада, которое достигло своего зенита, и его диктаторскими наклонностями. Возврат не западных цивилизаций к своим корням порождает конфронтацию. Не западные цивилизации все более выступают, как творцы и собственной, и всемирной истории. Это подогревает экономический регионализм в Америке, Европе и Азии.

Главный разлом, по Колосову и Мироненко, проходит между Западом, к которому сегодня тесно примыкает Япония, и остальными цивилизациями, причем, на первое место, по силе и глубине противоречий, выходит противостояние между Западом и исламской цивилизацией, подпитываемое неуправляемой энергией миллионов активных молодых мусульман. Если бы эта энергия была направлена на создание единого мусульманского или хотя бы единого арабского государства, Западу стало бы легче. Все более серьезной становится опасность, которая исходит от Китая. Она вытекает из господствующего в этой стране порядка и дисциплины, способствующих быстрому подъему ее экономики.

Колосов и Мироненко определяют геополитику, как некую проблемную научную область, основная задача которой состоит в фиксации и прогнозе пространственных границ силовых полей разного характера (военных, экономических, политических, цивилизационных) преимущественно на глобальном уровне (Колосов В. А. и Мироненко Н. С. Геополитика и политическая география. М. 2001. С. 18). Геополитические модели общепланетарного уровня создают представления о мировом порядке, который отражает баланс силовых полей. Их попытки заглянуть в завтрашний день человечества богаты интересными идеями и гипотезами.

Политолог Андрей Римович Тузиков считает, что геополитика есть специальная область общественности, изучающая взаимосвязь пространственных характеристик государства с его долговременными политическими интересами, которые и становятся сутью его политики (Тузиков А. Р. Основы геополитики. М. 2004. С. 3). Политолог Наум Михайлович Сирота, автор учебного пособия «Основы геополитики» (СПб, 2001 г.) трактует геополитику, как науку о связи и взаимодействии географического пространства и политики. То есть, эта наука изучает как свойства пространства, влияющие на те или иные политические акции, так и влияние политики на пространство, преобразование пространства в соответствии с волей и целями людей. Если в прошлом сфера национального влияния определялась главным образом географическими факторами, то нынешнее развитие коммуникаций, строительство мощных транснациональных и трансконтинентальных транспортных коридоров позволило преодолеть ограничения географического положения.

Политолог Ирина Алексеевна Василенко в своем учебном пособии (Василенко И. А. Геополитика. М. 2003. С. 7 - 8) концентрирует внимание на том обстоятельстве, что геополитика стала активно осваивать новое виртуальное информационное пространство, и результаты этого без преувеличения можно считать геополитической революцией XXI века. Сначала радио, а потом и телевидение положило конец эре Гутенберга, в которой главенствовало печатное слово (газета и книга) и типографское мышление, неспешное, как движения пальцев наборщика, ведущего ручной набор. Появился новый видеоряд, который снизил значение слова и связанной с ним логики в пользу целостного чувственно-образного восприятия. Образовалось и стало быстро развиваться информационное общество. К сожалению, оно оказалось не высокоинтеллектуальным, не ищущим, а примитивно-массовым, выпестованным рыночными отношениями, потребительским и обывательским – со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Главная информационная революция произошла за кулисами средств массовой информации: появилось информационно-психологическое оружие, способное эффективно воздействовать на психику, эмоции, потребности и поведение людей. Сегодняшнее информационное воздействие способно изменить главный геополитический потенциал государства – национальный менталитет, культуру и моральное состояние людей. Вице-президент коллегии военных экспертов России генерал-майор А. И.

Владимиров оценил эту ситуацию так: «Сегодня уже существует еще не оцененная нами и ставшая реальностью глобальная угроза формирования не нами нашего образа мышления и даже национальной психологии» (Владимиров А. И. Стратегические этюды. М. 2002. С. 118).

Итак, геополитика сегодня чрезвычайно широко раздвинула сферу пространственных отношений между государствами, перенеся основной накал борьбы из реального географического пространства в виртуальное.

Французский политолог Филипп Моро-Дефарж в своем капитальном труде «Введение в геополитику» уделил много внимания формированию пространственного восприятия и географического сознания. Что человек пребывает в пространстве и во времени, это аксиома. Освоение пространства начинается в раннем детстве и продолжается до последнего дня жизни, ибо если в преклонном возрасте это отказывается делать тело, то мысль продолжает энергично осваивать просторы не только земные, но и галактические.

На восприятие пространства, по Моро-Дефаржу, влияют три фактора. Первый - это образ жизни (вспомним, что кочевые народы, исключительно подвижные, совсем не так воспринимали пространство, как народы оседлые, земледельческие; у прибрежных жителей пространство дополнялось морскими просторами; в представлении горожанина пространство и сегодня замкнуто и очень конкретно, в то время как для жителя села оно простирается до горизонта и за горизонт; купцы всегда были легки на подъем и ходили очень далеко, в то время как производители товара насиженных мест не покидали, и так далее). Второй - это уровень знаний, включающий в себя технику освоения пространства (сначала оно осваивалось пешком, потом – с помощью лошади и колеса, лодки и паруса, а еще позже – с помощью транспортных средств, все более приближающихся к сегодняшним, которые включают в себя могучие суда, поезда и автомобили с дорогами, только для них предназначенными, самолеты; для транспортировки чистой воды, жидкого и газообразного топлива создана разветвленная трубопроводная сеть, для транспортировки воды оросительной проложены каналы; информация преодолевает пространство мгновенно, по проводам и без проводов, и потому вездесуща). Фактор третий – это характер общественно-политических структур (демократические формы правления ведут к созданию открытого общества, тоталитарные – закрытого).

Естественно, три этих фактора тесно переплетаются и непрерывно воздействуют друг на друга, формируя линию поведения политических деятелей (Моро-Дефарж Ф. Введение в геополитику. Париж. 1995. С. 4 – 6).

В сегодняшнем мире ни один народ не отгорожен каменной стеной или непроходимыми пространствами от других народов (обозревая проблему в общем плане, не будем фокусировать внимание на двух или трех исключениях и правил), и люди, товары, идеи и финансовые средства обладают чрезвычайно высокой способностью перемещаться, оказываться там, где они хотят быть в данный момент и где в них имеется нужда. Этому способствуют современные транспортные коммуникации и транспортные средства. Мир, в плане транспортном, сегодня ближе к своему единству, чем в любом другом, и иностранец давно уже желанный гость в большинстве стран. Но этого же нельзя сказать об иностранном влиянии, так как оно прямо направлено на изменение иного образа жизни. Этого нам, чаще всего, не надо, ибо наш образ жизни близок нам и дорог, как никакой иной, и мы не собираемся менять его.

Без транспортных сетей, густо опоясавших планету, без быстрого проникновения в любую ее точку (свобода передвижения – одно из неотъемлемых прав человека) нельзя себе представить геополитику. Образно говоря, у нее тоже есть свои колеса, и очень быстрые. И правда, будь ворота в страну соседа всегда на замке и обрывайся любая дорога у границ соседа, иноземные купцы не торговали бы в странах ближних и дальних, а политикам пришлось бы толочь воду в пределах собственных государств – автаркий, и народы жили бы замкнуто, отъединенно, не интересуясь делами и жизнью соседей. А это противно природе человеческой.

Человек – существо общественное. И потому от пещеры, в которой жила семья первобытного человека, только-только научившегося сохранять огонь и приручившего корову, овцу и лошадь, первая тропа торилась к пещере соседа и налаживались отношения, в которых преобладало добрососедство (при отношениях постоянной вражды с соседом человечество просто не выжило бы). Далее тропа устремлялась к земле, годной для обработки и выпаса скота, к воде, к угольям охотничьим и рыбным; соединившись с другими тропами, она становилась дорогой, вела все дальше, дальше.

Лодка, а над лодкой парус раздвинули возможности человека; передвигаться по воде обычно было намного удобнее, чем по суше. Водный транспорт, особенно морской, и сегодня много дешевле сухопутного – железнодорожного и автомобильного; емкость современного торгового судна превышает емкость железнодорожного состава в пять, в десять, а то и в сто раз (супертанкер в состоянии принять на борт 300 тысяч и более тонн нефти). И государства прибрежные или тяготеющие к морскому побережью получают преимущества, и не маленькие, перед государствами континентальными, от морей удаленными, а особенно выхода к морю не имеющими (здесь достаточно сопоставить положение любой из стран Центральной Африки, Центральной Азии и Монголии со странами, территории которых омывают моря и океаны).

Реки и моря, которые сначала разъединяли людей, по мере совершенствования кораблестроения стали способствовать их соединению. Великие реки, такие, как Амазонка, Миссисипи, Дунай, Волга, Янцзы, Меконг, Ганг, Нил, Конго ассоциируются у народов, живущих на их берегах, с материнским жизнеутверждающим началом в природе («Волга-матушка», например). То есть, эти реки способны дарить и дарить в неограниченных размерах. Для человека наиболее ценны транспортные способности этих рек, практически неограниченные. И не случайно водоразделы этих и других рек давно уже рассечены судоходными каналами, которые стали как бы продолжением речных русел – они соединяют Миссисипи с Великими озерами, Дунай с Рейном, французские реки Сена и Луару с Роной, Рейн с Сеной и Одером, Волгу с Доном и северными реками России, и так далее.

И давно уже так же надежно соединяют народы и страны моря и океаны. Морская гладь – это дорога на все четыре стороны света. Нерукотворная, она как бы дарована человеку свыше. Ведь все дороги на земной тверди человек построил сам, своими руками.

Это моря позволили человеку убедиться в том, что Земля круглая и что протяженность экватора – сорок тысяч километров. Это моря позволили европейцам открыть Америку и другие дальние страны, а потом заселить их. И когда человеку, рационалисту до мозга костей, если речь идет об экономической выгоде, надоело плыть долго-долго из Европы в Индию и Китай вокруг мыса Доброй Надежды, он, в конце XIX века, прорыл Суэцкий канал на узком песчаном перешейке, отделяющем Средиземное море от моря Красного – и соединил Атлантический океан с Индийским. И точно так же ему надоело долго-долго огибать Южную Америку на пути из Атлантического океана в Тихий, и он, в начале XX века, проложил Панамский канал. Если Суэцкий канал укрепил морское могущество Великобритании, то канал Панамский положил начало морскому могуществу Соединенных Штатов. Земля под этот канал была отторгнута от непредсказуемой Колумбии, и на этой земле США создали лоскутное государство Панаму, во всем им подотчетное.

Было реализовано много других проектов, похожих на эти, но меньшего масштаба (например, Кильский канал на севере Германии соединил Балтийское море с Северным, а Беломоро-Балтийский канал на северо-западе России соединил моря Балтийское и Белое). Немало интереснейших проектов подготовлено для реализации в XXI веке (канал Персидский залив – Каспийское море, канал через Малакский полуостров, соединяющий Андаманское море с Сиамским заливом и на полторы тысячи километров сокращающий путь из Средиземного моря в Восточную Азию, и другие).

Мост через реку давно уже рассматривается, как обычное инженерное сооружение, хотя и дорогое. Мостам по силам соединять не только берега рек, но и берега проливов, заливов и бухт. Но часто это предпочтительнее сделать с помощью туннеля. Туннель, проложенный под проливом Ла Манш шириной 22 километра, соединил Великобританию с Францией, и теперь железнодорожная поездка из Лондона в Париж укладывается в три часа. Туннелями уже соединены крупнейшие японские острова. В повестке дня стоит строительство туннелей, которые соединят европейский и африканский берега Гибралтарского пролива, Швецию с Данией, Японию с Сахалином, а Сахалин с материковой Россией, Японию с Кореей, два новозеландских острова – между собой. И если сегодня кажется фантастическим туннель, соединяющий азиатский и американский берега Берингова пролива, то к концу нынешнего века и этот амбициозный проект может быть реализован, вместе с железной дорогой Азия – Америка, проложенной по снежным безлюдным просторам Чукотки и Аляски.

Железные дороги сегодня не обходят стороной ни один город средней величины, а к мегаполисам стекаются веерообразно (от Москвы, например, отходит 11 железных дорог). Европу они пересекают во всех направлениях. То же самое можно сказать о Соединенных Штатах Америки. Соединенные Штаты осознали себя единой страной с единым экономическим пространством не тогда,

когда их первопроходцы достигли берегов Тихого океана, а когда стальная колея соединила их атлантические города Бостон, Нью-Йорк, Филадельфию, Вашингтон, Джексонвилл и Новый Орлеан с городами тихоокеанскими Лос-Анджелесом, Сан-Франциско, Сиэтлом. То же самое можно сказать и о Канаде, когда Квебек и Монреаль были соединены железными дорогами с Ванкувером и Массетом на ее тихоокеанском побережье.

И Россия резко упрочила свое единство, когда довела свою транссибирскую магистраль до берегов Тихого океана (если бы это было сделано своевременно, она, скорее всего, не потерпела бы поражения в войне с Японией). Ничто так не способствовало развитию народов Средней Азии, как строительство железных дорог Оренбург – Ташкент – Красноводск и Ташкент – Алма-Ата – Барнаул. Пересадка с верблюда на поезд – это событие чрезвычайно, эпохальное, сродни вхождению в иную материальную культуру. Практически, так оно и обстояло.

Афганистан чувствует себя страной-изгоем еще и потому, что по его территории не прошла ни одна железная дорога. Действительно, страны, у которых нет собственных железных дорог, сегодня можно перечислить на пальцах одной руки. Почти все они находятся в Африке (Нигер, Чад, Центрально-Африканская Республика, Сомали). И все они без исключения пребывают на самой низкой стадии развития. Кстати, Африка – единственный континент, на котором отсутствуют трансконтинентальные железные дороги и Кейптаун до сих пор не имеет железнодорожного сообщения с Каиром, Триполи и Алжиром, а Дакар – с Порт-Суданом. Только атлантический порт Бенгела (Ангола) соединен с Дар-Эс-Саламом, портом на западном побережье Индийского океана (Танзания), но это пока что исключение. Отсутствие внутриконтинентальных железных дорог консервирует экономическую отсталость Африки, резко сокращает стимулы развития ее срединных районов.

В середине XX века Бразилия осознала себя страной не только морской, но и континентальной – и ужаснулась, что хозяйственному освоению подверглась лишь сравнительно узкая прибрежная полоса, обращенная лицом к Атлантике. Был разработан перспективный план продвижения на запад, в бассейн Амазонки, план освоения сельвы и джунглей. Тогда же было принято решение о создании новой столицы – ею стал город Бразилиа в бассейне реки Амазонки, который, в отличие от Рио-де-Жанейро, гораздо ближе к географическому центру страны. Началось энергичное освоение новых пространств, на запад и север устремились дороги автомобильные и железные, миллионы гектаров джунглей были вырублены, что очень не понравилось экологами, и стали плантациями сахарного тростника, кофе, бананов и манго. Сахара Бразилия стала производить столько, что половину его она пустила на производство спирта, которым заправляет автомобили, заменяя им бензин. А что? При нынешних сверхвысоких ценах на бензин спирт ему вполне конкурент, и бразильский опыт может быть широко востребован миром.

На притоках Амазонки, стекающих с высоких Анд, были построены могучие гидроэлектростанции, намного превосходящие по мощности Братскую или Нурекскую ГЭС. Рядом с ними заработали заводы алюминиевые, металлургические, машиностроительные. И что оказалось в результате? Тихая, никуда не высовывающаяся за свой регион Бразилия, традиционно далекая от мировой политики, о которой миру известно, что это страна карнавалов и кофе, создала впечатляющую промышленность и разветвленную инфраструктуру и по валовому внутреннему продукту (и, кстати, по численности населения тоже) к началу XXI века обошла Россию. Мысль пришла, совершенно неожиданная: что стало бы с Россией, если бы бензин был частично заменен этиловым спиртом на ее просторах? Замерло бы движение на ее дорогах, и очень надолго.

На евроазиатском суперконтиненте внутриконтинентальные железные дороги приобретают завершенность, близкую к идеалу. Транссибирская магистраль обеспечивает доставку японских и корейских контейнеров из Владивостока в Санкт-Петербург или Брест в десятидневный срок. Китайские железные дороги состыкованы с российскими (Дальний Восток и Монголия) и казахскими, а вскоре соединятся и с узбекскими (прокладывается магистраль Кашгар – Ош – Андижан) в Ферганской долине. Это же широтное транспортное направление хорошо продублировано автомобильными дорогами.

По сути дела, завершается реконструкция древнего Великого шелкового пути и делается все для того, чтобы он заработал в полную силу, принял на себя могучий грузопоток Восток – Запад, или Европа – Китай – Япония, тяготеющий именно к сердцевине Евразии. Это обстоятельство чрезвычайно благоприятно для новых независимых государств Центральной Азии, которые, помимо традиционного транспортного выхода на север, получают кратчайшие выходы на юг и восток, к портам Персидского

залива и в западные районы Китая, что самым положительным образом скажется на их суверенитете. Быстро формируется новый транспортный коридор север – юг, который вовлечет в свою орбиту Россию, прикаспийские государства и само Каспийское море, Иран, Индию, а при улучшении отношений между Пакистаном и Индией, Пакистаном и Ираном и Пакистан, что отвечает жизненным интересом последнего.

Двадцатый век можно назвать веком автомобиля и нефти, приводящей его в движение. Под воздействием его величества автомобиля дороги расширились и разветвились. Покрытые бетоном и асфальтом, они приобрели идеально ровную поверхность. Развязки в разных уровнях позволили на главных городских магистралях упразднить светофоры, и движение стало безостановочным. Сегодняшние автобаны – это, по существу, автомобильные реки со средней скоростью течения в них 80 – 100 километров в час. Само техническое состояние автомагистралей, отделение друг от друга полос встречного движения парাপетом или земельной полосой делают движение по ним максимально безопасным и комфортным.

Автомобильные дороги страны – это зеркало, отражающее уровень ее развития. Их строительство, уход за ними обходятся дорого. Зато хорошие дороги – это чистые кровеносные сосуды, полные животворной энергии, могучий побудительный стимул развития. Дом в сельской глубинке, как уютная патриархальная гавань в тридцати, а то и в шестидесяти километрах от места работы в городе – это норма для Америки и многих европейских стран. По утрам автомобильные реки устремляются в города, по вечерам – обратно, образуя ежедневные ритмичные приливы и отливы. Сегодня это – неотъемлемая часть западного образа жизни.

Сегодня нефть предоставляет человечеству 40 процентов потребляемой им энергии, природный газ – 22 процента (Гузиков А. М. Основы геополитики. М. 2004. С. 17). Таким образом, на долю угля, энергетики атомной и гидравлической приходится чуть более одной трети. Правда, сотни миллионов семей в третьем мире, да и не только в нем, по старинке пользуются еще и дровами, но потребление этого древнейшего энергоносителя статистика не учитывает по той простой причине, что вести достоверно такой учет практически невозможно.

Для доставки нефти и газа в порты и к местам потребления используются трубопроводы. Стальная труба диаметром 1200, 1500 миллиметров и протяженностью в одну, две, три тысячи километров, в которую топливо нагнетается под давлением 70 – 100 атмосфер, обладает огромной пропускной способностью: по ней можно подать до 80 миллионов тонн нефти в год или до 40 миллиардов кубометров природного газа. По себестоимости транспортировки тонны продукта такой вид транспорта дешевле морского, не говоря уже о железнодорожном. Поэтому трубопроводы все чаще ложатся и на дно морское. Так, большинство нефте- и газопромыслов Северного моря и Мексиканского залива соединены трубопроводами с ближайшими странами – Великобританией, Нидерландами, Норвегией, Соединенными Штатами. Газопровод Россия – Турция «Голубой поток» пролег по дну Черного моря с его чрезвычайно агрессивной сероводородной средой и функционирует успешно, подавая на Анатолийский полуостров до 16 миллиардов метана в год. Газопровод Россия – Германия прокладывается по дну Балтийского моря. Трубопроводная сеть от мировых центров добычи углеводородного сырья (государства Персидского залива, Россия) к потребителю достаточно развита и разветвлена.

Первый нефтепровод был построен на заре минувшего века и соединил Баку с черноморским портом Новороссийск. Местоположение каждого нефте- и газопровода определяется, прежде всего, экономическими соображениями. Когда же труба прокладывается по территориям двух или нескольких государств, к интересам экономическим присоединяются интересы политические – и зачастую берут над ними верх. Так, нефтепровод Баку – Джайхан выгоден Казахстану, Туркменистану, Азербайджану, Грузии, Турции и их общему покровителю Соединенным Штатам Америки, но очень не выгоден России. И Россия дала настоящий стратегический бой, всячески препятствуя осуществлению этого проекта, предлагая проекты альтернативные, задействующие ее территорию, но потерпела поражение – трубопровод уже построен.

А газопровод Россия – Германия прокладывается по дну Балтийского моря не потому, что этот вариант дешевле – как раз наоборот, а потому, что Россию не устраивает политика Прибалтийских государств Эстонии, Латвии и Литвы, а также Польши, и она лишила их всех выгод, которые эти страны получили бы за газовый транзит, пройди труба по их территории. Точно так же газопровод по дну

Черного моря в Турцию был проложен для того, чтобы наказать Грузию за ее антироссийскую политику и устремленность к НАТО. Здесь тоже восторжествовал древний политический принцип: как вы к нам, так, извините, и мы к вам.

США решительно настроены против того, чтобы прикаспийские нефть и газ транспортировались через Иран, и трубопроводы, которые должны будут соединить Казахстан и Туркменистан с Пакистаном и Индией, проектируются в обход Ирана: лучше заплатить за них дорожке, лучше пусть они пройдут через непредсказуемый Афганистан, но отношений с Америкой не осложнять. Ибо Америка – сегодняшний мировой лидер.

Япония, Южная Корея и Китай хотят, чтобы Россия как можно быстрее проложила нефтепровод на Дальний Восток. Но каждая из этих стран хочет этого по-своему, чтобы максимально были удовлетворены ее интересы. Соперничество обостряется, нефть-то в мире дефицитна и постоянно дорожает. И Россия прагматично вопрошает, что она будет иметь, какие капиталовложения и льготы, если уступит настояниям Японии или Китая. Вот она, геополитика в действии. Интересы четко обозначаются и четко вписываются в отведенное для них пространство. Интересы наслаиваются друг на друга, сталкиваются, вступают в противоречие и балансируются политиками. При этом вступают в действие невидимые рычаги, политические, экономические и военные, эти интересы подкрепляющие. Стороннему наблюдателю итог может показаться странным: вариант, с житейско-обывательской точки зрения, осуществляется далеко оптимальный. Но высокие договаривающиеся стороны сошлись именно на нем, и противоречия временно погашены – до нового всплеска, уже по другому поводу. Выигрывает обычно тот, кто лучше, точнее видит перспективу, ибо преимущества сегодняшние, сиюминутные ничто в сравнении с выгодами долговременными.

Страны с серьезной экономикой реализуют все более масштабные водные проекты. Вода, когда она в большом дефиците, как, например, в восточном Китае или в Центрально-Азиатском регионе, должна рассматриваться, как дефицитный товар, и перебрасываться из мест, где она имеется в избытке, в места, где ее остро не хватает, для покрытия дефицита. Так еще 150 лет назад возник проект инженера Якова Демченко «О наводнении Арало-Каспийской низменности водами рек Оби и Енисея». В семидесятые годы XX века этот проект был детально проработан, доведен до стадии рабочего проектирования и получил название «Переброска части стока сибирских рек в Среднюю Азию». Увы, стоил он очень дорого, отдачу сулил не близкую, а СССР перед своим распадом столкнулся с острейшей нехваткой средств, и стройка века так и не началась, а проект лег на полку. Но чтобы это не выглядело чисто правительственным решением, было мобилизовано общественное мнение, нацеленное против горе-мелиораторов, которые без должной отдачи расходуют огромные народные средства. Распад Советского Союза погасил эту надуманную дискуссию: поезд ушел, спорить стало не о чем. Через какое-то время, когда свободные деньги появятся у России, Казахстана, Туркменистана и Узбекистана, реализация этого проекта снова встанет в повестку дня. Сибирская вода, если она действительно придет на просторы Центральной Азии, вне сомнения, станет тем геополитическим фактором, который резко усилит роль и значение России в этом регионе.

Если Россия и страны Центральной Азии пока не в состоянии приступить к реализации проекта переброски сибирских рек, то Китай, напротив, ускорил реализацию своего более грандиозного проекта – переброски трети стока реки Янцзы на восточно-китайскую равнину, то есть почти за три тысячи километров. Для осуществления этой идеи в верхнем течении Янцзы уже построена двухсотметровая бетонная плотина с гидроэлектростанцией мощностью 18 миллионов киловатт (это четыре Братских ГЭС), и построена всего за девять лет. За плотинной в водохранилище будет накоплено 300 кубических километров воды (это почти равно годовому стоку Волги). Начата прокладка трех гигантских каналов на восток. С земель, по которым пройдут эти водные трассы, будет переселено два с половиной миллиона человек. Реализация проекта обойдется в 60 миллиардов долларов и займет не один десяток лет, но с дефицитом оросительной воды в восточном Китае будет покончено. Казалось бы, все это происходит внутри Китая и на средства самого Китая, без внешних заимствований – что же здесь геополитического? Но наращивание экономических мускулов такой великой страной, как Китай – это уже элемент геополитический, ибо ведет к резкому расширению возможностей страны на международной арене.

Интерес к тому, что там, за поворотом, всегда неизбывен. Этот интерес посылал человека, который, чаще всего, был сыном Европы, вперед и вперед. И он шел вперед, и открывал новые земли,

пока было что открывать, и селился на них, если они не были заняты, и селился на них, когда они были заняты людьми, стоящими на более низких ступенях развития; эти люди не могли ему помешать обосноваться на облюбованном им месте и были вынуждены уступать, отходить в сторону. Пришелец приобретал, аборигены теряли, - Европа очень много получила за счет приобретений и такого рода.

К началу XX века мир был заселен и поделен, и на его континентах не осталось ничего заповедного. В XX веке две мировых войны были кровопролитны, как никакие другие. Они велись за передел мира и кончились плачевно для тех, кто более других жаждал такого передела. С тех пор все громче заявляют о себе другие, не военные пути и средства, с помощью которых можно управлять миром. Это деньги, и это новые технологии. Хозяева денег и хозяева новейших технологий везде желанны, и перед ними двери распахиваются заблаговременно, при первом их приближении.

Оказывается, хозяевами больших денег и новейших технологий можно быть, пребывая в очень скромных государственных границах. Послевоенные Германия и Япония прекрасно демонстрируют это, отказавшись от идеологии расширения жизненного пространства, полностью оправившись от поражения 1945 года и перестроив свою экономику таким образом, что она оказалась на острие технического прогресса. Это ли не пример того, что энергия народов с могучей ростовой силой, умело переведенная с рельсов военных на рельсы мирные, в состоянии творить чудеса? Что для этого достаточно и сравнительно небольшого жизненного пространства, обустроенного наилучшим образом?

Могущество морское, как контроль
над морскими коммуникациями
и гарантия свободы судоходства

Близость к морю всегда рассматривалась, как географический фактор благоприятный и очень благоприятный. Моря давно уже не столько разъединяют, сколько сближают народы и континенты. И сегодня страны, широко пользующиеся морскими торговыми путями, чаще всего, выигрывают в конкурентной борьбе у стран сугубо континентальных, выходящих на мировой рынок с помощью дорог железных и автомобильных. Во всяком случае, доставка товаров потребителю морем обходится существенно дешевле. Но это преимущество, бесспорное до появления железных дорог, уже не так заметно, как прежде. Вспомним, с какой легкостью морской путь в Индию и Китай отобрал роль связующего моста между Востоком и Западом у Великого шелкового пути (века XV – XIX) – с самыми печальными последствиями для стран, на этом пути расположенных. Но железнодорожная колея оказалась в состоянии вернуть этому пути былую привлекательность и конкурентную способность.

Альфред Мэхен (1840 – 1916), видный историк, один из основоположников американской геополитической школы и апологет политики силовой, основанной на реальных возможностях государства, был певцом морской мощи и всегда подчеркивал приоритетную роль флота по сравнению с сухопутной армией в отстаивании государственных интересов морских государств (Сирота Н. М. Основы геополитики. СПб. 2001. С. 25 – 27). В своих классических трудах «Влияние морской силы на историю, 1660 – 1783», «Заинтересованность Америки в морской силе в настоящем и будущем», «Проблема Азии и ее воздействие на международную политику» и других, многократно изданных и переведенных на десятки иностранных языков, Мэхен анализировал роль морской мощи в судьбах народов и государств, тщательно учитывая все факторы, на эту мощь влияющие - от географического положения страны и численности ее населения, экономики и торговли до особенностей национального характера.

«Море обладает особенностями большой дороги, вернее, огромного ничейного поля, где пересекается множество дорог, идущих в разных направлениях. Некоторые из этих дорог проложены лучше, чем другие, и ими пользуются гораздо чаще. Эти дороги называются торговыми путями», - писал Альфред Мэхен, анализируя морские пути – дороги (Моро-Дефарж Ф. Введение в геополитику. С. 21). Могущество на море, утверждал он, означает прежде всего владение стратегическими пунктами, контроль над проливами и островами, мимо которых проходят важнейшие торговые пути. Само же могущество проявляется посредством наличия сильного военно-морского флота.

Мэхен приветствовал доктрину президента Соединенных Штатов Джеймса Монро (1758 – 1832) «Америка для американцев», считая США государством морской судьбы, способным объединить под своим началом сначала два американских континента, а затем установить свое господство и над всем

остальным миром. Он полагал, что для превращения Америки в мировую державу ей следует активно сотрудничать с Великобританией, препятствовать германским морским претензиям, бдительно следить за морской экспансией Японии и противодействовать ей, действовать совместно с европейцами против народов Азии.

Поскольку главная опасность для морских держав исходит от континентальных держав Евразии, и прежде всего от России, Китая и Германии, борьба с Россией, как связывающим звеном между Западом и Востоком, за влияние в мире рассматривалась Мэхеном, как долговременная стратегическая задача Соединенных Штатов. Большая часть предвидений и прогнозов Альфреда Мэхена сбылась, но сбыться в полном объеме (долговременное мировое господство Америки) им едва ли суждено. В целом, концепции Мэхена определили основные геополитические ориентиры для Соединенных Штатов Америки на все XX столетие и оказали существенное влияние на политику Великобритании, Германии, Японии и других великих держав.

Морское могущество, по Мэхену, определяется флотами военным и торговым и военно-морскими базами. Контроль над морем – это центральное звено, с помощью которого государство аккумулирует богатство. «Не захват отдельных кораблей и конвоев неприятеля, хотя бы и в большом числе, расшатывает финансовое могущество нации, а подавляющее превосходство на море, изгоняющее с его поверхности неприятельский флаг и позволяющее появление последнего лишь как беглеца; такое превосходство позволяет установить контроль над океанами и закрыть пути, по которым торговые суда движутся от неприятельских берегов. Подобное превосходство может быть достигнуто только при посредстве больших флотов», - утверждал Мэхен (Гаджиев К. С. Введение в геополитику. М. 2003. С. 13).

Он перенес на планетарный уровень принцип «анаконды», успешно примененный в Соединенных Штатах северянами против южан в ходе гражданской войны (1861 – 1865). Этот принцип заключается в блокировании территории противника с моря и последующего его удушения. Так же следует удушать и евразийские державы (Россию, Китай, Германию) посредством сокращения их контроля над береговыми линиями и ограничений выхода в открытые моря. Могущественный военно-морской флот, по его мнению, избавлял США от необходимости содержать многочисленную сухопутную армию (этому принципу Америка скрупулезно следовала до второй мировой войны, которая показала, что одним флотом, усиленным авиацией, Германию и Японию к капитуляции не принудишь).

У концепции Мэхена разветвленные исторические корни. Океан не был средой, препятствующей миграции древнего человека, любознательность и отвага которого были в состоянии творить чудеса. Великий путешественник двадцатого века норвежец Тур Хейердал утверждает, что «человек поднял парус раньше, чем оседлал коня» (Хейердал Т. Древний человек и океан. М. 1982. С.7). Он внимательно изучил плавающие средства древних народов, тщательно воспроизвел бальсовый плот инков и тростниковую ладью египтян, не внося в их конструкцию никаких изменений и не применяя никаких современных материалов – и пересек на примитивном плоту Тихий океан, а на примитивной ладье – Атлантический, посрамив скептиков, в один голос заявлявших, что ничего у него не получится и его ждет конфуз. Но не конфуз ждал отважного норвежца, а триумф первооткрывателя. Естественно, то, что удалось ему, удавалось и до него. Таким образом, появление человека на островах Полинезии, очень далеких от всех континентов, и на обоих Америках переставало быть тайной за семью печатями. Колумб только открыл то, что уже было сделано другими, но не нашло отражения в анналах истории.

Древние греки не первыми показали себя народом динамичным и экспансивным, стремящимся захватить, заселить и освоить соседние пространства. Но они первые обстоятельно зафиксировали в летописях, как это происходило, каким был подвижнический дух народа, который бесстрашно устремлялся к дальним берегам и на них укоренялся, каким было его мироощущение, как оно видоизменялось с расширением пространства, грекам подведомственного. Бессмертные гомеровские поэмы «Илиада» и «Одиссея» вместе с философскими трактатами греческих мудрецов донесли до нас этот дух, и оказалось, что он очень сродни с нашим. Море выковывало характеры стойкие и мужественные, не боящиеся самых суровых испытаний. Военное превосходство на море делало доступными все четыре стороны света, и греки легко колонизовали средиземноморские острова, побережье Сирии, Египта и Ливии, Анатолийского и Крымского полуостровов.

Греческих купцов хорошо знали в Малой Азии, Месопотамии, Египте, на Апеннинском полуострове. Поход Александра Македонского на восток вылился в первую попытку единения культур эллинской и персидской. В этой попытке победители фактически уравнивали себя с побежденными, предоставляя им равные с собой права и открывая перед ними далеко идущие возможности сотрудничества, чего прежде история не знала. Потомки оценили эту попытку очень высоко; воздействие греческой культуры на страны Ближнего и Среднего Востока было благоприятным и прослеживалось долго. Не случайно поход Александра Македонского по времени совпал с началом функционирования Великого шелкового пути, что резко расширило представление как европейцев, так и китайцев об окружающем их мире.

Наиболее мощное государство древнего мира - Римскую империю объединяло Средиземное море, как единый транспортный коридор для входящих в нее земель и народов. Бесспорное превосходство на море позволяло римлянам планомерно расширять свою империю на восток, юг и запад, достигать морским путем берегов Британии, Германии, Ютландского и даже Скандинавского полуостровов. В противостоянии с Карфагеном римляне взяли верх в огромной степени благодаря своей морской мощи, которую не смог преодолеть даже полководческий гений Ганнибала (наступит время, когда полководческий гений Наполеона не сможет преодолеть морскую мощь Великобритании). Высадившись во Франции, подальше от флота Рима, Ганнибал вынужден был идти в Италию через Альпы, где и потерял почти всех своих боевых слонов и значительную часть войска. Остальное было предрешено.

Обеспечивая быстрый маневр силами и средствами, Средиземное море стало тем стеновым хребтом, который на протяжении веков поддерживал существование империи. Оно же затем констатировало ее бесславный уход со сцены истории под оголтелым натиском варваров, пришедших в Европу из азиатских степей. Под воздействием побед, которых римляне добивались в течение многих веков, под воздействием накопленных богатств и роскоши римляне утратили дух первопрободства. Им показалось, что они добились всего, чего хотели; идти дальше и добиваться большего уже было не престижно. Падение духа сопровождалось падением нравов, смыслом жизни стало ее прожигание. Не стало духа, не стало идеи, и вскоре не стало империи. Пришло время тысячелетнего феодального междоусобья, в течение которого в жизни народов, ставших преемниками великой империи, не менялось практически ничего.

В анналах истории остались стремительные морские набеги викингов, их попытки обосноваться в краях более комфортных, чем их холодная и скалистая Скандинавия. Ладья и отряд на ней, как отдельная боевая единица. Весла и парус, как движущая сила ладьи. И, конечно, напор, опирающийся на нордическую смелость и целеустремленность. Влияние викингов ощутили на себе Британия и Россия – страны, казалось бы, совсем не соседние. Смешанный сухопутно-речной и морской путь из варяг в греки (Западная Двина, водораздел, Днепр и Черное море, Висла, водораздел, Днестр или притоки Дуная, и снова Черное море) успешно функционировал несколько веков, купцы пользовались им охотно. Морской же путь из варяг в греки, огибающий Европу и к тому времени уже известный, задействован не был, ладья оказалась судном хрупким и ненадежным для преодоления таких пространств.

Создать свою торговую империю пыталась Венеция, но до величия древнего Рима не поднялась, сил не хватило. Одних торговых устремлений оказалось мало, чтобы объединить разноликие народы, заселившие берега Средиземного моря, а серьезными военными силами Венецианская Республика не располагала. А вскоре началась эпоха великих географических открытий, резко расширившая земные границы и быстро переросшая в колонизацию новых земель. Ажиотаж в Европе поднялся невероятный. Колонизация велась с лихорадочной поспешностью: кто быстрее и сильнее, кто проникнет дальше, тот и возьмет себе больше.

Двухсот лет Испании и Португалии (морское могущество этих стран приходится на века XV и XVI) вполне хватило, чтобы закрепиться в Южной Америке и Мексике, на Филиппинах, в Анголе и Мозамбике (Южная Африка). Сопоставим Иберийский полуостров с масштабами Южной Америки, и мы увидим, что было приобретено испанским и португальским народами. Затем эстафету перехватила Голландия, которую революционная волна подняла на борьбу против испанского владычества. Голландское превосходство на морях было кратковременным, но его хватило, чтобы прочно обосноваться в Индонезии, основать свои фактории в Индии и Китае.

А далее на морях бесспорно главенствовала Великобритания. Разбив испанский флот, она явочным порядком дала понять Европе, кто теперь является хозяйкой морей. Вскоре ее колонии стали самыми крупными в мире, – над ними действительно никогда не заходило солнце. Ее владениями стали Северная Америка, половина Африки, Индия, Бирма, Малайзия, Австралия, огромное количество островов в самых разных акваториях мирового океана.

Великобритания с честью для себя пресекла все морские амбиции своей главной соперницы Франции, которую Наполеон пытался сделать гегемоном Европы. Адмирал Нельсон, поставивший победную точку в тяжелейшем Трафальгарском сражении, и сегодня в Англии самый почитаемый моряк. Морской приоритет Великобритании поддерживали и сильнейший в мире флот, военный и торговый, и крепости в важнейших стратегических точках планеты – Гибралтар на испанском берегу одноименного пролива, Мальта в самом центре Средиземного моря, Порт-Саид и Суэц у входа в Суэцкий канал, Аден у входа в Красное море, Кейптаун на южной оконечности Африки, Карачи, Бомбей, Мадрас и Калькутта в Индии, Сингапур в узкой горловине Малаккского пролива, Гонконг на берегу Южно-Китайского моря, Монреаль и Ванкувер в Канаде. Потеряв Соединенные Штаты, Великобритания сохранила за собой Канаду, а отношения с Соединенными Штатами, напряженные вначале, быстро перевела в доверительные и близкие, что сделало США ее союзником в двух мировых войнах двадцатого века и позволило одержать верх над Германией кайзеровской и Германией гитлеровской.

Две мировые войны XX века сопровождалась острейшим соперничеством на морях и вылились в попытки Германии ниспровергнуть военно-морскую мощь Великобритании. К первой мировой войне Германия готовилась основательно, заранее предвкушая себя правопреемницей и хозяйкой британских колоний. А стать ею можно было, лишь сломив британское морское могущество. Германия и намеревалась сделать это не столько с помощью дредноутов с дальнебойными шестнадцатидюймовыми орудиями главного калибра, сколько с помощью подводных лодок, оружия нового и грозного, способного парализовать судоходство на просторах мирового океана и блокировать порты Британии.

Морская война выдалась тяжелейшая, Британия потеряла в 1915 году торговые суда общим тоннажем более двух миллионов тонн, а в 1916 году еще больше, не считая десятков боевых кораблей, но создала систему конвоев, когда 20 – 40 торговых судов эскортировали 10 – 15 военных кораблей, забрасывавших немецкие подводные лодки глубинными бомбами, как только те себя обнаруживали шумом винтов или торпедным залпом. Система конвоев себя оправдала. Сделать блокаду Британских островов полной немцам не удалось, как не удалось парализовать переброску к берегам Европы миллионной американской экспедиционной армии. В единственном крупном морском сражении – Ютландском Великобритания хотя и понесла потери, намного превосходящие немецкие, но оттеснила германские надводные корабли с просторов Северного моря в гавани Гамбурга и Киля и заперла их там до конца войны, то есть осталась хозяйкой ситуации. А именно эту цель она перед собой и ставила.

В годы второй мировой войны сценарий повторился, и повторился результат. Стаи германских подводных лодок не смогли приостановить движение конвоев между Соединенными Штатами и Британией, между Британией и Советским Союзом, хотя и наносили им тяжелейшие потери. Конвои, показавшие свою эффективность в первую войну, теперь охранялись не только боевыми кораблями, но и самолетами. Блокады Великобритании не получилось, американская экспедиционная армия вновь оказалась в Европе. Но здесь действия Британии поддерживались флотом, не менее могучим, чем английский – флотом американским.

Надводный же германский флот во второй мировой войне так и не появился на просторах Атлантики, не сказал своего слова – да и нечего было ему сказать, из-за его слабосильности. Единственный атлантический вояж линкора «Бисмарк» в начале войны был пресечен в зародыше британскими тяжелыми крейсерами. «Бисмарк» отважно сражался до последнего, но был потоплен в скоротечном бою.

Принцип «анаконды» – удушения противника с помощью морской блокады показал свою эффективность по отношению к Германии и ее союзникам как в первую, так и во вторую мировую войну. Морская торговля Германии с нейтральными государствами, ее морское сообщение с союзной Японией были пресечены полностью. Превосходство соединенных англо-американских сил на Средиземном море предопределило судьбу африканского экспедиционного корпуса немцев. Хотя он и продвинулся почти до Каира, имея намерение овладеть Суэцким каналом или заблокировать его работу,

нарастающие трудности со снабжением резко ограничили его боевые возможности, а потом привели и к капитуляции.

После второй мировой войны, а, точнее, на рубеже между двумя войнами первенство на морях перешло от Великобритании к Соединенным Штатам, которые в годы 1941 – 1945 спустили на воду 36 линейных кораблей, а торговые суда строили общим водоизмещением до пяти миллионов тонн в год, что позволяло не только восполнять потери, наносимые немецкими и японскими подводными лодками, но и наращивать общий тоннаж торгового флота. США делали ставку на авианосцы, видя в них главную ударную силу военно-морского флота. Эта ставка себя оправдала, особенно в войне с Японией. Американские авианосцы в конечном итоге взяли верх над японскими – и обеспечили господство Соединенных Штатов на просторах Тихого океана. Поражение Японии тем самым было предрешено. И поделом: не надо замахиваться дубинкой на великана, не просчитав последствия. Нового Давида из Японии не получилось, современный Голиаф восторжествовал.

Япония, вдохновленная легким уничтожением русского флота в Порт-Артуре и Цусимском проливе (годы 1904 – 1905), что позволило ей сделать важные территориальные приобретения в Манчжурии, Корее и на Сахалине и стать полной хозяйкой Курильских островов, к сороковым годам минувшего века создала мощный океанский военный флот, главной ударной силой которого были десять авианосцев, линейные корабли и крейсера. Почему Япония не встала на путь экспансии раньше, ведь ее географическое положение несколько не хуже английского?

Здесь свое слово сказала не география, но история. Невхождение во внешний мир, за пределы японского архипелага, отгороженность от внешнего мира, и в первую очередь от своего соседа Китая было национальной доктриной Японии на протяжении многих веков, что и законсервировало ее развитие. Толчком к отказу от этой доктрины был настойчивый стук в ворота Японии европейцев и американцев. Увидев в своих портах огромные чужеземные суда, от орудий которых у японцев не было защиты, и осознав свое техническое отставание, японцы в корне изменили свою политику. Им было с кого брать пример, и они быстро показали себя способными учениками.

Нападение на Тихоокеанский флот США, стоящий в Пирл Харборе (Гавайские острова) ранним утром 7 декабря 1941 года было произведено с авианосной группы, которая находилась в 600 милях к северу от гавани, внезапно, без объявления войны. Были потоплены прямо у причалов или надолго выведены из строя шесть линкоров, много других боевых кораблей, уничтожены 190 самолетов, склады с боеприпасами, сожжены емкости с нефтью и мазутом. Американские флот и армия только убитыми потеряли от прекрасно спланированной этой атаки 2300 человек. Потери Японии составили 29 самолетов. Авианосцы США находились далеко в океане и атаке не подверглись, но и не смогли ей противостоять (Шерман Ф. С. Американские авианосцы в войне на Тихом океане. М. 1956. С.25).

Поражение в Пирл Харборе повергло Америку в шок, возмездие стало не просто ее целью, но и национальной идеей-фикс. Как это на нее посмели замахнуть? США напрягли все силы для отпора. Но склонить чашу весов в свою сторону при войне на два фронта оказалось делом не быстрым. В 1942 и частично в 1943 годах превосходство японского флота было бесспорным, американские и английские потери на море намного превосходили японские. Затем положение стало стремительно меняться в пользу американцев и англичан, и в сражениях у Гуадалканала, у Маршалловых островов и у побережья Филиппин, где только в одном из боев были потоплены сразу четыре японских авианосца, американские военно-морские силы уже демонстрировали превосходство над японскими: их локаторы своевременно предупреждали о приближении и самолетов, и надводных судов противника. К 1945 году морское превосходство Америки стало бесспорным.

Не смогли спасти положения японские пилоты-камикадзе. Они жертвовали собой десятками, пикируя на авианосцы и линкоры противника, но не часто достигали палуб вражеских судов – зенитная артиллерия, которую наводили на цель радиолокационные системы, делала свое дело. Последний японский линейный корабль атаковал флот американцев, не имея топлива для обратного возвращения. До своей цели он не дошел. Атакованный торпедоносцами с авианосцев, он был повержен восемью торпедами и пошел ко дну. Соединенные Штаты возвратили себе господство на просторах Тихого океана. После капитуляции Японии ничего не оставалось, как следовать в фарватере американской внешней политики. Но она обратила это себе на пользу. Имея над собой американский военный зонтик и получив доступ к технологиям американским и европейским, Япония не расходовала сколько-нибудь существенных средств на цели обороны, а всецело сосредоточилась на решении задач экономического

развития – и прекрасно в этом преуспела. Сегодня валовой внутренний продукт Японии, в пересчете на душу населения, близок к американскому (ВВП Японии – 7% от мирового, ВВП США – 16 %), и она выступает, как главный конкурент Соединенных Штатов и Европы на мировом рынке.

Но в истории человечества не бывало так, чтобы идущий впереди шествовал в гордом одиночестве и оставался без соперников. Послевоенный мир на целых сорок лет стал двухполюсным, социалистическая идеология замахнулась на западный образ жизни, стремясь дискредитировать его эксплуататорскую сущность и ниспровергнуть, стремясь воспламенить социалистической доктриной весь остальной мир. Но в жесточайшем противостоянии выявилась несостоятельность не западной, а социалистической идеологии, и ей пришлось уступить. Противостояние же двух систем было исключительно острым и ожесточенным и не вылилось в третью мировую войну только потому, что разрушения и беды она принесла бы колоссальные, победу в ней праздновать было бы некому. Хорошо, что лидеры двух систем осознали это и свой спор разрешили без нажатия на ракетно-ядерную кнопку.

Положив на алтарь победы жизнь тридцати миллионов своих граждан (Соединенные Штаты всегда дорожили жизнями своих воинов, и их потери во второй мировой войне были в семьдесят раз меньше), Советский Союз целиком сосредоточился не столько на восстановлении народного хозяйства, разоренного войной, и его переводе на мирные рельсы, сколько на распространении своей идеологии по всему миру. Это сразу объединило против него США и страны Западной Европы.

Война разделила Европу на два лагеря и два военных блока; приход к власти коммунистов в Китае в 1949 году и сильные позиции коммунистов в Италии и Франции, казалось, подтверждали правильность выбора перспективы, сделанного Сталиным. Социалистическая идея и вправду находила поддержку у народов стран, которые стремились освободиться от господства колониальных держав или стояли перед выбором, на какой путь развития им встать. Военные цели и задачи преобладали над мирными практически до конца существования Советского Союза; его недалёковидные руководители заблаговременно не смогли просчитать, что противостояние со всем миром стране просто непосильно.

В результате первая в мире страна социализма надорвалась и рухнула, то есть сошла со сцены истории. Ибо победа коммунистов в Китае, в историческом плане, оказалась последней, других побед, которые так ожидались и ради которых расходовались гигантские материальные ресурсы, не последовало, ни в Италии, ни во Франции коммунисты к власти не пришли. К тому же, китайские коммунисты вскоре не захотели идти в одном строю с коммунистами советскими, им это не понравилось, и они обособились, отъединились, объявив, что Китай издревле опирался на собственные силы, которых ему всегда хватало, и дальше тоже будет самодостаточной, ни от кого не зависящей державой. Секретами производства ядерного оружия, однако, Советский Союз к этому времени с ним уже поделился. Сплотить воедино мировые коммунистические силы против западных демократий не получилось. Запад уверенно охранял свой образ жизни от расшатывания враждебной идеологией. Расшатать же изнутри советский гигант ему удалось пятью годами горбачевской гласности – со всеми вытекающими отсюда для новейшей истории последствиями.

Американская мощь осуществлялась, прежде всего, через господство на морях. Противостоять ей в глобальном плане одними сухопутными вооруженными силами и авиацией было невозможно. А Советский Союз, выйдя победителем во второй мировой войне, сколько-нибудь значительными военно-морскими силами не обладал, их предстояло создать практически на пустом месте. Амбиции, однако, были так велики, что на их создание сразу же после войны были направлены огромные средства. Добавим сюда оружие ядерное и средства его доставки – ракеты стратегические, ракеты тактические и ракеты поля боя, и увидим в полной мере ту величину невероятного напряжения, которое взвалила на себя страна, только что победившая в неимоверно тяжелой войне.

Флот строился океанский, не только для защиты родных берегов, но и для поддержки и отстаивания интересов страны Советов во всем мире. Холодная война (годы 1946 – 1990) вбирает в себя две горячих, но локальных войны – Корейскую и Вьетнамскую, и Кубинский кризис (осень 1962 года), уроки которого были таковы, что ни возведение Берлинской стены, ни эскалация вьетнамской войны, ни события в Чехословакии (1968 год) уже не накаляли противостояние двух систем до такой остроты.

В корейской войне (годы 1950 – 1953), первой большой пробе сил между разделившимся миром, которая закончилась вничью, американский флот доминировал полностью, провел блестящую десантную операцию по захвату порта Чемульпо и высадке в нем 50-тысячного корпуса, что разом перечеркнуло все усилия Северной Кореи, войска которой к тому времени уже осаждали последний

оплот президента Южной Кореи Ли Сын Мана порт Пусан на самой южной оконечности полуострова. Во время этой войны каких-либо трудностей с морским снабжением Южной Кореи Соединенные Штаты не испытывали, а все снабжение Северной Кореи осуществлялось посуху, со стороны Китая и СССР.

Карибский кризис разразился, когда американские разведывательные самолеты обнаружили на Кубе советские ракеты среднего радиуса действия, доставленные туда морем; эти ракеты могли поражать цели практически на всей территории Соединенных Штатов. Нарождающийся советский военно-морской флот уже показал здесь свои зубки, первые советские ядерные подводные лодки, прозванные американцами за издаваемый ими шум «ревущими коровами» эскортировали торговые суда, перевозящие на Кубу советское оружие и военный персонал. В эскорте участвовали и дизельные подводные лодки. Их радиус действия существенно расширяли резиновые емкости с соляной кислотой, которые они транспортировали за собой. Опустевшие бурдюки обрезались, за ненадобностью, и опускались на морское дно. Советские суда, соприкоснувшись с американскими, которые осуществляли карантин Кубы, получили приказ повернуть обратно, и столкновений не было, но сила противостояла сила, и не только морская, а комплексная, включающая в себя всю военную мощь двух супер-держав, в том числе и стратегические ядерные ракеты.

В войну вьетнамскую снабжение Северного Вьетнама осуществлялось по суше через Китай и по морю советскими и китайскими торговыми судами, сопровождаемыми судами военными и проходило беспрепятственно. Правда, разминаясь на встречах курсах, американские моряки грозили кулаками советским, и наоборот, но этими эмоциями все и заканчивалось. Беспрепятственно осуществлялось и американское снабжение Южного Вьетнама. Северному Вьетнаму удалось настоять на своем и взять верх над Южным Вьетнамом, который сначала поддерживала Франция, а затем Соединенные Штаты. Полумиллионный американский экспедиционный корпус не перетянул чашу весов в сторону Южного Вьетнама. Потеряв убитыми более пятидесяти тысяч солдат и офицеров, Америка из этой исключительно непопулярной войны вышла, тем самым предопределив ее результат. Это единственная в истории Соединенных Штатов война, в которой они не одержали победы. Исключительно высоким был дух вьетнамского народа, отстаивающего свою свободу и свое единство. Он и сказался самым непосредственным образом на конечном результате.

Вспоминаю рассказ моего доброго знакомого ракетчика, майора в отставке Саида Кабулова (он побывал советским военным советником и в Египте в годы его противостояния с Израилем, и во Вьетнаме). «Когда на наши ракетные позиции вблизи Суэцкого канала пикировали израильские «Фантомы», арабы бросались враспынную, не выпустив по врагу ни одной ракеты, и я оставался при оружии один, - рассказывал Саид. – Когда на наши позиции вблизи Хайфона пикировали американские «Фантомы», вьетнамцы сначала делали по ним ракетный залп, затем бросали меня в окоп, а сами ложились сверху – чтобы я остался цел. Они оберегали меня, специалиста, как зеницу ока. И что в итоге? Арабы уступили Израилю, а Вьетнам настоял на своем, имея перед собой самого грозного противника – Соединенные Штаты Америки». Да, потеря во Вьетнаме 54000 военнослужащих убитыми и 3000 сбитых самолетов оказали на Соединенные Штаты деморализующее воздействие такой силы, что они сочли для себя за лучшее выйти из вьетнамской войны.

В семидесятые годы минувшего века и позже советский военно-морской флот достиг зенита своего могущества. Больше половины ядерных подводных лодок, построенных в мире, были советского производства, их делали на крупнейшей верфи в мире в Северодвинске, на верфях в Горьком (сегодня это опять Нижний Новгород), в Комсомольске-на-Амуре и других. И когда стая в пятьдесят и больше атомных подводных лодок патрулировала близ атлантического побережья США, и такая же стая патрулировала ее тихоокеанское побережье, американцы чувствовали себя совсем не уютно, хотя их военно-морской флот за счет авианосцев в целом и превосходил советский.

И неуютно чувствовала себя Западная Европа, ведь советские эскадры, располагавшие десятками крейсеров-ракетоносцев и равной им по огневой мощи противолодочных кораблей, плавали в Средиземном и Северном морях, как в своих внутренних. И это несмотря на то, что Советский Союз был чрезвычайно ограничен в средствах базирования своего океанского флота (Мурманск, Владивосток и еще несколько дальневосточных портов плюс аренда нескольких вьетнамских и ливийских портов – вот практически и все, ведь выходы из Балтийского и Черного морей контролировались странами НАТО и, стань ситуация конфликтной, легко ими перекрывались). А США и страны Западной Европы

располагали разветвленной сетью военно-морских баз, поддерживаемых не менее разветвленной сетью баз военно-воздушных, что обеспечивало им полную свободу маневра по всему периметру советского блока.

Возможности боевых кораблей новейшего поколения - авианосцев, крейсеров и эскадренных миноносцев, ядерных, да и обычных подводных лодок велики необычайно. Достаточно сказать, что на советских ядерных подводных лодках-исполинах с прочнейшим титановым корпусом типа «Комсомолец» (водоизмещение до 22 тысяч тонн, глубина погружения до одного километра) базировалось до шестнадцати межконтинентальных баллистических ракет, каждая из которых могла быть оснащена девятью разделяющимися боеголовками индивидуального наведения; боеголовки могли быть термоядерными. Ущерб от залпа одной такой лодки Америка считала для себя абсолютно неприемлемым. Эти лодки были вооружены и обычными торпедами с ракетными двигателями, сообщавшими им скорость до пятисот километров в час. Уклониться от встречи с такой самонаводящейся торпедой было не в состоянии ни одно судно.

Спрашивается, так зачем же Советский Союз построил двести атомных подводных лодок, если Америка считала не приемлемым для себя ущерб от одной из них? Чтобы скорее надорваться? Конечно, это было сделано не от большого ума его руководителей. Военное противостояние поглотило их настолько, что ни на что другое они уже не отвлекались и другими категориями, даже такими, как уровень жизни советского народа, не мыслили. Они быстро превращались в маньяков, заикнувшихся на одной идее – как лучше противостоять Америке, чем еще ей досадить. Чем все это завершилось, общеизвестно. Китай, например, по этому пути не пошел – построил четыре ядерных подводных лодки и ими ограничился. Обозначил угрозу, и точка. Ибо Соединенные Штаты и другие потенциальные противники Китая и с этой угрозой будут считаться.

После завершения холодной войны в мире осталась только одна сверхдержава – Соединенные Штаты Америки. Объединенная Европа сопоставима с ними по экономической мощи, но не по военной. Америка же располагает и сильнейшим в мире военно-морским флотом. Операция в Кувейте, как ответ на агрессию Ирака против Кувейта, и операции в Афганистане и Ираке, как ответ на атаки террористов 11 сентября 2001 года и тоталитаризм Саддама Хусейна, показали, что США в состоянии в кратчайшие сроки перебрасывать, морем и по воздуху, необходимые силы и средства для проведения масштабных боевых операций (их итогом стали восстановление независимости Кувейта и изменение политической ориентации Афганистана и Ирака в направлении, лояльном западным демократиям). Реальной остается американская угроза изменить силой политическую ориентацию Ирана и Сирии, которая, на сегодняшний день, для них неприемлема. Это опять будет связано с использованием американской военной мощи, в первую очередь морской и воздушной.

Упор на силу, или силовая подстраховка политики и в наши сугубо прагматичные дни так же незыблем, как и прежде. Для наглядности, рассмотрим положение, сложившееся в акватории Каспийского моря после распада Советского Союза и образования новых суверенных государств, которых выход на каспийские берега дает основание называть прикаспийскими. Это Российская Федерация, республики Азербайджан, Казахстан и Туркменистан. Каспийская военная флотилия Советского Союза была поделена между этими странами (прежде она имела перед собой одного потенциального противника – исламскую республику Иран). Туркменистан, объявивший о своем постоянном нейтралитете, от своей доли боевых судов отказался. Соглашения о дележе дна Каспия, богатого месторождениями нефти и газа, выработывались тяжело, Иран, имеющий наименьшую по протяженности береговую линию, продолжает настаивать на совместной эксплуатации природных богатств этого крупнейшего в мире озера (Россию этот вариант тоже устраивает больше всего).

То есть, спорных вопросов оказалось очень много. А в спорах сила – аргумент далеко не последний и всегда убедительный. И прикаспийские государства стали дружно наращивать свои морские силы. Первой это сделала Россия, пополнив свою флотилию самыми современными судами береговой охраны. Обновленную флотилию инспектировал президент великой страны Владимир Путин, заявивший, что главная задача российских моряков на Каспии – борьба с браконьерством и транзитом наркотиков. Вслед за нею пополнил свою флотилию Казахстан, закупивший новейшие бронекатера в Германии. Такими же катерами обзавелся и Туркменистан, доселе бывший на море безоружным: у него много спорных моментов с Азербайджаном. Нейтралитет, как говорится, нейтралитетом, а свою морскую экономическую зону голыми руками от appetитов соседа не заслонишь. И хотя ни одно из

прикаспийских государств к силовому методу решения спорных вопросов пока не обращалось, возможности для этого у них теперь имеются.

Сегодняшняя свобода судоходства в мире гарантирована не одними международными договорами и соглашениями (они регламентируют также статус проливов и внутренних морей, таких, как Азовское, границы территориальных вод и прибрежных экономических зон, в пределах которых государства имеют преимущественное право на ловлю рыбы и добычу полезных ископаемых). Она гарантирована и военно-морскими силами, в первую очередь принадлежащими США и блоку НАТО. Свободы судоходства и его гарантированной безопасности ведущие морские державы добивались упорно и долго.

Вспомним, как настойчиво и целеустремленно боролась с пиратством Великобритания (его пик пришелся на XV и XVI века), пока не очистила моря и океаны от кораблей под флибустьерским черным флагом с эмблемой черепа и скрещенных берцовых костей. Она прибегала к методам жестким, и снисхождения к пиратам не было. Моряки королевского флота вешали пойманных пиратов на реях взятых на abordаж кораблей, а их береговые пристанища разоряли и сжигали. Зато когда моря были освобождены от любителей легкой наживы, и началась настоящая свобода судоходства, большая часть доходов от которого оседала в Британии. Это только в романах и песнях пиратов окружала романтика дальних дорог (вспомним и грустные, и озорные строчки Павла Когана из стихотворения, быстро ставшего песней «Бригантина поднимает паруса»: «Пьем за яростных, за непокорных, за презревших грошевый уют. Вьется по ветру веселый Роджер, люди Флинта песенку поют...»). Борьба на море с любителями легкой наживы была безжалостной и бескомпромиссной, до полного торжества Закона.

Свобода судоходства всегда выгодна державам, доминирующим на морях, ведь их суда фрахтуются для перевозки и своих, и чужих грузов, и им нужны открытые пути-дороги и открытые порты, а сама фрахтовка и цены на нее хорошо управляемы (хорошая управляемость сверху, рукой государства любой отраслью экономики – это уже политика). Но давно уже свобода судоходства выгодна и странам, на морях не сильным, в том числе и небольшим – она позволяет им посылно участвовать в международном разделении труда и во всех международных обменах. Так, свои суда, приписанные к польским портам, имеет Чехия, не соприкасающаяся с морем ни одним краем своей территории. Отсюда вывод: многого можно добиться, идя дорогами сотрудничества.

Мощь сухопутная, как альтернатива морской силе

Глобальную геополитическую модель разработал английский исследователь географ Хэлфорд Маккиндер (1861 – 1947). Она оказала серьезное влияние не только на британскую, но и на американскую стратегическую мысль (Сирота Н. М. Основы геополитики. М. 2001. С.27 –28). Его геополитические воззрения покоятся на четырех принципах: географические факторы оказывают прямое воздействие на ход истории; географическое положение во многом определяет потенциальную силу, или, наоборот, слабость государства; технический прогресс изменяет географическую среду обитания и отражается, положительно или отрицательно, на могуществе государства; Евразия оказывает стратегическое, то есть решающее влияние на мировые политические процессы (Маккиндер Х. Дж. Географическая ось истории. Полис. 1995. С. 169).

Маккиндеру принадлежит концепция «сердца земли» – хартлэнда. Сердце земли - это Евразия, береговые пространства которой образуют внутренний полумесяц, а острова и континенты за его пределами – полумесяц внешний. Хартлэнд является гигантской естественной крепостью. Его территорию пересекают транспортные коридоры (железные и автомобильные дороги), соединяющие разные концы Евразии. Он богат природными ресурсами и морским империям недоступен (вспомним войну Англии, Франции и Турции против России в середине XIX века, когда союзникам во главе с Великобританией при полном господстве на Черном море не удалось откусить от большой России даже одного маленького лакомого кусочка с названием Севастополь).

Отсюда главный тезис Маккиндера: «Тот, кто контролирует хартлэнд, тот контролирует весь мир». «Всякий взрыв общественных сил, вместо того чтобы рассеяться в окружающем неизведанном пространстве, отзовется громким эхом на противоположной стороне земного шара, так что в итоге

разрушению подвергнутся слабые элементы в политическом и экономическом организме Земли», - утверждал он.

Маккиндер опасался как усиления позиций России в Евразии, так и соединения германских интересов с российскими, коалиции Германия – Россия, способной, благодаря ресурсам России, превратить Германию в доминирующую мировую силу. По мнению Маккиндера, Великобритания должна всячески препятствовать образованию такого стратегического континентального союза, а государства внешнего полумесяца должны постараться оторвать от хартлэнда как можно больше береговых пространств и поставить их под свой контроль (после развала Советского Союза можно констатировать, что большая часть рекомендаций выдающегося британского ученого исполнена).

Маккиндер прожил долгую жизнь, развивая и совершенствуя свои концепции, дополняя их новыми. В статье «Круглый мир и завоевание мира» (1943 г.) он пришел к выводу, что если Советский Союз выйдет победителем в войне с Германией, а к этому шло уже все, он превратится в величайшую сухопутную державу планеты. Вместе с тем, он увидел растущее значение восточных гигантов – Индии и Китая, которые могут стать противовесом северному полушарию. Он предвидел, что динамичный двадцатый век пробудит их от спячки, и они воспрянут и скажут свое слово. Его теория географической оси и хартлэнда претерпела существенные изменения. Ведь в первоначальном ее виде ей вовсе не отвечали противостояние Германии и России в двух мировых войнах и участие Великобритании и США в антигитлеровской коалиции с континентальным Советским Союзом, принесшее им победу.

Зато «холодная война» уже развивалась в соответствии с его концепциями. Сдерживание хартлэнда и постоянное удушение хартленда (вот он, принцип «анаконды» в действии!) глобальным противостоянием всем его начинаниям были словом очень весомым в судьбе Варшавского пакта и Советского Союза.

Крупнейший немецкий геополитик Карл Хаусхофер (1869 – 1946) хотя и скомпрометировал себя связями с нацистами (дискредитированный предъявленными ему обвинениями, он покончил жизнь самоубийством), но внес в эту науку идеи, намного его пережившие. Его идея расширения жизненного пространства, необходимого динамично развивающимся народам, была с восторгом принята лидерами фашистской Германии и в первую очередь Адольфом Гитлером. Немцы, по его мнению, должны были осознать недостаточность занимаемого ими пространства, и найти пути и способы для его расширения. В осуществлении этой идеи он видел главный смысл существования немецкого государства. Расширенное жизненное пространство гарантировало бы экономическую независимость Германии и ее защищенность от соседей. Хаусхофер даже перефразировал выражение философа Фридриха Ницше «воля к власти» в понятие «воля к пространству». Он убеждал немцев в необходимости и справедливости насильственного изменения границ их государства (Сирота Н. М. Основы геополитики. Спб. 2001. С. 30 – 31).

Хаусхофер считал, что периоду господства морских держав приходит конец, что будущее принадлежит сухопутным державам, которые, однако, должны располагать сильным военно-морским флотом. Его идея комплексной государственной мощи (сильная армия, сильный флот, сильная авиация) нашла отражение в строительстве Германией могучего подводного флота. Он принял непосредственное участие в создании оси Берлин – Рим - Токио. Он видел в России естественного союзника Германии и связующий мост между Германией и Токио, что, однако, не мешало ему рассматривать российские территории как жизненное пространство, подлежащее германскому освоению. По мысли Хаусхофера, доступ Германии к российским транснациональным коммуникациям ослабил бы ее зависимость от морских путей сообщения, контролируемых Британией, и облегчил создание евразийского блока, способного сокрушить Британскую империю. Развитие внутриконтинентальных коммуникаций, особенно железнодорожных, вело, по Карлу Хаусхоферу, к ослаблению морских стран.

В пакте о ненападении между Советским Союзом и Германией он видел первый шаг к заключению военного союза с СССР – со всеми вытекающими отсюда для Германии положительными, а для Великобритании отрицательными последствиями. Поэтому план Барбароссы и 22 июня 1941 года стали черными днями его жизни, - в победу Гитлера в войне на два фронта он, как ранее и Бисмарк, не верил. Военно-техническое превосходство Германии, на которое так полагался фюрер в своих планах, растворилось на просторах России, на ее бездорожье. Расчет на авиацию, как силу, доминирующую в третьем пространстве – воздушном, не привели Германию к победе – именно с воздуха противниками Германии были нанесены удары, превратившие в руины и пепелища сотни ее городов (одна

массированная бомбардировка Дрездена зимой 1945 года, в которой участвовало до тысячи самолетов «Летающая крепость», привела к гибели сорока тысяч человек; причиненные городу разрушения сопоставимы с разрушениями в Хиросиме и Нагасаки от первых атомных бомб).

Поражение Германии во второй мировой войне и последующее переосмысление немцами своего положения в Европе и своего будущего полностью опровергли хаусхоферскую теорию необходимости расширения жизненного пространства для динамично развивающегося народа. Динамично развиваться, оказывается, можно, и не расширяя своего жизненного пространства, а довольствуясь тем сильно сократившимся в результате войны жизненным пространством, которое оставляли в распоряжении Германии Потсдамские соглашения. Динамично развиваться можно, всемерно наращивая свой хозяйственный потенциал, делая его предметом зависти соседей и примером для подражания.

Добрососедство и упор на новейшие технологии вновь сделали Германию великим экономическим государством, намного опередившим своих европейских конкурентов, и в первую очередь Великобританию и Францию. Оказывается, ростовая энергия народа, направленная исключительно на созидательные цели, в состоянии творить чудеса, и послевоенная Германия уверенно это демонстрирует. Тем более что в Объединенной Европе, в единой Европе общеевропейское жизненное пространство подлежит дальнейшему освоению и преобразению всеми европейскими народами, в том числе и немецким.

Кстати, вполне удовлетворилась своим послевоенным жизненным пространством и Япония (небольшие территориальные претензии к России здесь не в счет) – и тоже расцвела, экономя на военных расходах, но сосредоточивая силы на развитии новейших технологий. В долговременном плане такая ее политика оправдала себя целиком и полностью.

Концепции выдающегося французского геополитика Поля Видаля де ла Блаша (1845 – 1918) складывались под воздействием стремления Франции блокировать германскую экспансию. Ему принадлежит тезис о постепенном преодолении противоречий между державами морскими и континентальными. Согласно его концепции, в политической истории тесно сплетаются два аспекта – пространственный, или географический, и временной, или исторический, сконцентрированный на потенциале человека. По мере развития коммуникаций континентальные пространства становятся все более доступными и проницаемыми, а морские перевозки становятся все более зависимыми от связей с внутриконтинентальными областями.

Развитие коммуникаций между государствами, считал Видадь де ла Бланш, способно превратить человека в гражданина мира и привести к образованию мирового правительства. Тенденции такого рода сегодня сильнее, чем когда-либо в прошлом, ибо опираются на коммуникационное и экономическое пространство, для которых стремление к единению стало главным и стержневым еще в последние десятилетия двадцатого столетия. Именно в этом направлении сосредоточивают свои усилия могучие межнациональные корпорации. Новейшие технологии, в первую очередь информационные, и неограниченные финансовые ресурсы делают их желанными партнерами в любой точке земного шара. Нужные ворота, таким образом, открываются не под воздействием военного нажима, а как ответное желание сотрудничать. Таким образом, довольны обе стороны, что при нажиме военном просто невозможно. Время показывает, что государства, привечающие межнациональные корпорации, выигрывают в темпах и в качестве развития, а государства, защищающие от их проникновения свою экономику, в темпах и качестве развития проигрывают, и очень заметно (Северная Корея, например).

История хартленда – это история или стремительно меняющихся, или пульсирующих границ. Хартленд, или срединные пространства Евразии, видел и великие переселения народов, и империи, весьма статичные в веках, такие, как Китайская. Великая китайская стена – это материализованная граница между дикими кочевниками и цивилизованными земледельцами восточно-китайской равнины, аортой которой является река Янцзы. Орды кочевников она не останавливала, но они воочию убеждались, что перед ними иная цивилизация. Орды накатывались волнами, но как только прилив сменялся отливом, Китай вновь становился таким, каким был прежде – самодостаточным и сторонящимся широких заимствований у иноземцев.

Еще в период существования Римской империи варвары обрушивались на ее восточные и северные границы неожиданно и как бы возникая из ниоткуда. Их конница была вездесуща, бездорожье и отсутствие мостов через крупные реки ее не останавливали. Варвары обрушивались на римлян до тех пор, пока не сокрушили их и не заселили подконтрольные им земли. Империя, основанная Чингис-

ханом в срединной части Евразии, по своему простиранию была сопоставима с будущей Российской империей. Спаянная единой волей, но не едиными экономическими интересами, не единым экономическим пространством, она не могла просуществовать долго. Когда не стало единой воли, она распалась на свои составные части.

Такая же судьба ожидала великую империю Амира Темура, занимавшую всю Центральную Азию, часть полуострова Индостан и часть Среднего Востока: не стало единой крепкой воли, не стало и огромного государства. А в зените могущества, когда слово Темура исполнялось безоговорочно не только в его государстве, но и за его пределами, государство Темура поражало своей рациональностью: законы исполнялись, народы благоденствовали, армия была постоянной, готовой выступить в поход зимой и летом, а не набиралась на одно лето и на один поход, караваны купцов перемещались из одного конца страны в другой ее конец без воинской охраны, ибо обидеть купца было себе дороже – наказание за подобное преступление наступало неотвратимо. Все это, однако, цементировалось только волей и великой прозорливостью государя и поэтому продолжения за пределами его жизни не имело. Блестящие победы Темура (этот полководец за свою жизнь не проиграл ни одного сражения) сильно подточили мощь татарского государства, обосновавшегося в Поволжье, что благоприятно сказалось на борьбе русских князей за независимость.

Начало становления Российской империи – это многовековая борьба с кочевниками с переменным успехом. Народы безвестные, не оставившие своего следа, печенеги, хазары, булгары, затем монголы и татары временами совершенно пригибали Россию к земле, но она копила силы и распрямлялась. Века понадобились ей, чтобы осознать, что ее сила – в ее единстве, но как только эта идея вошла в плоть и кровь народа и его правителей, положение разительно изменилось, и Россия стала быстро прирастать территориями восточными, юго-восточными и южными, а частично и западными. Русское присутствие распространилось даже на американский материк, Тихий океан был успешно преодолен российскими первопроходцами.

Но отрыв от материнской груди оказался слишком велик, и прочно обосноваться на Аляске и западном побережье Канады при неосвоенности Сибири Россия не могла и сочла за лучшее уйти из Америки, но прочно осесть в Сибири. Будь Россия сильнее на морях и обладай она крупным флотом, способным поддерживать единство Америки русской и европейской России, она бы, скорее всего, от своих американских владений не отказалась. Добираться же до заморских территорий сначала посуху, через всю Сибирь, и уже потом по морю оказалось занятием чрезвычайно долгим и обременительным, такая дорога отнимала массу времени и средств. Усиление Соединенных Штатов, а потом и Японии тоже не способствовало экспансии России в направлении американского континента. В данном случае, Россия замахивалась на то, что не могла проглотить и переварить.

Становым хребтом России и основой ее имперского могущества была река Волга, ее бассейн. Прежде всего, Волга вместе с Каспийским морем – это разветвленная транспортная артерия, открывающая, при хроническом российском бездорожье, легкий доступ к огромным по протяженности территориям, облегчающая экспансию на юг и юго-восток. Волга не перестала быть великой транспортной артерией и в век железных дорог, по-настоящему объединившие российские просторы в единое целое. Более того, цельная система каналов, соединившая Волгу с Доном и Невой, с морями Черным и Балтийским, только расширила ее транспортные возможности.

В смутное междинастическое время (начало XVII века) отпор нашествию поляков был дан ополчением Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского, собранного на волжских берегах на купеческие деньги. Предел наполеоновскому вторжению был положен у стен Москвы. Сначала Бородино, а потом пожар Москвы и ополчение народа, поддержавшего свою армию, не оставили французам ни малейшего шанса закрепить свои летние успехи. Их отступление по зимнему бездорожью, подгоняемое народными мстителями, морозами и метелями, быстро превратилось в паническое бегство, и к марту 1813 года от великой армии не осталось ничего, кроме ее полководца, спасшегося позорным бегством (как и в Египте, в России Наполеон, потерпев фиаско, бросил свою армию на произвол судьбы под предлогом, что ему необходимо быстро собрать армию новую).

Помня о нашествии с запада, Россия, когда выбирала ширину колеи для своих национальных железных дорог, остановилась на самой широкой – 1532 миллиметра, что почти на десять сантиметров шире европейской. Гитлеровское нашествие 1941 года по своим масштабам было несопоставимо с наполеоновским, но разница в ширине железнодорожной колеи не вылилась в препятствие

труднопреодолимое. Немцы сравнительно быстро перестелили колею под свою ширину, а потом эту же самую операцию быстро проделали советские железнодорожные войска. Не проходило и месяца, как движение на дорогах с измененной шириной колеи восстанавливалось.

В мирные же времена разная ширина колеи стала препятствием очень заметным в железнодорожном сообщении России с Европой, а затем и Китаем. На пограничных станциях многие часы уходят на то, чтобы заменить под вагонами колесные пары. Увы, выбор, подтверждающий российскую исключительность, давно сделан, и от него никуда не уйдешь. Возможно, в будущем будет предложена более широкая железнодорожная колея, уже единая для всего мира, например, 2000 или 2500 миллиметров, тяжелые рельсы и многоосные вагоны грузоподъемностью 150 – 200 и более тонн, и тогда, конечно, все страны останутся на одной ширине колеи. В этом случае разница в себестоимости перевозок морских и железнодорожных уже не будет столь велика, как сегодня.

А германское нашествие 1941 – 1942 годов, опять же, было остановлено у стен Москвы и берегов Волги – ценой очень большой крови и невероятного напряжения народных сил. Остановлено и повернуто вспять. Призыв «Вставай, страна огромная!» возымел свое действие, и страна встала и от берегов Волги пошла вперед – к берегам Одера и Эльбы. Гитлер потерял все, и сегодняшняя Германия уже не мыслит категориями расширения своего жизненного пространства. Оно, конечно, может расширяться, но в пределах единой Европы и единого человечества, то есть исключительно мирными всех устраивающими путями.

Война холодная вылилась в почти полувековое противостояние двух разных общественных систем, которое потребовало от них, для выявления победителя, полного напряжения их сил и возможностей. Экономическое положение противостоящих систем было далеким от равенства; экономика блока западных стран примерно в три раза превышала показатели советского блока. Хартлэнд вынужден был опираться исключительно на собственные силы, постоянно расточая их на помощь союзникам явным и потенциальным. Увы, собственные силы наращивались не так быстро, как того хотелось правящей элите СССР, и коренные нужды советского народа удовлетворялись далеко не в полном объеме. В затяжном этом соперничестве принцип «анаконды» действовал в полном объеме. Свои научные и технические достижения каждая из сторон тщательно оберегала и охраняла, чтобы они не стали достоянием соперника. В конце концов, для Советского Союза напряжение противостояния оказалось предельным и губительным, военного превосходства над Соединенными Штатами он так и не добился, а русский народ надорвался и утратил способность к самовоспроизводству (население сегодняшней России ежегодно сокращается на один миллион человек).

В условиях противостояния советские железные дороги перестали быть транзитным мостом между Западом и Востоком Евразии; по ним перевозились только грузы советского блока. Интенсивность движения, однако, была исключительно высокой, на советские железные дороги приходилось 40 процентов мировых железнодорожных перевозок, и на них поддерживалось состояние постоянной мобилизационной готовности. Даже паровозы, давно отправленные в отставку (их десятипроцентный коэффициент полезного действия втрое ниже, чем у тепловозов), далеко не все отправлялись на переплавку; часть их оставалась в стратегическом резерве и вновь могла быть быстро задействована).

Западная Европа, Япония и Корея сообщались между собой только посредством моря, пассажирские перевозки осуществлялись воздушным путем, опять же, минуя хартлэнд. Чтобы иметь морской доступ ко всем своим северным территориям и Дальнему Востоку вдоль контролируемых им своих берегов, СССР построил мощный ледокольный флот, включающий в себя пять атомных ледоколов, который и обеспечивал стодневную летне-осеннюю навигацию по Северному морскому пути. При необходимости ледоколы осуществляли проводку с запада на восток и обратно надводных боевых судов; подводные лодки, естественно, в ледоколах не нуждались. Северный морской путь был по потребности оборудован портами и средствами навигации.

Ни США, ни Канада со своей стороны и близко не предприняли усилий, равных усилиям Советского Союза, для обустройства своих участков Северного морского пути и обеспечения на нем устойчивого судоходства. Они в этом нуждались далеко не в той степени, как Советский Союз, хотя на Аляске и в канадской акватории Северного Ледовитого океана и были обнаружены значительные запасы углеводородного сырья.

С прекращением противостояния роль Северного морского пути для России уже была не столь важна, как прежде, и она резко сократила затраты на его содержание. Половина ледоколов осталась без работы и встала на прикол. Путь из Санкт Петербурга и Архангельска на Дальний Восток вокруг Южной Азии оказался дешевле Северного морского пути, хотя по протяженности он втрое длиннее. Экономика взяла верх над политикой – до следующего похолодания в международных отношениях. Это еще одно, пусть и маленькое, подтверждение того, что сотрудничество и взаимодействие всегда приносит хорошие дивиденды, тогда как противостояние только поглощает средства, и не маленькие.

Вновь оказалась открыта для международного транзита транссибирская магистраль; для привлечения клиентов и тарифы были снижены, и таможенные процедуры сведены к минимуму, и охрана контейнеров поставлена таким образом, чтобы исключить хищения грузов на долгом пути. Японский или корейский стандартный двадцатифутовый контейнер теперь доставляется из порта Находка на станцию Брест или в Петербург за десять суток, что втрое быстрее морского пути. Но у транссибирской магистрали уже появился конкурент, быстро набирающий силу и завоевывающий авторитет – это реконструируемый Великий шелковый путь. Он проходит много южнее Транссиба, по территориям новых суверенных государств Центральной Азии Казахстану, Кыргызстану, Узбекистану, Туркменистану, имеет выход к Персидскому заливу через Иран и в Турцию, к Средиземному морю и Стамбулу, а также к Черному морю, через территории Азербайджана и Грузии (паромные переправы через Каспийское море Туркменбаши – Баку и Туркменбаши – Махачкала, Актау – Баку и Актау – Махачкала функционируют вновь).

Впрочем, Великий Шелковый путь далеко не всегда конкурент Транссибу. Если к транссибирской магистрали тяготеют грузы японские, корейские и северокитайские, следующие в Европу, то к Великому шелковому пути – грузы срединно- и западнокитайские, а также индийские и пакистанские. То есть, две эти железнодорожные колеи не только конкурируют друг с другом, но и дополняют друг друга, и дай им Бог справиться с той нагрузкой, которая падет на их плечи, а точнее, на их рельсы, через пять – десять лет. Чтобы сделать реконструируемый шелковый путь по-настоящему привлекательным для грузоотправителей Европы и Восточной Азии, государствам, по территориям которых он проходит, необходимо как можно быстрее договориться о тарифах и предельном упрощении таможенных процедур, имея в виду, что на Транссибе всего одна таможенная процедура, а на шелковом пути их может быть шесть и больше, в зависимости от маршрута.

Россия и Иран быстро обустроивают смешанный водно-сухопутный транспортный коридор Персидский залив – залив Финский с портом Санкт Петербург на его берегах, который намного сократит путь грузов из Индии в Северную Европу и обратно. Новые транспортные коридоры способствуют развитию международной торговли и выводят страны Центральной Азии из той изоляции, на которую их, казалось бы, изначально обрекает их географическое положение в середине азиатского континента.

В отношении реконструкции Великого шелкового пути между мировым лидером Соединенными Штатами Америки, Европейским Союзом, Японией, Китаем, государствами Центральной Азии, Закавказья и Турции достигнуто взаимопонимание и взаимодействие. Европа, а особенно США хотели бы, чтобы новый транспортный коридор Запад – Восток, огибающий Россию по южному периметру ее границ, оставил бы ее не задействованной в этом проекте. Европа и Япония даже пошли на финансирование проекта ТРАСЕКА – транспортного коридора Кавказ – Азия, как составной части шелкового пути. Но восемь российских железнодорожных выходов на железные дороги Казахстана, Азербайджана и Грузии делают стальные магистрали стран-соседей сообщающимися сосудами – со всеми вытекающими отсюда последствиями. Это позволяет грузоотправителю выбрать маршрут, наиболее короткий по расстоянию и наиболее дешевый по стоимости. Что ж, чем больше вариантов, тем лучше грузоотправителю.

Соединенные Штаты делают все возможное, чтобы реконструируемый шелковый путь обошел стороной Иран – страну, открыто противостоящую Америке и Израилю в их ближневосточной политике. Жизнь, однако, и здесь вносит свои коррективы. В 1996 году Иран и Туркменистан соединили свои железные дороги. Доступ стран Центральной Азии к портам Персидского залива стал реальностью, и их хлопковое волокно получило еще один выход на мировой рынок. А формирование транспортного коридора Иран – Каспийское море – Россия еще одна гарантия того, что Иран не будет изолирован от мирового сообщества только потому, что этого так хочет Америка.

Большим вопросом для Центральной Азии и всего мирового сообщества остается положение в Афганистане, его нестабильность, в основе которой пламя междоцивилизационного конфликта, которое погасить очень сложно. Афганистан мстит мировому сообществу за свою хроническую отсталость – и всеми силами пытается защитить свою самобытность, корни которой глубоко во дне вчерашнем, в феодальном средневековье. Он пытается защитить ее недопустимыми средствами, в том числе огромным маковым полем и сотнями лабораторий по производству героина, реализация которого дает наркодельцам 29 миллиардов долларов в год, в то время как валовой внутренний продукт Афганистана оценивается в два миллиарда долларов. Америка, чье военное присутствие в этой стране продолжается, пока мирится с мировым лидерством Афганистана в производстве наркотиков, ведь на иглу садятся в первую очередь Россия и Европа.

Но и задача, стоящая перед Америкой в этой стране, тяжела чрезвычайно: она сталкивается с несогласием и противодействием, истоки которого имеют генетический уровень. Афганцы всем своим поведением словно утверждают: да, мы такие, шариат у нас в крови, а другими мы быть не хотим и не умеем. Их можно согнуть, но это не означает подчинения. Очевидно, должны быть найдены иные, новые формы диалога, плавно переходящие во взаимопонимание и сотрудничество. Нам вовсе не надо, чтобы афганцы насильно, против своей воли, становились другими, вбирали в себя азы демократии, им чуждой. Нам надо, чтобы они снова стали лояльны к мировому сообществу и осознали себя составной ее частью. Тогда и начнется возрождение этой страны – не раньше. Тогда ее смогут пересечь железные дороги, нефте- и газопроводы, идущие от прикаспийских месторождений, туркменских и казахских, в Пакистан и Индию. А пока автомобильными дорогами Афганистана (дорог железных он не имеет до сих пор) страны-соседи предпочитают не пользоваться, так как это небезопасно. И все другие проекты, касающиеся транзита через эту страну, пока ждут своего часа – в надежде, что благие времена и ее не обойдут стороной.

В канун 2006 года, вслед за пуском нефтепровода Баку – Джейхан и началом строительства газопровода Россия – Германия, значительная часть которого, в назидание полякам и прибалтам, пройдет по дну Балтийского моря, тогда, когда разразился острейший конфликт по цене на газ между Россией и Украиной, конфликт в первую очередь политический (Украина, естественно, не готова платить за российский газ в четыре раза дороже, чем Белоруссия), состоялся пуск нефтепровода Казахстан – западный Китай протяженностью в тысячу километров. Комментатор Би-Би-Си с ноткой торжественности в голосе подчеркнул, что это первый в Казахстане международный трубопровод, который не проходит по территории России. Но и школьнику, едва он бросит взгляд на карту Центральной Азии, не трудно будет сообразить, что по-другому просто бы не получилось.

Да, у Казахстана с Россией доверительные и прочные отношения, плотно насыщенные добрососедством и вытекающими из него выгодами. Но это вовсе не означает, что местоположение следующих казахских нефтяных и газовых труб в тот же Китай, в Пакистан и Индию будет определяться в Москве. Оно будет определять в Астане (и в странах, для которых эти трубы предназначены), и это нормально. Однако в суверенитете Казахстана от нефтепровода, проложенного в Китай, произошла некоторая подвижка в сторону его возрастания и укрепления, что и было отмечено в Лондоне с чувством глубокого удовлетворения.

Конечно, это всего лишь маленькие нюансы сегодняшней геополитики, но без их всплесков скучно жилось бы на белом свете. Отмечу попутно, что пуск этого нефтепровода – лишь один штрих в радужной картине экономической жизни Республики Казахстан, прагматичная, но тщательно взвешенная и выверенная внутренняя политика которого приносит стране прекрасные дивиденды в виде полной занятости населения, свободы предпринимательства, поощряемого государством, многомиллиардных иностранных инвестиций и, конечно, светлого завтрашнего дня, в пришествии которого казахи не сомневаются. Работать и жить в сегодняшнем Казахстане становится престижно, и сотни тысяч молодых киргизов, таджиков, узбеков приезжают в эту страну на заработки. Приезжают туда и многие тысячи китайцев – с прицелом более дальним, чем заработок. Они обустроиваются основательно, чтобы остаться надолго, а лучше всего навсегда.

Реалии сегодняшнего дня:
международный терроризм и отпор ему,
сотрудничество региональное и глобальное

Десять лет после победы в холодной войне Соединенные Штаты торжественно взирали на мир с высоты своего имперского кресла, выше которого не было ни в Организации Объединенных Наций, ни вне ее. Они хотели и четко излагали свое желание, а мир это чутко улавливал и воплощал, а если почему-то не воплощал, то приносил свои оправдания и глубокие извинения. Нельзя сказать, чтобы в девяностые годы минувшего века в мире все было так уж пристойно и благополучно. Распад Советского Союза хотя и отвел от Запада непосредственную военную угрозу в виде советского ракетно-ядерного меча, но сопровождался негативными подвижками, последствия которых просматривались плохо.

Узда была отпущена, цивилизованного перехода к рыночной экономике не получилось, периферийное постсоветское пространство оказалось во власти вседозволенности и низменных инстинктов национал-патриотов и заполыхало конфликтами, большими и маленькими. Возгорался материал, подспудно накапливаемый для конфликтов десятилетиями. Вхождение в рынок, как время первоначального накопления капитала, отгесняло законы нравственности на задворки души. Никем прежде не просчитанное и не прорепетированное, оно достигалось методом проб и ошибок. Ведь в Советском Союзе не была защищена ни одна диссертация на животрепещущую, но от коммунистической идеологии далекую тему перехода от экономики социалистической, планово-государственной к экономике рыночной с частной собственностью и частной инициативой в ее основе.

Имели место кровавые разборки на почве межнациональной и клановой вражды в Грузии (Аджария, Абхазия, Северная Осетия), Армении и Азербайджане (Нагорный Карабах), Таджикистане (в борьбе за власть кулябские кланы схлестнулись с ходжентскими, душанбинскими и памирскими), в Молдове (отпочковывалось Приднестровье – с ориентацией на Россию). Временами эти разборки достигали накала войны. Негасимое пламя сепаратизма, получив щедрую поддержку извне, заполыхало в Чечне и создало России массу трудно разрешимых проблем.

Первая проба сил между чеченскими сепаратистами и федералами завершилась вничью, но перемирие продлилось недолго. Во второй пробе сил Россия прошла по Чечне бомбовым, артиллерийским и танковым катком, превратила в руины ее столицу город Грозный и, загнав оставшихся в живых сепаратистов в глубокое подполье, сохранила единство Федерации. При этом сколько-нибудь глубоко не было просчитано, а надо ли было это делать? Не лучшим ли было бы и для самой России дальнейшее раздельное существование? И Чечня продолжала оставаться в теле России – уже как мина замедленного действия, взрыватель которой вновь может быть поставлен на боевой взвод в любое время. От того, как строго Россия обошлась со строптивыми чеченцами, другим, конечно, стало неповадно. Зарубежные спонсоры и идеологи чеченских событий (саудовские, турецкие, пакистанские и другие) урона не понесли, но центр тяжести своих операций сместили в сторону терроризма. В российских городах загремели взрывы; ответная жестокость последовала незамедлительно.

На землях бывшей Югославии сербы с помощью оружия выясняли отношения с албанцами и хорватами. Демографический взрыв умножил население албанских районов бывшей Югославии, в то время как численность сербов не росла, и албанцы стали десятками тысяч селиться на чисто сербских территориях. Сербы взбурлили, начались этнические чистки, застрочили автоматы – сначала в ночи, а потом и днем. Албанцы стали доказывать мировому сообществу, как они гонимы и как они несчастны, и мировое сообщество вяло им.

Бурлило то громко, то потише на Ближнем и Среднем Востоке. Афганские талибы все резче заявляли христианскому Западу, что научат его не претендовать на чужое, подразумевая под чужим, в первую очередь, иной образ жизни, а Россию, главную виновницу их несчастий, посадят на героиновую иглу. Над тем, как это лучше сделать, чтобы мало не показалось никому, задумался богатый саудовец Бен Ладен, большой друг и спонсор талибов, которому афганский политический климат с талибами по обе стороны от себя пришелся очень по душе.

Соединенные Штаты перестали помогать талибам сразу после того, как советские войска покинули территорию Афганистана. Бен Ладен вербовал сторонников по всему Ближнему и Среднему Востоку, сплывал их своими большими деньгами и единой программой противостояния безбожному Западу под зеленым знаменем пророка Мухаммада, - и обучал в потаенных лагерях ненависти к неверным, диверсионному делу и конспиративному исполнению далеко идущих планов возмездия.

Ирак, едва замирившись с Ираном и ничего не приобретя от войны, которая обошлась двум этим странам-соседям в миллион человеческих жизней, де-факто осуществил свои притязания на Кувейт

(земля этой крошечной страны предельно насыщена нефтью). Не было мира и добрососедства между Израилем и Палестиной, не согласной с закреплением израильских поселенцев на своих землях, и арабы-смертники часто взрывали себя в самых людных местах израильских городов, напоминая о не удовлетворенных требованиях палестинцев, а израильтяне в ответ отстреливали ракетными залпами из вертолетов лидеров организаций, которые направляли к ним террористов-смертников, и танковым катком утюжили лагерь, в которых велась подготовка боевиков.

Курды (пограничье Турции, Сирии и Ирака), народ численностью в тридцать миллионов человек, вынашивали идею построения своего независимого государства и накапливали силы для претворения этой идеи в жизнь. Пакистан и Индия по-прежнему серьезно расходились во взглядах на территориальную принадлежность Кашмира и его будущее, но Индия наращивала мускулы гораздо быстрее Пакистана. Лидеры Пакистана сознавали, что четвертая война с Индией, после трех проигранных, может быть последней для их страны, но решения спорных вопросов, приемлемого для себя и соседа и способного остановить противостояние, не находили. На острова Спратли в Южно-Китайском море (вблизи них были открыты месторождения нефти) претендовали Китай и Вьетнам, Малайзия и Бруней.

Иран и Северная Корея чувствовали себя неуютно от соседства ядерных держав. Иран отвергал американское лидерство в мире и отказывал Израилю в месте под солнцем на благословенных землях Ближнего Востока (пусть Соединенные Штаты или Европа разместят еврейское государство где-нибудь на своих просторных землях). Отставание Северной Кореи от соседей в уровне и качестве жизни все увеличивалось (лозунгами и бурными аплодисментами сыт, одет и обут не будешь), и это начинало ее пугать. Отставание, при ее общественном строе, отвергающем всякие новшества, становилось величиной непреодолимой. Обе эти такие разные страны очень хотели попасть в ядерный клуб, но их в него не пускали. Сделать это, однако, можно тихой сапой, как в свое время поступили Индия и Пакистан. И мировое сообщество не принимало на веру заверения этих стран о миролюбивом характере их ядерных программ, не ставящих своей целью создание атомной бомбы.

Во многих африканских странах, занимающих первые строчки в мировой статистике, отслеживающей разгул коррупции, этнические конфликты и нищета естественно перетекали в эпидемии и хронический голод; на сообщения о сотнях тысяч умерших от голода, миллионах беженцев и миллионах зараженных СПИДом мировое сообщество реагировало весьма прохладно. Помощь африканским народам, какой бы внушительной она ни была, мало чего меняла в плачевном их положении. Экваториальная Африка была синонимом отсталости, жила в другом времени и ничего, кроме проблем, мировому сообществу не создавала.

Вторым, после Афганистана, мировым центром производства наркотиков продолжала оставаться Колумбия. Она очень старалась убедить мировую общественность, что ее полицейские в содружестве с полицией Соединенных Штатов изо всех сил противодействуют производителям и распространителям наркотиков, но на реальном потоке наркотиков на север это противодействие почему-то не сказывалось. Листья коки приносили много золота в виде порошка кокаина, вызывающего трепетные галлюцинации. И противостоять наркодельцам, прекрасно владеющим приемами конспирации и светомаскировки, как в западном, так и в восточном полушариях Земли было чрезвычайно трудно.

Противоречия накапливались и на востоке Азии. Ни Китай, ни Корея не простили Японии жестокостей, сотворенных ею в годы второй мировой войны, и их отношения с этой страной не выходили за рамки холодной корректности. Но это больше касалось человеческих отношений, чем экономических, торговых и финансовых, в которых эти страны считали выгодным для себя руководствоваться принципом наибольшего благоприятствования. Сложными оставались китайско-тайландские отношения, и сложность эта возникла в связи с территориальными претензиями Китая к своему соседу Таиланду.

Возвращение Гонконга в лоно родины было воспринято в Китае с чувством глубокого удовлетворения. Все в Гонконге осталось на прежнем уровне, подвижек и ломок его хозяйственная и социальная сфера не претерпели, - коммунистический Китай в точности выполнил свои международные обязательства, связанные с изменением политического статуса Гонконга. Ибо на очереди было возвращение в лоно родины Тайваня. Ему тоже были даны обещания и гарантии, адекватные тем, какие в свое время получил Гонконг.

Но ответной взаимностью Тайвань не воспылал, желания объединиться с материковым Китаем в нем не прорастало. Китай не торопился, но закупал у России новейшее оружие, армию модернизировал и мускулы изредка напрягал, демонстрируя растущую их силу. Он знал, что не через десять, так через двадцать, через тридцать лет положение все равно изменится в его пользу, и он настоит на своем, как делал это уже много-много раз, разрешая свои пограничные споры с Индией, Россией, Казахстаном и Кыргызстаном. А что такое двадцать или тридцать лет в истории Китая, насчитывающей более трех тысячелетий? И что такое сегодняшнее несогласие Америки на воссоединение Тайваня с родиной-матерью? Несогласие не может быть вечным, время ведет под него свой подкоп, и время, при сложившихся обстоятельствах, верный союзник Китая.

Через двадцать, через тридцать лет несогласие будет нейтрализовано – в другом уже мире, где воля Китая будет значить много больше, чем сегодня и, вполне возможно, будет доминировать над волей Америки и ее союзников. Китайская диаспора в странах Америки и Азии быстро росла численно, а свое влияние, экономическое и политическое, наращивала еще быстрее. Она выделялась своей дисциплиной, организованностью и целеустремленностью, что в соединении с традиционным китайским трудолюбием и законопослушанием давало эффект быстрый и впечатляющий. Не трудно было сделать вывод, что китайская диаспора и Китай – части одного целого, и при необходимости ее голос всегда присоединится к голосу материкового Китая (как и ее финансовые средства).

В связи с вышеизложенные интересно проследить за формированием китайской диаспоры в Республике Казахстан, происходящим на наших глазах. Казахстан – мало населенная быстро развивающаяся страна (плотность населения 6 – 7 человек на квадратный километр, общая численность населения немногим более 15 миллионов человек), щедро одаренная полезными ископаемыми, в том числе цветными металлами, нефтью и газом. Безвизовый режим с Китаем позволяет китайцам не только беспрепятственно пересекать границу, но и оставаться в Казахстане. Китайцы стали в большом количестве покупать и строить жилье, покупать промышленные предприятия, создавать новые. По некоторым оценкам, в Казахстане уже проживает около полумиллиона китайцев. Селятся китайцы компактно, и все крупные казахские города уже могут похвастать своими чайнтаунами. Объективно, растущая китайская диаспора ускоряет развитие Казахстана – как и легальные и нелегальные рабочие-мигранты из Кыргызстана, Узбекистана, Таджикистана. Только вот чем это обернется для Казахстана по прошествию нескольких десятилетий?

А что в эти годы происходило на острие технического прогресса, в мире западном и восточном, технический прогресс рождающем – в Соединенных Штатах и Канаде, Западной Европе и их союзнице Японии? На какие позиции выходили страны, быстро развивающиеся – Южная Корея, Австралия, Малайзия, Сингапур, Индонезия, Филиппины, Бразилия? На что претендовал Китай, этот бурно набирающий силу и международный вес азиатский великан? Какие задачи ставила перед собой Индия, вдруг показавшая, что и она умеет идти вперед стремительно и дерзко? То, что ее математики и программисты оказались лучшими в мире – случайность или закономерность? Индия не просто становилась на рельсы индустриализации, но желала специализироваться на новейших технологиях, которые требовали для своего развития минимум ресурсов, но огромного трудового участия. То есть, японский опыт она аккумулировала в полной мере.

Существенно сократив военные расходы, закрыв за рубежом, по периферии бывшего Варшавского пакта, более сотни военных баз, сократив банковскую учетную ставку и облегчив получение кредитов (Америка научилась жить в кредит, как никакая другая страна), Соединенные Штаты обеспечили своей экономике высокие темпы роста, вдвое превысив по темпам роста валового внутреннего продукта государства Западной Европы. Впервые, за последние полвека, были превзойдены и японские темпы роста, прежде необычайно высокие, но понизившиеся на рубеже тысячелетий.

Американцам, естественно, нравилось быть первыми и задавать тон, нравилось, что их слово в мире ценится высоко. Их фермеры производили столько продовольствия, дешевого и качественного, что, дополнительно к населению собственной страны, легко могли прокормить еще сто – сто пятьдесят миллионов человек, и США щедро направляли продовольственную помощь странам, испытывающим хронический недостаток в продуктах питания. И то, что эта помощь доставлялась в красивой упаковке из постулатов демократии и прав человека, обеими сторонами воспринималось, как должное. Рука дающая всегда оговаривает условия, при исполнении которых она и дальше обещает быть щедрой.

Америка продолжала лидировать в разработке информационных технологий, вершиной которых стала всемирная информационная сеть Интернет, в производстве компьютеров и компьютерных программ, автомобилей, станкостроении, самолетостроении, в фармакологии и тонких химических технологиях, в производстве многих товаров массового потребления (телевизоров, холодильников, стиральных машин, строительных материалов). Лидировала она и в производстве оружия. Набирала амбициозность ее космическая программа, с прицелом на Луну и Марс, на создание крупных орбитальных станций.

Новейшие спутники связи и трансконтинентальные опτικο-волоконные линии связи позволили сократить стоимость международных телефонных разговоров с Европой и Восточной Азией до двух центов за минуту (минута разговора Ташкента с Москвой обходится абоненту в двадцать раз дороже). Производительность труда на заводах, фабриках и стройках, уже очень высокая, продолжала расти, так что на одного работника в сфере производства и строительства уже приходилось два-три работника в сфере распределения и обслуживания.

Жить, работать и учиться в Америке было престижно, и миллионы молодых и не очень молодых людей в странах Латинской Америки, Восточной Европы, России, Индии, Китае и других лелеяли планы эмигрировать в США и стать ее гражданами. Америка получала возможность отбирать для себя лучший, наиболее качественный человеческий материал, и она делала это с завидной целеустремленностью, нисколько не стесняясь, что такое ее поведение расходится как с постулатами демократии, так и с правами человека. Предпочтение отдавалось людям высокоспособным, с высшим образованием, белым цветом кожи и христианским вероисповеданием. Но при очень высоких способностях цвет кожи и вероисповедание отходили на второй план. Политика высасывания мозгов из стран слаборазвитых и развивающихся объективно способствовала сохранению лидирующей роли Соединенных Штатов в мире.

Таким образом, в американских городах продолжали расти кварталы китайские, мексиканские, индусские и другие. Ибо люди в Америке предпочитали селиться вместе, по признакам расовым и цивилизационным, которыми дорожили, ведь они были основой их человеческой сущности. Им очень не хотелось растворяться в безликом и бездуховном море американской культуры, в той очень далекой от душевного комфорта стихии, которая именуется американским образом жизни.

Энергичная, не меняющая ориентиров на безраздельное доминирование в мире внешняя политика Соединенных Штатов позволила им сблизиться с Россией и, одновременно, раскрыть свой зонтик над новыми независимыми государствами – бывшими советскими республиками, особенно стараясь, чтобы под ним оказались Украина, Грузия, Азербайджан, государства Центральной Азии и Прибалтика. Она содействовала становлению в этих странах рыночной экономики и демократических форм правления, помогая, однако, больше советами, чем материально. Четко прослеживалось во всех действиях Америки стремление дистанцировать бывшие союзные республики от России, нацелить их политику на указанный ею фарватер. Ее целью было не допустить нового объединения России с теми государственными новообразованиями, на которые распался бывший Советский Союз. Белоруссия, от американского зонтика демонстративно отказавшаяся и тесно сближавшаяся с Россией, была объявлена страной недемократической и тоталитарной, постоянно нарушающей права человека, и отношения с ней не поддерживались и не развивались.

Стержнем же политики США оставались союз и сотрудничество с Европой и Японией и укрепление блока НАТО, включающее в себя его расширение за счет государств Восточной Европы и Прибалтики (они спокойно пошли на нарушение устной, документально не зафиксированной договоренности президентов Клинтона и Горбачева о том, что расширения НАТО на восток не будет). Большинство государств Восточной и Юго-Восточной Азии имели прямые союзнические отношения с Соединенными Штатами – Южная Корея, Филиппины, Малайзия, Сингапур, Таиланд, Индонезия и на этой основе строили свою безопасность. Все эти страны опасались, что Япония вновь захочет обрести былое военное могущество, что в соединении с ее экономической мощью позволило бы ей доминировать в Азии. По этой причине, например, Южная Корея хотя и проводит единую с Японией военную политику, но прямого союзного договора с этой страной не заключила.

Нестандартную ситуацию в государствах бывшей Югославии Соединенные Штаты разрешили силой, поддержали албанцев, лишили власти и отдали под суд президента Сербии Милошевича. Они же преподнесли урок Саддаму Хусейну, освободив Кувейт от иракской оккупации (при этом заручились

поддержкой Саудовской Аравии, Египта, Турции и Пакистана, но столкнулись со скрытым противодействием Ирана и Сирии). Подготовка к военной акции, включая сосредоточение войск, заняла четыре месяца. В результате этой операции, однако, пострадали нефтепромыслы Кувейта, и цены на нефть стремительно поползли вверх. Эта тенденция стараниями ОПЕК и России на обратную уже не менялась.

В целом, лидирующее положение Соединенных Штатов в мире никем открыто не оспаривалось и сомнению не подвергалось. Никем ли? События 11 сентября 2001 года это утверждение опровергали в форме, для цивилизованного мира неприемлемой абсолютно. Аналогичные события, пусть и не такого масштаба, имели место в мире и до 11 сентября, но мировая общественность не придавала им этапного характера. Ее вполне устраивал вывод, что эти события носят локальный характер.

Прежде чем остановиться на этих событиях более обстоятельно, позволю себе обратить внимание на проблемы давние, застарелые и трудно разрешаемые, с которыми столкнулись Соединенные Штаты во второй половине двадцатого века и которые, как эстафету, каждый новый американский президент передавал своему преемнику, так как был не в состоянии решить их ни полностью, ни хотя бы частично. Экспорт Америки (здесь надо иметь в виду чрезвычайно высокую стоимость рабочей силы в Штатах, делающую большинство их товаров неконкурентоспособными на мировом рынке) был много меньше ее импорта, что выливалось в серьезный ежегодный дефицит. С большой выгодой для себя торговали со Штатами Япония, Китай, Южная Корея, страны ОПЕК (добытчики нефти). И с большим дефицитом постоянно складывался бюджет Соединенных Штатов, что вело к заимствованиям внутри страны на покрытие дефицита и к хроническому росту государственного долга. Этот долг возник в годы второй мировой войны, когда правительство президента Рузвельта сделало крупные займы, чтобы профинансировать создание сильной армии и флота и ведение боевых действий на два фронта.

С тех пор дефицит только рос и рос, ибо страна расплачивалась по своим обязательствам частично деньгами, а частично новыми обязательствами, обменивая их на старые и увеличивая внутривнешний долг все больше и больше. Государственный долг уже был сопоставим с валовым внутренним продуктом страны, и выплата процентов по нему сама превращалась в острейшую проблему. Штаты, однако, выручало то, что доллар давно уже выполнял функции мировой валюты, потребность в нем в мире росла, печатный станок работал в полную силу, и работал во благо Америки. Инфляция ежегодно уменьшала покупательную способность доллара на полтора процента, что не лишало его имиджа валюты стабильной, поддерживаемой всей экономической мощью великой державы. Эти полтора процента тоже подпитывали бюджет Америки. И очень подпитывали его дешевые потребительские товары, стекающиеся в Штаты со всего мира и в первую очередь из Китая и стран Юго-восточной Азии. Так, рубашка, и очень хорошая, пошитая в Таиланде или Китае и стоящая там не более двух долларов, попадая в Америку, продавалась за 30 долларов, а при распродаже – за 10. Два доллара из тридцати возвращались стране-производителю, 28 или, на худой конец, восемь в виде прибыли оставались в Штатах – и позволяли разрешать им многие их проблемы. За счет остального мира, разумеется.

Третьей серьезной проблемой Соединенных Штатов (и всего остального мира тоже) была абсолютная бездуховность их массовой культуры. Напористая необыкновенно, всецело отданная на откуп рынку, предельно примитивная по своему содержанию и своей сути, рассчитанная на вкусы низменные и убогие, она в таком жалком виде заполонила телевизионные и компьютерные экраны всего мира. Голый индивидуализм, культ силы и секс, маленькая неумная головка и большой всесокрушающий кулак – вот составляющие этой культуры, а более ее не интересует ничего. Ударом кулака от подбородка к подбородку решаются все спорные вопросы; в итоге, вроде бы, и торжествует справедливость, но ради ее торжества для одного конкретного человека позади остаются горы трупов (убивают, при выяснении отношений, естественно, не одних преступников и негодяев) и груды развалин. Нравственность в такой культуре отсутствует начисто. Нет, Америка не ставит перед собой задачи сделать остальной мир безнравственным и бездуховным, но де-факто ее массовая культура эту задачу выполняет как бы самостоятельно и на глобальном уровне.

Это уже негативно сказывается как на духовности самих американцев, так и на нравственном облике молодежи тех стран, в которых американская массовая культура доминирует давно и прочно. Почувствуйте разницу: американцы ходят в церковь, в то время как другие народы верят в Бога.

Американцы отдают дань моде, потому что хотят быть, как все. Верить в Бога и следовать Его заповедям при этом вовсе не обязательно. Не отсюда ли столько бездуховности в их культуре? Не отсюда ли их молчаливое согласие с этой бездуховностью? Другие бы народы давно этого не потерпели, давно бы воспротивились этому злему и напористому потоку чернухи и порнухи, а они терпят. И тут охотно дашь «добро» на любую цензуру, охотно восстанешь против пресловутой свободы слова, лишь бы наша культура не поклонялась насилию и сексу, а признавала своим стержнем высокую нравственность и мораль, заповеданную человеку свыше, и признавала святыми и незыблемыми обычаями и традиции, идущие от дедов и отцов, то есть проверенные веками.

И серьезными остаются проблемы межнациональных взаимоотношений, хотя народ Соединенных Штатов давно объявлен единым и монолитным. Вспомним, что таким же сплоченным до монолитности кремлевские лидеры старались выставить и советский народ, ведь идеологам коммунизма очень хотелось, чтобы это было именно так, хотя жизнь показала потом, что это, мягко говоря, совсем не так. На бытовом уровне негры очень заметно дистанцируются от белых, англосаксы - от латиноамериканцев, итальянцев, а также выходцев из стран Восточной Европы, и так далее.

Обособленно держатся китайцы, японцы, индусы, арабы. В фешенебельных районах больших городов никогда не продадут дом негру, будь он хоть мультимиллионер: соседям это не понравится. Ибо кастовая (и национальная тоже) солидарность превыше всего. Пока напряжение умело нейтрализуется властями, ведь перед законом все равны. Но несовместимость-то остается – со всеми задатками мины замедленного действия. То есть, многоэтничность Соединенных Штатов – сегодня не столько сильная, сколько слабая сторона этой страны, и вполне могут возникнуть обстоятельства, когда эта слабость грубо обнажится и скажет свое слово, в одно мгновение разрушив внутреннюю стабильность страны. Вспомним, как осенью 2005 года во Франции вдруг запылали десятки тысяч машин и ларьков, подожженные подростками-арабами, гражданами Франции в первом, а то и во втором поколении. Погромы продолжались несколько недель, перекинулись в Бельгию и Германию. Таким злым и оголтелым был протест французов арабского происхождения французам французского происхождения: в обществе, называющем себя демократическим, неравенства в производственных и житейских отношениях быть не должно, и если оно есть, оно не прощается.

События 11 сентября 2001 года, совершенно для Соединенных Штатов неожиданные, потрясли и Америку, и остальной мир. Дерзкая и тщательно спланированная атака на Америку удалась, за небольшим исключением: четвертый самолет, который должен был поразить Белый дом, упал раньше, - пассажиры уже знали, какая участь их ожидает, и дружно накинулись на террористов. А два больших пассажирских самолета, полные керосина и пассажиров, врезались в 110-этажные близнецы-небоскребы Манхэттена, эти символы американской незыблемости и американского превосходства, а третий – в Пентагон. Высотки устояли, но только до той поры, пока их прочный стальной каркас не размягчился от двухтысячеградусного пламени и не утратил своей несущей способности. На это понадобился час. Когда же каркас размягчился, здания рухнули – до своего основания. Погибло, вместе с пассажирами захваченных лайнеров и пожарниками, около трех тысяч человек. В шоке великая страна пребывала недолго. Зло должно быть отмщено и наказано, как в свое время была наказана атака на Пирл Харбор, - в этом были едины и стар, и млад, народ и правительство. Кто посмел, кто отважился?

А посмел и отважился Бен Ладен со товарищами. Товарищей у него к этому времени набралось много, и все они были не на виду. Их объединенное товарищество называлось «Алькайда», и главная его задача состояла в том, чтобы наказать Америку – за насаждаемый по всему миру американский образ жизни. Америка, по мнению, Бен Ладена, никому, а особенно мусульманам, не должна указывать, как им жить и что делать. На позиции Бен Ладена и «Алькаиды» отразилась вся гамма противоречий между цивилизациями исламской и христианской, включая растущую отдаленность мусульманских государств, даже таких богатых, как Саудовская Аравия, от острия технического прогресса. обстоятельный анализ позиции Бен Ладена позволяет видеть в ней не только выражение исламского экстремизма, но и глубокую уязвленность сложившимся положением вещей, когда одна сторона постоянно доминирует, а вторая вынуждена подчиняться, подстраиваться под лидера.

Атака Бен Ладена не была актом отчаяния – при всей несоизмеримости сил атакуемого и атакующего. В этой атаке месть тесно переплеталась с предостережением, с новой угрозой: да, мы такие, мы будем такими и завтра, и мы заставим с нами считаться, мы научим весь остальной мир не посягать на нашу непохожесть на него, но с уважением к ней относиться. Это было нападение извне, но

осуществлялось оно из самых недр Америки, гражданами Америки арабского происхождения, душа и сердце которых были всецело против Америки и на стороне Бена Ладена. Нападающие государственных границ при этом не пересекали. Армия в таких случаях бессильна, ведь ее назначение – нейтрализация врага внешнего, но не внутреннего.

После холодной войны с ее предельно понятной расстановкой сил это были реалии совершенно новые, линия фронта пролегла везде и нигде, удар из-за угла с его нацеленностью на людей, ни в чем не виноватых, был нормальной формой ведения новой войны. На глубокий просчет и анализ ситуации времени не оставалось, гнев народа был такой силы, что требовал немедленных действий. Где обосновался Бен Ладен? В горах Афганистана, под крылом у талибов? Он будет найден там или в любом другом месте и уничтожен, и его пособники тоже.

Вторжение в Афганистан было подготовлено чрезвычайно быстро. Помимо стран НАТО и традиционного союзника Америки Пакистана, помимо Японии помогать Соединенным Штатам были согласны Россия, сама очень натерпевшаяся от террористов, а также страны Центральной Азии. Они предоставили, для транспортировки грузов гуманитарных и военных, свои транспортные коммуникации и свое воздушное пространство, а Кыргызстан и Узбекистан (годом раньше и он подвергся массовой атаке международных террористов) разрешили Америке арендовать их военно-воздушные базы.

Американские войска заняли Афганистан быстро, талибы от власти были отрешены, но Бен Ладен сумел затеряться то ли в горах, то ли в песках огромных азиатских пространств: в поисках супостата каждый кишлак не перевернешь, а большинство мусульман, даже внешне сочувствующих Америке, было на стороне Бена Ладена, во всеуслышание заявившему Америке, что она зарвалась и что она не всесильна. Поиски его продолжаются по сей день. «Алькаиде» был нанесен очень существенный урон, но она разветвилась, видоизменилась, приспособилась к новым условиям – и продолжает уязвлять Соединенные Штаты и их союзников, а особенно Турцию и Пакистан, сама выбирая место и время каждого следующего удара. Подпитка «Алькаиды» финансовыми средствами, оружием, боевиками и идеологами происходит постоянно и на таком уровне, что нужды в чем-либо эта разветвленная организация не испытывает.

Второй страной на Ближнем Востоке, которой Америка была очень недовольна и внутреннее устройство которой должно было претерпеть серьезные изменения, был Ирак. США обвинили его в производстве оружия массового поражения (химического и бактериологического). Американское вторжение в Ирак было произведено по всем правилам современной войны (опора на союзников Турцию, Пакистан и Саудовскую Аравию, быстрая переброска морем и по воздуху необходимых сил и средств, уничтожение с воздуха крылатыми ракетами и бомбами с лазерным наведением на цель всех потенциальных очагов сопротивления, масштабное наступление на иракскую армию, утратившую способность вести боевые действия, быстрый захват столицы и территории).

И хотя оружия массового поражения найдено в Ираке не было, иракский диктатор Саддам Хусейн был свергнут, а затем пойман и судим. Но случилось то, чего Америка мало ожидала. Сопротивление ей оказала не армия, но народ – методами партизанской войны. Естественно, свое слово в партизанской войне говорила и «Алькаида». Потери Соединенных Штатов от партизанской войны только убитыми к концу 2005 года составили две тысячи человек, что в двадцать раз превысило потери в дни вторжения, и велики оказались потери союзников Америки Великобритании, Италии, Испании и других. Взрывы в Мадриде, кровавая баня на вокзалах и в электричках заставили испанское правительство убрать свой воинский контингент из Ирака. Взрывы в Лондоне позиции правительства Великобритании не изменили, оно посчитало, что потакать террористам себе дороже и войск из Ирака не вывело (это подтверждает историческую прочность союза США – Великобритания).

Становление новой власти в Ираке происходит медленно и всем заинтересованным сторонам обходится дорого. Так, только японская помощь Америке в связи с войной в Ираке достигла 13 миллиардов долларов. Не прекращающиеся диверсии на иракских нефтепроводах и нефтепромыслах не позволяют этой стране возобновить добычу нефти в прежних объемах. Это на руку другим производителям нефти, и в первую очередь Саудовской Аравии, Ирану и России. Цены на нефть растут неудержимо и уже не раз превышали отметку в 60 долларов за баррель (в Советском Союзе цена на нефть внутри страны в восьмидесятые годы была 18 рублей за тонну). Это – оборотная сторона

американской политики на Ближнем Востоке, или взимание дани странами ОПЕК и другими производителями нефти за ее стремление во всем настаивать на своем.

Западная Европа, как союзница США и вторая составляющая пакта НАТО, после устранения и самороспуска основной угрозы европейской безопасности – Варшавского пакта и распада Советского Союза, союзнических отношений с Соединенными Штатами не приостановила, они устраивали ее и дальше. В девяностые годы минувшего века процесс интеграции Европы, получивший первый импульс еще в пятидесятые годы минувшего века от Европейского объединения угля и стали, заметно ускорился и приобрел новое качество. Западная Европа почувствовала себя созревшей для того, чтобы стать Объединенной Европой с единым экономическим, социальным и политическим пространством и единой валютой – евро. От единой валюты обособилась только Великобритания, у нее были на то свои причины. Англичане слишком любили и жаловали свой фунт стерлингов, он значил для них то же самое, что и национальный флаг. Требовалось время, чтобы они решились перепоручить евро функции фунта стерлингов.

Единая европейская валюта должна была продемонстрировать миру, что она умеет и может выполнять возложенные на нее функции, что она способна противостоять доллару и быть второй свободно конвертируемой и желанной валютой. Едва войдя в оборот, евро подверглась жестким испытаниям в период сербских событий, но ее падение и возвышение доллара были явлением временным, и вскоре евро снова поднялась на запрограммированную для нее высоту, равную примерно 1,3 доллара США. И доллар вынужден был уступить евро существенную часть своих мировых позиций.

Хронического бюджетного дефицита, как Соединенные Штаты, Европа не испытывала, как не страдала от отрицательного сальдо в торговом балансе Европейского Союза с остальным миром. Объединенная Европа обладала высоко развитой промышленностью и традиционно экспортировала больше, чем импортировала, и демонстрировала высокий уровень жизни, динамичность и привлекательность. Естественно, вступить в Европейский Союз изъявили желание Польша, Чехия и Словакия, Венгрия, Румыния и Болгария, а также страны Прибалтики – Литва, Латвия и Эстония. Экономически разве что одна Чехия была готова к такому вхождению, другие государства бывшего Восточного блока отделяла от основных государств Западной Европы Германии, Франции, Великобритании и Италии дистанция большого размера.

Но политика часто диктует свои решения, экономическим базисом не подкрепленные. И Европейский Союз и НАТО приняли в свой состав новых членов, показав тем самым России, что к старому возврата больше нет. Сильнее Объединенная Европа от этого не стала, но проблем у нее заметно прибавилось – вместе с увеличившейся расходной частью бюджета. Перспектива, однако, была оценена правильно – то, что теряла Россия, приобреталось, и задешево, Объединенной Европой. В то же время, отношения с Россией поддерживались корректные, близкие к добрососедским, и большая часть внешнеторгового оборота России приходилась на страны Европейского Союза. Их зависимость от российских энергоносителей становилась все более заметной.

Если Объединенную Европу и Японию бесспорное лидерство Соединенных Штатов устраивало и как данность и как долговременная перспектива, то Россия и Китай относились к нему более чем холодно. Да, возврата к бывшему двухполярному миру быть не могло, мир же однополярный не отвечал их интересам. И они ратовали за многополярность мира, видя себя другими центрами полярности и притяжения. Так родилась Шанхайская Организация Сотрудничества (ШОС), полноправными членами которой стали, помимо Китая и России, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан. Индия и Пакистан довольствуются пока ролью наблюдателей, но не исключено, что и они вступят в ШОС, найдя, что ее программа отвечает и их интересам. Начавшись, как антитеррористическое, это сотрудничество стало быстро наполняться полнокровными экономическими отношениями, что и делает новое региональное объединение прочным и привлекательным.

Новым явлением в общественной жизни на постсоветском пространстве оказались оранжевые революции. Эти революции сопровождались всплесками народного возмущения коррумпированными и мало на что способными властями, которые выдавались за народное волеизъявление. Возмущение отнюдь не было спонтанным, его кропотливо готовили как западные спецслужбы, так и всевозможные западные фонды типа фонда Сороса, располагавшие большими деньгами. В программу новых властей вкладывалась задача дистанцироваться от России и сблизиться с Западом, следовать в фарватере его

политики. В Грузии, на Украине и в Кыргызстане к власти пришли политики, резко не согласные со всем тем, что делалось их предшественниками.

Грузия и Украина, действительно, стали быстро увеличивать свою дистанцию от России, которая и до этого была весьма заметной, однако надежды на щедрую поддержку Запада и на весомые дивиденды оказались сильно преувеличенными. Во всяком случае, платить из своего кармана за российский газ новую мировую цену в 230 долларов за 1000 кубометров, в четыре раза превышающую цену 2005 года, Украина оказалась не готова совершенно. Прозападная ориентация Грузии не приблизила эту страну к решению абхазской и южноосетинской проблем, которые продолжали оставаться законсервированными в прежнем трудно разрешимом виде. А Кыргызстан и после оранжевой революции и неконституционного смещения Аскара Акаева остался лоялен России, но американское военное присутствие в этой стране (Китаю оно очень не нравится) сохранилось.

События в Андижане (Республика Узбекистан) в начале 2005 года, которые должны были стать прологом еще одной оранжевой революции, таким прологом не стали, по причине решительного им противодействия со стороны президента Ислама Каримова. Андижанский протест очень быстро приобрел формы вооруженного путча, с захватом мятежной стороной оружия, административных учреждений города и заложников. Эти действия не отвечали конституции Узбекистана, и их пресечение было произведено в соответствии с законами этой страны, но, к сожалению, сопровождалось большими жертвами: боевики, большая часть которых была подготовлена в Афганистане и Пакистане, прикрывались заложниками, как живым щитом. Победного марша под оранжевыми флагами Андижан – Ташкент, аналогичного победному маршу Ош – Бишкек, не получилось, антиправительственные выступления были локализованы и погашены.

И тут же начался поток крокодиловых слез в Европе и Америке: как это жестоко, как жестоко! Да, защищать конституционную власть и конституционный порядок в глазах западных политиков было жестоко, а убивать милиционеров и солдат, захватывать заложников, смещать в городе законную власть и устанавливать свою – не жестоко. Что ж, демократия предоставляет место точкам зрения, совершенно противоположным, однако в итоге всегда почему-то торжествует та из них, которая выгодна Западу. Смакование «азиатской жестокости» президента Каримова автоматически породило санкции, политические и экономические. Узбекистан встретил их спокойно, Шанхайская Организация Сотрудничества поддерживала его безоговорочно. Терроризму – нет, нет и нет, конституции и законопослушанию – да, да и да. Китай заявил о полной поддержке действий правительства Узбекистана уже на следующий день после андижанских событий, и не замедлила себя ждать солидарность России.

Правильно узрев руку, направлявшую андижанские события, Узбекистан отказал Соединенным Штатам в продолжении аренды военно-воздушной базы в Халкабаде и в использовании своего воздушного пространства. Столь низкой температуры в узбекско-американских отношениях еще не было. Она, однако, компенсировалась быстрым потеплением в отношениях с Россией, к чему народы обеих стран стремились давно. Возвращение отношений на круги своя в Москве и в Ташкенте было воспринято с чувством глубокого удовлетворения: то, что терял Запад, приобретала Россия.

Почти вся Центральная Азия теперь снова в своей политике и экономике ориентировалась на Россию; пример Казахстана, от России никогда не отдалявшегося, показывал, что это несет с собой стабильность, быстрое развитие и уверенность в завтрашнем дне. Нейтральный Туркменистан тоже большую часть своего газа продавал России по стратегическому соглашению, заключенному на двадцать лет. Что ж, совсем недавно экономики стран Центральной Азии взаимно дополняли друг друга, две трети узбекского хлопка перерабатывалось в ткани в России, узбекские фрукты и овощи высоко котировались в Сибири и на Урале, а Россия поставляла в этот регион широчайшую гамму товаров потребительского и производственного назначения.

Пятнадцать минувших лет показали, что жизнь не предложила здесь мало чего нового, другие рынки оказались очень проблематичны, и постепенное возвращение к тому, что было, теперь воспринималось, как оптимальный вариант и неизбежность. Но нынешняя ориентация на Россию существенно отличалась от старой, советской, когда все сколько-нибудь серьезные центральноазиатские дела решались в Москве, и при этом интересы Москвы были основополагающими.

Пятнадцать постсоветских лет пусть не полностью, но во многом отучили Москву от имперских замашек, и Астане, Ташкенту, Бишкеку, Душанбе и Ашгабаду стало привычно не брать, как прежде, под

kozyрек в ответ на каждое российское предложение и пожелание, а настаивать на своем, на удовлетворении собственных интересов, добиваясь в итоге того, что на международном языке называется соблюдением принципа взаимной выгоды. Взаимная поддержка на мировой арене – тоже фактор, набирающий силу. Выделить общие интересы и отстаивать их сообща тоже бывает очень даже полезно, и Шанхайская Организация Сотрудничества играет в этих вопросах все более серьезную роль.

Деньги, однако, теперь подсчитываются врозь, и Туркменистан еще долго будет помнить, как, привязанный к российской газовой трубе (а второй трубы, ведущей во внешний мир, у него пока просто нет), он поставлял свой газ транзитом через Россию злостным неплательщикам Украине, Грузии, Молдове по ценам, в два и в три раза более низким, чем в это же время Газпром поставлял топливо в страны Западной Европы – и то Украина и Грузия рассчитывалась с туркменами бартерными поставками, не валютой. Упорно настаивая на своем, Туркменистан шаг за шагом вводил свои отношения с Газпромом в рыночное цивилизованное русло, освобождаясь от ценового диктата.

Газпром, крайне заинтересованный в том, чтобы иметь за спиной прочную поддержку в виде туркменского газа, поставки которого в Россию могут вскоре достичь ста, а затем и двухсот миллиардов кубических метров в год (существующие трубопроводы такого потока, естественно, не вместят и должны будут быть дополнены новыми), теперь сам вводит эти отношения в цивилизованное русло, ибо крайне заинтересован в прочности этих отношений, в продлении их на всю обозримую перспективу. Ведь добывать газ на Крайнем Севере, в условиях вечной мерзлоты, и в солнечной Туркмении, месторождения которой оказались одними из крупнейших в мире, в стоимостном выражении далеко не одно и то же. Научиться делать это совместно и во взаимной выгоде, конечно, было не просто, зато каждая из сторон теперь вправе записать это, как свое достижение.

Поскольку мировой товарооборот растет темпами, примерно вдвое превышающими темпы роста мирового валового производства (5,5 процента в год, по данным директора Международного валютного фонда М. Камдессю), нагрузка на транспортные коммуникации возрастает примерно в такой же пропорции. Практически на всех континентах, разве что за исключением Австралии, которой уникально повезло стать страной-континентом, формируются международные транспортные коридоры, назначение которых – доставка товара со двора производителя во двор потребителя, минуя столько государственных границ, сколько для этого требуется.. Причем там, где это удобно и выгодно, осуществляется взаимодействие транспорта железнодорожного, автомобильного, речного и морского, чем достигается оптимизация маршрутов и минимизация транспортных издержек. В отдельных странах, таких, как Австрия, Швейцария или Бельгия, международный грузовой транзит уже опережает объемы внутринациональных перевозок. Но в странах с обширной территорией, таких, как Россия, Китай, Индия, Соединенные Штаты, Бразилия, и в странах пусть по площади небольших, но географически обособленных, как Италия, Великобритания, Южная Корея, внутринациональные перевозки будут доминировать и дальше.

Как эти транспортные коридоры обустроиваются и совершенствуются сегодня, видно на примере реконструкции Великого Шелкового пути. Этот путь начал формироваться более двух тысячелетий назад, как транспортный коридор между двумя цивилизациями – Римом (Византией) и Китаем. Ближе к нашему времени по древним караванным тропам пролегли железные и автомобильные дороги. Сегодня они соединяют страны Европейского Союза со странами Азиатско-Тихоокеанского Экономического Совета (АТЭК). Великий шелковый путь является заметным фактором мирового интеграционного процесса. Основные спонсоры реконструкции – Япония, вложившая в этот проект около двух миллиардов долларов, и Европейский банк реконструкции и развития, вклад которого – 250 миллионов долларов.

Эти и другие средства, в том числе средства стран, по территориям которых этот путь проходит, направляются, в первую очередь, на обновление и электрификацию железнодорожных магистралей и линий связи, обновление подвижного состава, модернизацию каспийских портов Актау, Туркменбаши (бывший Красноводск), Баку с возобновлением паромного сообщения между ними, черноморских портов Грузии Поти, Супса и Батуми. Китайская железнодорожная сеть соединилась с казахской близ Алма-Аты и скоро соединится с киргизской и узбекской в Ферганской долине близ города Ош. Закаспийская магистраль (Туркменистан) в 1996 году была состыкована с иранскими железными дорогами близ города Мешхеда.

Реконструкция также подразумевает создание на обновленном шелковом пути единого правового пространства с максимальным упрощением и ускорением таможенных процедур. Сегодня этот коммуникационный мост между Европой и Юго-Восточной Азией берет на себя все большую нагрузку. В близкой перспективе его дополняют нефте- и газопроводы широтного направления. С вовлечением Афганистана в международный транспортный транзит, восстановлением его автомобильных дорог и прокладкой по его территории железных дорог и трубопроводов, с созданием на всем центральноазиатском пространстве атмосферы, благоприятствующей грузоотправителям, реконструкцию Великого шелкового пути можно будет считать завершенной.

Развитие цивилизаций предопределяет существование и взаимодействие государств, пребывающих в разных весовых категориях (Тузиков А. Р. Основы геополитики. М. 2004. С. 83). Если государство имеет возможность отстаивать свои интересы по всему Земному шару, то это сверхдержава. Сегодня такими возможностями обладают только Соединенные Штаты Америки (в прошлом сверхдержавами были Рим, Великобритания, СССР – во второй половине XX века). Великие державы имеют свои интересы в ключевых регионах земли, но не по всему Земному шару. Потенциал великой державы позволяет ей активно отстаивать свои интересы и заставить другие страны считаться с собой и своими союзниками. Сегодня этому определению отвечают Объединенная Европа (но не Великобритания, Франция или Германия в отдельности), Китай, который свою великодержавность проявляет весьма осмотрительно.

Например, можно и не увидеть особых интересов Китая в Канаде, о них в Пекине никто во всеуслышание не заявляет, но сегодня треть населения канадского порта Ванкувер – это китайская диаспора, выросшая вдвое за последние шесть лет. А это уже проникновение в благодатную страну тихой сапой, это перспектива в скором времени играть в ней заметную роль. Китайцы с помощью официальных каналов, а чаще неофициальным методом «ползучей миграции» осваивают 72 страны мира.

Стремится вновь стать великой державой и Россия, и у нее есть шанс сделать это, если русский народ возвратит себе способность к воспроизводству, утраченную за годы социалистического эксперимента, и если будет выпестована новая национальная идея, предельно насыщенная российскими интересами, но не вступающая в противоречие с окружающим миром.

Региональными державами считаются страны, имеющие интересы во многих районах, прилегающих к их границам. Их потенциал, однако, недостаточен для серьезного присутствия в дальнем зарубежье. Таких стран в мире большинство. Это Турция и Иран, Индонезия, Бразилия – и так далее. Равновесие, или стабильность в мире, обеспечивается тем, что контроль государств над теми или иными пространствами строго сбалансирован международными соглашениями и международным правом. Мировой порядок, под знаком которого человечество прожило большую часть второй половины двадцатого века, был основан на Потсдамских соглашениях.

Развал Варшавского договора и распад СССР поломал всю Потсдамскую систему. Началась борьба за геополитическое наследство Советского Союза. Новый мировой порядок стал обретать черты однополярной системы во главе с Соединенными Штатами Америки. Но на роль новых центров силы претендуют как Объединенная Европа, так Китай и Япония. Фактически, они и являются таковыми центрами, причем темпы роста Китая настолько стремительны (9 – 10 процентов прироста валового продукта в год), что его выход в мировые лидеры через 15 – 20 лет прогнозируется автоматически.

Глобализация, как историческая закономерность

Новый миропорядок складывается при резкой интенсификации процессов глобализации. Глобализация подготавливалась самим развитием человечества в XX веке. Распад колониальных империй заложил основу для того, чтобы Восток уже в ближайшее время стал равновеликой Западу несущей опорой мирового сообщества (Тузиков А. Р. Основы геополитики. М. 2004. С. 86). Быстрая индустриализация стран Восточной и Юго-Восточной Азии и их экономический взлет привели к тому, что развитие современного мира перестало быть асимметричным, односторонним, только евроцентристским, и вклад в него Азии все более весом и заметен.

Приняв эстафету от Запада, а, точнее, разделив ее с Западом, Восток сам превратился в мощный генератор мирового развития. Сингапурский ученый К. Махбубани так определил приоритеты начавшегося века: «XXI век станет свидетелем борьбы между атлантическим импульсом и тихоокеанским импульсом. В течение последних нескольких столетий атлантический импульс определял развитие мировой истории. Поэтому евроцентристским аналитикам придется пересмотреть свои концепции, если они хотят правильно понять дальнейший ход истории».

Ему вторит японский политолог и публицист Огура: «Отныне для Азии проблема состоит не в том, чтобы содействовать модернизации, а в том, чтобы понять, как следует во всемирном масштабе решать проблемы противоречий и беспорядков, которые несут в мир европейская модернизация и индустриализация. Ключ к разрешению этой проблемы вовсе не обязательно в руках западноевропейской цивилизации. Поэтому именно азиатское образование и азиатское понимание вещей, которыми обладает азиатская элита, приобретают сейчас первостепенную важность». Что ж, проницательный японец имеет все основания заявлять именно так. Из ста крупнейших банков мира 29 – японские, и только 9 – американские.

Политолог Н. Б. Крандо так обрисовал главные черты современности: «Важной особенностью современного мира является разрешение проблемы единого пространства-времени. В этом контексте особое значение имело развитие транспорта и средств коммуникации. Нововведения в данной сфере способны в огромной степени увеличить расстояния и пространства, на которые государство может распространять свое политическое, экономическое и военное влияние» (Крандо Н. Б. Геополитика. М. 1999. С. 81).

Транспорт, как покоритель пространства и главная движущая сила международной торговли, постоянно совершенствуясь, расширяет возможности развития. Транспорт, в сегодняшнем его состоянии, позволяет преодолевать большие пространства комфортно и быстро.

Вспомним, как раздвинулись возможности человека, когда он приручил лошадь, построил телегу и поднял парус. И как стремительно раздвинулись они, когда человек подчинил себе силу пара и электричества, создал летательные аппараты и средства связи с использованием электромагнитных волн. Развитие средств коммуникации и транспорта имело громадное значение для распространения вширь основных атрибутов евроцентристской цивилизации.

Проникающая сила современных технологий такова, что они делают несостоятельными любые барьеры, заграждения, занавесы, границы. Освоение человеком сначала воздушного, а затем и околоземного космического пространства, создание ядерного оружия и средств их доставки в любую точку Земного шара устранило фактор неуязвимости любой страны, вне зависимости от ее географического положения. Атлантический и Тихий океаны перестали играть роль естественных рвов, ограждающих Соединенные Штаты от вторжения со стороны других континентов. Отношения между морскими и континентальными странами изменились кардинально. Это определило сегодняшнюю несостоятельность формулировки Маккиндера: «Кто контролирует евразийский хартлэнд – тот контролирует весь мир». Согласно этой формулировке, североамериканский и восточноазиатский центры силы есть периферия, что давно уже не соответствует действительности.

К понятию, что Земля – наш общий дом, человека последовательно подводят и плотно опоясавшие океаны и континенты транспортные сети, обеспечивающие доступ практически в любую точку Земного шара (даже ледяная Антарктида оказалась покрытой сетью научных станций), и средства связи, проводные и беспроводные, делающие общение абонентов в разных городах и континентах таким же легким и приятным, как общение людей, собравшихся в одной гостиной. Формируется единая пространственная инфраструктура мирового сообщества без какого-либо единого центра, по отношению которого остальные регионы рассматривались бы, как периферия.

Пространственное, и, прежде всего, экономическое сближение Запада и Востока, Севера и Юга постепенно отодвигает на задний план национальные или цивилизационные летоисчисления, которые повсеместно заменяются григорианским календарем. Единые часы, единое всепланетарное время, необходимое для многих целей, приняты и утверждены во всех странах мира, независимо от того, какое время суток, день или ночь, в той или иной точке Земли.

Первым подверглось глобализации мировое информационное пространство. Спутники, волоконно-оптические кабели, компьютеры уплотнили и ускорили потоки информации. Средства массовой информации (радио, затем и телевидение) вошли буквально в каждый дом, предоставив

человеку возможность пребывать в разных местах, становится как бы участником событий, отстоящих от него очень далеко. Появилась непосредственная возможность доступа к социально-культурному пространству практически любого государства из единого информационного центра. Сегодня средства массовой информации средства связывают людей в громадные наднациональные сообщества. Близок к получению статуса мирового языка английский язык. В некоторых сферах, например, в авиации, это уже произошло. Универсальным средством межнационального общения становится компьютер с практически всеохватной базой данных, заключенных в Интернете.

Политолог Николай Александрович Нартов считает, что сегодня «глобальные и региональные информационные сети и другие коммуникационные информационные каналы по значимости можно сопоставить со средствами доставки ядерного оружия, а дезинформацию – с ядерной боеголовкой» (Нартов Н. А. Геополитика. М. 2004, С. 253). Информационное воздействие малозаметно, малозатратно, проявляется постепенно и, самое главное, трудно устранимо. Чтобы сломать стереотип, сложившийся под воздействием ранее поданной информации, надо затратить усилий, финансов и времени в десять раз больше.

В XXI веке информационное воздействие способно не только обеспечить успех в «горячей войне», но в большинстве ситуаций заменить ее. На арену выдвигается новый тип вооружений – средства радиоэлектронной борьбы, сверхчастотные генераторы, информационные вирусы, электронные ловушки, программы двойного назначения, искусственные изображения в атмосфере и другие. Новое оружие действует в первую очередь на компьютерные сети, линии связи, информационную инфраструктуру систем управления транспортными и финансовыми потоками, средствами и каналами коммуникаций, средствами массовой информации.

В стратегическом плане это означает блокировку информационных потоков и интеллектуальных ресурсов страны. Психологический комплекс человека – один из самых уязвимых, и воздействие на него представляется наиболее простым и эффективным. И то, что международная сеть Интернет находится под полным контролем Соединенных Штатов, говорит о многом. Лишь очень немногие страны способны в ближайшем будущем создать национальную информационную структуру такого же уровня, как американская. То, что военные действия США в Афганистане получили всеобщую поддержку, говорит о действенности информационной стратегии Соединенных Штатов.

Информационный конфликт составлял важнейшую часть американской операции по разгрому талибских сил. Огневому удару по Афганистану предшествовал массированный пропагандистский удар с задействованием всех средств массовой информации, который увенчался полным успехом. Борьба с терроризмом – это удобное информационное прикрытие для проведения геополитических операций, в результате которых США получили военные базы в Центральной Азии и Афганистане и упрочили свой союз с Пакистаном, а Россия и Китай лишились стратегического тыла – оборонного потенциала в этом регионе. Китай оказался окружен цепью американских баз с востока, юга и запада (Василенко И.А. Геополитика. М. 2003. С. 136 – 137).

Вот как определяет информационную войну директор информационных сил министерства обороны США: «Информационная война состоит из действий, предпринимаемых для достижения информационного превосходства в обеспечении национальной военной стратегии путем воздействия на информацию и информационные структуры противника с одновременной защитой и укреплением нашей собственной информации и информационных систем. Информационная война представляет собой всеобъемлющую стратегию, призванную отдалить должное значение и ценности информации в вопросах командования и управления вооруженными силами и реализации национальной политики» (Почепцов Г. Г. Информационные войны. Киев. 2000. С. 17).

Глобализация мирового информационного пространства неразрывно связана с деятельностью транснациональных медиа-империй. Эти корпорации концентрируют свое внимание на ценностях свободного рынка и индивидуализме, как великом побудительном стимуле идти дальше и добиваться большего. Почти все медиа-империи – детища индустриально развитых стран, и в первую очередь Соединенных Штатов. У них разветвленное и масштабное производство – от телевидения и издательского дела до производства бумаги, всех видов видео- и музыкальных записей, коммерческих сайтов в Интернете и ночных клубов.

Два крупнейших информационных агентства мира – «Ассошиэйтед пресс» и «Юнайтед пресс интернешнл» (США) снабжают мировые масс-медиа новостями в объеме 17 и 14 миллионов слов

ежедневно (это практически 80000 страниц машинописи). Полное собрание сочинений Льва Толстого примерно соответствует этому объему. Показ американских телевизионных программ и фильмов в других странах в десятки, а то и в сотни раз превышает показ телевизионных программ и фильмов этих стран в Америке. Здесь движение практически происходит только в одном направлении – из Америки во вне ее. Глобальные масс-медиа все более программируют массовое сознание. Они предлагают повестку дня – о чем думать и на что обратить внимание, и дают свою оценку обсуждаемых событий.

Глобализация предполагает, что множество социальных, экономических, культурных, политических и иных отношений и связей приобретает всемирный характер. В конце XX и начале XXI веков товары (в том числе наркотики и оружие), капиталы, люди, знания стали легко пересекать государственные границы. Транснациональные сети проникли почти во все сферы человеческой деятельности. Макдональдс, Кока-Кола, Тексако, Бритиш Петролеум, Нестле, Сони, а с некоторых пор и российский Газпром – вот символы глобализации. Происходит становление мирового рынка и мировой капиталистической экономики, в которой ведущую роль играют Большая восьмерка, Китай, Индия и азиатские «драконы». Глобальные системы торговли, финансов и производства, опирающиеся на глобальные транспортные системы, связывают воедино судьбы народов по всему миру.

Распад Советского Союза объективно привел к ускорению процессов глобализации. Все большее число стран жестко включается в систему мировых народнохозяйственных связей. Все большее число стран охватывает либерализация внешнеэкономических связей и международных расчетов. Все шире применяются стандарты и технологии, единые для всех стран; это уже коснулось стандартов на загрязнение окружающей среды, деятельность финансовых институтов, бухгалтерскую и статистическую отчетность. Это же верно в отношении образования, культуры. Международные организации, такие, как Международный валютный фонд, Всемирная торговая организация, внедряют одинаковые критерии макроэкономической политики, унифицируют требования к налоговой политике, политике в области занятости (Тузиков А. Р. Основы геополитики. М. 2004. С. 94 – 95).

Приходится одновременно констатировать как усиление позиций США, так и формирование экономического полицентризма (Европейский Союз, Восточная Азия). Соединенные Штаты активно навязывают стандарты своего образа жизни во всех областях, от правил заимствования на финансовых рынках до образования и кинобизнеса. Уверенно опережая другие страны на новом этапе структурной перестройки, они вкладывают огромные средства в образование, науку, информатику, считая ее технологией будущего и рассчитывая, что зависимость остальной части мира от Америки в этой области будет только возрастать.

В сегодняшнем мире количество региональных экономических и торговых соглашений превышает девяносто. Однако впечатляющих реальных результатов интеграционные процессы достигли только в Западной Европе (образование Европейского Союза) и Северной Америке (США + Канада + Мексика = единое экономическое пространство). В регионах Латинской Америки, Западной и Южной Азии сотрудничество пока не дало заметного эффекта – страны, участницы региональных соглашений, еще не достигли той технико-экономической, правовой и культурной зрелости, которая, в конечном итоге, и определяет успех. Свой след в психологии азиатских народов оставила и бывшая враждебность (Япония – Китай, Япония – Корея).

Россия пытается создать свой интеграционный блок на базе СНГ, но сил для этого у нее пока явно недостаточно. Ее вступление в Организацию Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества преследует цель ускорить, с помощью стран этого блока, развитие Дальнего Востока и Сибири.

Активным средством, ускоряющим глобализацию, является мировая торговля. Доля стран динамичного Азиатско-Тихоокеанского региона в мировой торговле неуклонно приближается к пятидесяти процентам, доля стран Европейского Союза снизилась с 44 процентов (1990 год) до 36 процентов (2002 год). Всемирная торговая организация охватывает более 130 стран, на их долю приходится 90 % мирового товарооборота. Тридцать государств подали заявки на присоединение к ВТО. Всемирная торговая организация выступает за принятие единых правил мировой торговли, чему на сегодняшний день препятствуют региональные торговые группировки, количество которых превышает сто. Почти каждый член ВТО одновременно является и членом одной или многих региональных торговых группировок.

Глобальная сеть электронной торговли охватывает более 110 стран. Страны с высоким положительным сальдо внешней торговли (Китай, Россия), однако, сталкиваются с дискриминационными ограничениями. Ежегодные потери России от таких ограничений достигают четырех миллиардов долларов. При положительном сальдо в 50 и более миллиардов долларов в год с такими вещами приходится мириться. Ограничения касаются широкой группы высокотехнологичных товаров и направлены на сохранение за Россией статуса поставщика товаров сырьевой группы и полуфабрикатов – энергоресурсов, лесоматериалов. Ядерных и цветных металлов.

Быстрой глобализации подвергаются рынки фондовый и валютный. На фондовых и валютных рынках большинства стран зарубежные участники действуют наравне с национальными. Фондовые рынки стали основным механизмом перераспределения ресурсов в глобальном масштабе. Так, в США иностранцам принадлежат 30 процентов активов компаний, производящих машины и оборудование для сельского хозяйства, 15 процентов активов пищевой промышленности и 20 процентов активов компаний, торгующих продовольствием.

В мире постоянно растет количество инвестиционных международных фондов, в том числе страховых и пенсионных; оно уже превысило тысячу, в них аккумулировано около 15 триллионов долларов, что сопоставимо с годовым валовым внутренним продуктом США. Ежедневный объем сделок на валютном рынке приближается к полутора триллионам долларов. Лидирует в международных валютных операциях Лондон (30 %), за ним следуют Нью-Йорк (16 %) и Токио (10 %). Свыше сорока процентов всех валютных операций связано с покупкой или продажей долларов.

Характерной тенденцией современного мира является не только экономическая, но и политическая интеграция. Политические интеграционные процессы проявляются, прежде всего, в образовании международных межгосударственных и неправительственных организаций. Уже к девяностым годам минувшего века их насчитывалось в мире более тысячи. К примеру, Франция является членом 155 таких организаций, Великобритания – 140, США – 122, Япония – 106, Бразилия – 100 (год 2003). Ведущие среди этих организаций – Организация Объединенных Наций, Североатлантический пакт (НАТО), Европейское Сообщество, Международный валютный фонд, Всемирный банк.

Успешно функционируют Организация американских государств (ОАГ), Организация стран – экспортеров нефти (ОПЕК), Организация «Исламская конференция» (ОИК), Азиатско-Тихоокеанский экономический совет (АПЕК), Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), Азиатский банк развития. При ООН действуют ЮНЕСКО – организация, занимающаяся развитием культуры и науки, ЮНЕП – организация, разрабатывающая и осуществляющая меры по сохранению среды обитания, МАГАТЭ – международное агенство по атомной энергии, несущее ответственность за нераспространение ядерного оружия и развитие атомной энергетики в мирных целях.

Лидером интеграционных процессов является Европа. В Европейском Союзе устранены барьеры для свободного перемещения людей, товаров, услуг и капиталов. Национальные границы перешагивают многие политические партии. Сформировались, как общеевропейские партии, Европейский социалистический союз, Европейская народная партия, Европейские демократы прогресса, Федерация либеральных и демократических партий Европейского Сообщества.

На ежегодных совещаниях «Большой восьмерки» (бывшая «Большая семерка» + Россия) анализируются важнейшие экономические и внешнеэкономические вопросы. Активными субъектами международных отношений становятся всевозможные транснациональные объединения и институты. Они все заметнее влияют на характер международных отношений. И уже часто решения, принимаемые в штабах международных корпораций, сказываются на жизни и судьбе граждан разных стран в большей мере, чем решения правительств этих стран. Все эти объединения и корпорации вырабатывают устраивающие их правила поведения государств в рамках мирового сообщества. Они определяют принципы сотрудничества, разрешения конфликтов, обеспечения глобального экономического роста.

И если еще недавно политика, внутренняя и внешняя, рассматривалась исключительно как функция отдельно взятого государства, то теперь это и функция международной политической системы в целом. Страны, позволяющие себе с этим не считаться и из общего поведенческого плана выпадающие (Афганистан, руководимый талибами, Ирак Саддама Хусейна, Ливия Мухаммада Каддафи, а сегодня Иран и Северная Корея), попадают под мощный пресс мирового сообщества и

вынуждены или изменять свое политическое устройство, приближая его к нормам демократии, или сдавать назад и извиняться за былую свою некорректность.

Мир все более становится комплексом единым, неразрывным и взаимозависимым. И сегодня все без исключения государства, принимая решения по чисто внутренним проблемам, обязаны учитывать положение во внешнем мире. Сегодня такие жизненно важные вопросы, как цены на нефть или газ, кофе или молоко, решаются не правительством какой-либо одной страны, а на уровне ОПЕК или других международных организаций. В важнейших сферах жизни общества происходит взаимопроникновение политики внутренней и внешней. С другой стороны, растет значимость внутривнутриполитических последствий политики внешней и внешнеполитических последствий политики внутренней. В такой обстановке сохранять суверенитет национальным государствам становится все труднее, и это ведет к накоплению противоречий между суверенными государствами и субъектами, ответственными за глобализацию – межнациональными корпорациями и международными организациями.

Расширение международного сотрудничества во всех сферах жизни человеческого сообщества не ведет к снижению накала конкурентной борьбы. А конкуренция хотя и является главным движущим элементом прогресса, – это трения, трения и трения. Наиболее существенные трения устраняются полностью или снижаются международными соглашениями. Дочерние фирмы международных корпораций на территории какой-либо конкретной страны стремятся к тому, чтобы контроль этой национальной страны над ними был минимальным, а суверенная страна, напротив, стремится к тому, чтобы этот контроль был полным.

Противоречия такого рода также разрешаются международными соглашениями. Таким образом, методы и формы контроля приобретают единый характер, единые стандарты. Защищенные международными соглашениями, транснациональные корпорации своей деятельностью объективно понижают суверенитет национальных государств. При определенных условиях они способны выйти из-под контроля, проигнорировать правила подотчетности и законности и превратиться в мощную анонимную власть, подчиняющую себе как общество, так и рядовых его граждан.

В международной политике вопросы об использовании силы остаются одними из самых трудноразрешимых. В каких обстоятельствах использование силы является законным и правомерным? Устав ООН не допускает вмешательства во внутренние дела государств, за исключением тех случаев, когда события внутри государства угрожают международному миру и безопасности. Соединенные Штаты и НАТО, однако, в последнее время позволяли себе действовать в обход этого положения (события в Югославии, Ираке). По-разному можно трактовать и нарушение прав человека; ни для кого не секрет, что в мусульманских странах, Индии и Китае эти права трактуются и исполняются совсем не так, как на христианском Западе. Наибольшую остроту эти вопросы приобретают при оказании гуманитарной помощи регионам, охваченным голодом, и при вооруженном вмешательстве ООН в дела стран, где не прекращаются гражданские войны (Ангола, Сомали).

Большая часть международных организаций служит инструментом, обеспечивающим интересы великих держав (ООН, НАТО, Европейский Совет и другие). Так, каждый из пяти постоянных членов Совета Безопасности – США, Россия, Китай, Великобритания и Франция – может наложить вето на любое его решение и тем самым заблокировать волю большинства членов ООН. Этой организации так и не удалось уменьшить фактическое неравенство государств. Давно стремятся стать постоянными членами Совета Безопасности Япония, Германия, Индия, Бразилия – государства, экономический и политический вес которых весьма велик, но пять постоянных членов Совета Безопасности этому всячески препятствуют. Советник президента США по национальной безопасности Кондолиза Райс неоднократно заявляла, что «Соединенные Штаты играют особую роль в современном мире и не должны ставить себя в зависимость от международных конвенций и соглашений, выдвигаемых извне» (Тузиков А. Р. Основы геополитики. М. 2004. С. 106).

Следует, однако, признать, что ООН ускорила вступление новых независимых государств в мировое сообщество, помогла им освоить правила международной жизни, поделилась опытом ведения переговоров. Эти государства через ООН ознакомили мировое сообщество со своими проблемами. Для многих из этих стран ООН является единственным форумом, на котором они могут заявить о своих интересах, вступать в коалиции и союзы друг с другом. ООН считает одной из важных своих функций оказание помощи в становлении новых независимых государств.

Ситуация в мире, однако, складывается так, что трудно прогнозировать, что все или большинство великих держав будут действовать единым фронтом. Так, планы Китая в отношении Тайваня и планы Соединенных Штатов в отношении Тайваня диаметрально противоположны. И преждевременно говорить о стабильности нового складывающегося миропорядка. Трудно прогнозировать также, как долго США будут осуществлять единоличное лидерство. Для многих развивающихся стран Америка – это дойная корова, и они выставляют ей счет за каждое свое слово, поддерживающее Америку, за каждое политическое решение, ее устраивающее. Так, в двухтысячном году Палестина запросила у США 40 миллиардов долларов за свое согласие принять американский план мирного урегулирования своих споров с Израилем. Таких денег администрация Клинтона не нашла, и решение проблемы было отложено на неопределенное время. Да и кто бы гарантировал прочность решения, достигнутого таким образом?

Хватит ли у США денег на решение большинства глобальных проблем? Гибель американских солдат в Ираке продолжается, что подогревает в США настроения за скорейший уход из этой страны, не желающей становиться стабильной. Роль мирового лидера и мирового полицейского куда более обременительна, чем мы ее себе представляем. Но откажись Соединенные Штаты от этой роли, и мир ждет дестабилизация, масштабы которой трудно себе представить. В то же время, однополярная модель мирового порядка легко уязвима (ее в одночасье может пошатнуть экономический спад в самих Соединенных Штатах) и не гарантирует стабильности в плане долговременном.

Прогнозы, перспективы

Пока достаточно точно предсказать завтрашний день, и то в завуалированной форме, удалось только одному ясновидцу – Настрадамусу, прозорливость которого стала нарицательной, а для нас, простых смертных, это занятие не из легких. Основой геополитического прогноза является выработка геостратегии. На энергонасыщенных рубежах столкновения интересов великих держав и цивилизаций возможны социально-экономические и военно-политические катастрофы (Дергачев В. А. Геополитика. М. 2004. С. 368). Задача геостратегии – в нейтрализации вызовов, несущих с собой негативные последствия. Нейтрализация осуществляется, чаще всего, посредством диалога, балансирующего интересы и приводящего к взаимопониманию. Как можно меньше конфронтаций в жизни мирового сообщества, как можно больше сотрудничества – такой мне видится столбовая дорога человечества.

Диалог, международный и межкультурный, всегда велся преимущественно на великих торговых путях и в вольных торговых городах. В будущем главные события развернутся между мировыми центрами экономической, технологической и финансовой мощи в Северной Америке, Западной Европе и в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Приоритет в обеспечении торговых связей между США, Западной Европой и странами Азиатско-Тихоокеанского региона сохранится за морским транспортом. Но в Евразии должна резко возрасти роль трансконтинентальных коммуникаций, транспортных коридоров прежде всего широтного направления, обеспечивающих хозяйственные связи на маршрутах Запад – Восток..

Крупнейшим событием XXI века, по прогнозам политолога Владимира Александровича Дергачева, может стать создание коммуникационного каркаса Евразийского континента, основу которого составят Великий шелковый путь и Транссибирская магистраль. Возрождение Великого шелкового пути после пятисотлетнего забвения – задача не чисто техническая. Международный транспортный коридор – это результат настойчивых усилий заинтересованных государств. Ведь сама по себе стыковка китайской железнодорожной колеи с казахской, а туркменской с иранской не обеспечивает эффективность прохождения грузов по всей трассе, особенно когда реальная экономика вступает в противоречие с политическими претензиями этих самых заинтересованных государств.

Запад приложил немало усилий для реализации проекта Евро-Азиатского международного транспортного коридора (ТРАСЕКА) по широкой дуге в обход России, но с задействованием стран Закавказья и Украины. Этот проект не отвечает российским интересам; особенно не устраивают ее нефтепроводы от Каспийских месторождений, альтернативные нефтепроводу Баку – Новороссийск (Колосов В. А. Мироненко Н. С. Геополитика и политическая география. М. 2001. С. 227). Имеются проекты трубопроводов и железных дорог из Туркмении и Узбекистана к Индийскому океану. Их

реализация позволит Туркмении, Афганистану и другим государствам Центральной Азии избавиться от статуса «медвежьего угла» мировой экономики, обеспечить доступ к мировому океану.

И все же кратчайший маршрут Великого шелкового пути из Китая в Западную Европу (Берлин, Роттердам, Париж) ведет через Казахстан, Россию и Белоруссию, и Шанхайская Организация Сотрудничества уже поддерживает этот коммуникационный вариант. Но сквозная сухопутная перевозка массовых грузов между Шанхаем и Роттердамом существенно дороже морской, хотя по времени в 2,5 раза быстрее. Множество новых государственных и таможенных границ на Великом шелковом пути, а также высокая степень коррумпированности фискальных органов на нем пока ставят под сомнение его экономическую целесообразность; его конкурентоспособность все еще уступает Транссибирской магистрали. Будущее Великого шелкового пути напрямую зависит от геополитической обстановки в Центральной Азии, на Кавказе, на Ближнем Востоке, на Балканах, - она должна быть стабильной.

Актуальным также становится формирование геоэкономической оси Север – Юг в направлении из Европы через Россию и Каспий на Средний Восток и в Индию. Такие попытки предпринимала еще Российская империя, но реализованы эти проекты могут быть только теперь. Вообще, для реализации многочисленных проектов международных транспортных коридоров теперь нет технических и, главное, политических ограничений.

Стратегическим курсом Европейского Союза стало развитие трансъевропейских коммуникаций, что привело, после падения «железного занавеса», к расширению сообщения между западом и востоком Европы и к общеевропейской транспортной интеграции. Общеевропейская конференция по транспорту, состоявшаяся в 1994 году на острове Крит, определила девять приоритетных транспортных коридоров с учетом стратегических направлений перевозок грузов и пассажиров. Срок реализации этого проекта – 2010 год. Цель создания таких коридоров – расширение европейского рынка. Ибо современная транспортная инфраструктура – фундамент конкурентоспособной экономики. Без этого Европейский Союз не сможет расширяться на восток, где устарели многие автомобильные и железные дороги. Промедление с модернизацией транспортных систем ведет к снижению скорости перемещения грузов и возрастанию транспортных издержек, к увеличению ущерба окружающей среде.

Эффективность коммуникационных сетей резко возрастает, когда они замкнуты. Сейчас скоростные транспортные коридоры продлеваются на восток, где коммуникационный каркас замыкается меридиональными магистралями. Критский проект учитывал переориентацию стран бывшего социалистического лагеря на Запад и раздел советского геополитического пространства с изъятием из него в первую очередь Прибалтики, Украины и Молдовы, затем Грузии, Азербайджана и, если получится, стран Центральной Азии. Этот проект реализуется не так быстро, как того хотели его авторы, но в первой четверти XXI века интеграция в европейскую коммуникационную сеть Польши и стран Балтии, Чехии, Словакии и Словении, Венгрии и Румынии будет завершена. После вступления этих стран в Европейский Союз и НАТО новый геоэкономический «железный занавес» сместится на восток и будет существенно влиять на формирование транспортных коридоров в границах харлэнда, то есть на территории России и Центральной Азии.

Миру и благоденствию в Евразии должен служить возрождающийся Великий шелковый путь. У этого пути три маршрута – северный, идущий из Китая через Казахстан и Россию в Европу, срединный, идущий из Китая через Казахстан, Узбекистан, Туркменистан, Каспийское море, Азербайджан, Грузию и Черное море в Европу, и южный, идущий из Китая в Европу через страны Центральной Азии, Иран и Турцию. От северного маршрута выигрывает прежде всего Россия, от южного Иран. Европейский Союз и США делают ставку на срединный вариант, но его реконструкция ведется низкими темпами, а его привлекательность (грузам предстоит пересечь два моря и шесть государственных границ) остается низкой.

США стремятся обеспечить за собой контроль над прикаспийским регионом, обладающим стратегическими запасами энергоресурсов, хотя и уступающими в несколько раз запасам государств Персидского залива, и не заинтересованы в усилении в этом регионе геоэкономической мощи Европейского Союза, России и Китая. Таким образом, экономический мост между Западом и Востоком реконструируется медленнее, чем того хотели бы его создатели. А ведь такой мост, функционируй он в полную силу, сам в состоянии принести мир и стабильность на Балканы и Кавказ, в страны Ближнего Востока и Афганистан, то есть полностью изменить к лучшему геостратегическую обстановку в этом

регионе. И остается сожалеть об упущенном времени, что адекватно упущенным возможностям (Дергачев В. А. Геополитика. М. 2004. С. 373 – 375).

Завершение холодной войны не принесло в мир ожидаемого спокойствия и благоденствия. Западная цивилизация, подарившая миру две самые кровопролитные в истории человечества войны, продолжает учить «неправильные» народы, что такое права человека и демократия, наказывая закоренелых двоечников кнутом, который на сегодняшний день принимает вид сначала экономических санкций, блокады и эмбарго, а затем - крылатых ракет и вакуумных бомб с лазерной наводкой на цель. Мировой порядок, заложенный в Ялте и Потсдаме, был разрушен в конце XX века. Новый же порядок только выкристаллизовывается, создается.

Сегодня к обычному оружию присоединилось оружие информационное – системообразующее и системоразрушающее. Поле сражения в информационной войне перемещается из географического в информационное пространство, с воздействием на сознание (ноосферу). Путь к стабильности на постсоветском пространстве оказался не таким прямым и быстрым, каким он виделся в год распада Советского Союза и начавшегося перехода к рыночной экономике. Миллионы людей оказались ввергнуты в костоломное и абсолютно безнравственное время первоначального накопления капитала (вспомним аферы Мавроди и ему подобных) и очень скоро почувствовали себя обманутыми и обездоленными. Их душевный неуют мог бы быть погашен быстрыми темпами развития и четкой социальной политикой, но развитие запаздывает, и душевный неуют накапливается, разрастается и может вылиться в гражданское неповиновение и противостояние с гражданской войной на пике такого противостояния.

Не прошло даром и разрушение веры, разрушение религиозных и нравственных устоев. Когда в человеческой душе нет веры в Бога, трудно рассчитывать на позитивные результаты общественного развития (яркий тому пример – недавнее безбожное социалистическое общество). Вакуум моральных ценностей легко заполнила идеология личной наживы. Большую потенциальную опасность для зарождения социальных конфликтов таят в себе коррумпированные чиновничьи структуры, «приватизирующие» в невиданных масштабах как государственные (бюджетные) средства, так и иностранные инвестиции.

Не коррумпированных чиновников на постсоветском пространстве практически нет, и нет пока силы, нравственной и идущей от блюстителей порядка (они коррумпированы не меньше чиновников), которая была бы в состоянии этим чиновникам противостоять, отучить их брать взятки за каждое свое «да» или «нет». Это очень сказывается на инвестиционном климате, лишает его какой-либо привлекательности. Сотни иностранных инвесторов-бизнесменов, обжегшись на этом однажды, не только свернули свои дела, но и другим отсоветовали заниматься бизнесом в новых независимых государствах постсоветского пространства.

Масштабы коррупции таковы, что бросают тень как на самую рыночную экономику, так и на помощь Запада в переходе к ней: если отставание в развитии новых государств будет закреплено, лидерству Запада никаких помех с их стороны не последует. А ничто так не консервирует отсталость и застой, как коррупция. Лучшего консерванта отсталости и неблагополучия социальная среда еще не выработала.

При выходе из советского геополитического пространства очень выиграли национальные элиты. Но закрепить суверенитет, не подкрепленный консолидирующей национальной идеей и надежным экономическим фундаментом (в лозунге «Украина (или Казахстан, Узбекистан) – государство с великим будущим» нет ничего консолидирующего), весьма трудно. В ход пошли символы демократии и рынка. Разбуженный вирус национализма рождает эпидемии (Нагорный Карабах и Чечня – наглядные тому примеры). Лечить такие эпидемии чрезвычайно трудно. Всегда находятся сторонние силы, препятствующие лечению таких эпидемий и способствующие их разрастанию. Сейчас, однако, можно констатировать, что пик национализма на постсоветском пространстве остался позади, и идеям взаимодействия и сотрудничества возвращена былая привлекательность. Здесь многое значит положительный пример Европейского Союза, в котором идеи единства возобладали над национальной исключительностью англичан и французов, немцев и итальянцев. Да и в памяти миллионов простых людей на постсоветском пространстве надолго отложилось, что когда они были вместе, в составе одной страны, им было лучше.

Соединенные Штаты внесли свой вклад в создание дуги нестабильности на стыке евразийских цивилизаций и, в частности, цивилизаций христианской и мусульманской. В свое время они активно поддерживали и афганский Талибан, нацеливая молодежь, обучающуюся в духовных медресе, на советские войска, пришедшие в эту страну далеко не с благими целями. Они поддержали албанскую национальную освободительную армию на Балканах в ее противостоянии с сербами. Своей политикой они очень способствовали созданию такой обстановки, в которой стали возможны события 11 сентября 2001 года.

Южная дуга нестабильности от Балкан до Афганистана отрицательно сказывается на экономике России и всего постсоветского пространства, превращая его в геополитический остров, возможности которого эффективно интегрировать в мировой рынок сильно ограничены. Большого и быстрого скачка в капитализм у восточноевропейских стран не получилось. За вхождение в рынок им приходится расплачиваться не только высокими процентами по западным кредитам, но и коррумпированностью властей и низким уровнем жизни народа.

В Восточную Европу пришли фундаментализм рыночный и фундаментализм религиозный, окрашенный в цвета радикального национализма. В своем соединении они образуют гремучую взрывную смесь (Дергачев В. А. Геополитика. М. 2004. С. 380). Именно она способствовала разрастанию, а теперь не дает затухнуть чеченскому конфликту, стремится создать на Кавказе новые очаги возгорания.

У России есть хорошие перспективы в том смысле, что она – единственная страна от Атлантики до Тихого океана, через которую могут пройти коммуникации между тремя мировыми центрами экономической и политической мощи – Европой, Северной Америкой, Восточной Азией. На пересечении этих транспортных коридоров в Китае и на Дальнем Востоке можно сформировать крупнейший мировой коммуникационный узел. Возможности обустроить евразийское пространство и будут определять будущее этой страны. Естественно, евразийский мост должен покоиться на надежных опорах. Реальный сдвиг России на восток в состоянии возродить евразийские коммуникации от моря и до моря, между атлантическими и восточными цивилизациями (таким еще был замысел Петра Первого).

В Евразийской экономической программе Российской империи главная роль отводилась созданию торгового моста между Западом и Востоком. В обновленном виде она включает в себя образование зон свободной торговли в основных коммуникационных узлах (Санкт Петербурге, Калининграде, Новороссийске, Архангельске, Владивостоке, Находке). Эту программу необходимо начать выполнять в полном объеме. Должно возрасти значение Санкт Петербурга и как главных морских ворот России, и как ее могучего научного и технического форпоста. Конверсия его военно-промышленного комплекса в соединении с имеющимися высококвалифицированными кадрами могут превратить этот крупный портово-промышленный комплекс в важный центр технологического развития на севере Еврорпы.

Формирование новой геоэкономической стратегии России близко к завершению. Пока сотрудничество с Западом в ее политике превалирует над сотрудничеством с Востоком, но взор ее, вместе с надеждами на быстрое возрождение, обращен на Восток, и она рассчитывает, что ее дивиденды от вхождения в Шанхайскую Организацию Сотрудничества будут только расти. Определены два генеральных коммуникационных направления Запад – Восток и Север – Юг. На геоэкономической оси Запад – Восток особое внимание уделяется бесперебойной работе Транссибирской магистрали, обеспечению транзитных контейнерных перевозок.

Заключено международное соглашение о маршруте северной ветви Великого шелкового пути по территориям Китая, Казахстана, России и Белоруссии. На геоэкономической оси Север – Юг быстро обустраивается транспортный коридор Санкт Петербург – Астрахань – Каспийское море – Иран – Персидский залив – Индия; прокладка меридиональной железной дороги вдоль восточного побережья Каспийского моря по территории Казахстана и Туркменистана, как альтернативы паромной переправы через Каспий, вводит и эти страны в число участников этого очень перспективного проекта.

Ежегодно растут поставки российского газа и нефти в Европу. Их объемы делают ее крупнейшим в мире экспортером энергоресурсов. Растущее сотрудничество, в плане совместной разработки и транспортировки энергоресурсов, с Казахстаном, Узбекистаном и Туркменистаном (пусть это и не равновеликие партнеры) укрепляют позиции этих стран на мировом энергетическом рынке. На очереди прокладка трубопроводов в Китай (первый из них, из Казахстана, уже введен в эксплуатацию) и в порты

российского Дальнего Востока. Развитие газового моста Восток – Запад усиливает геополитическую ось Россия – Германия, выводит ее на первое место в Центральной и Восточной Европе.

У России накоплен уникальный цивилизационный опыт объединения евразийского пространства. Нарастив использование этого опыта, Россия может занять достойное место в мире. Много столетий она достойно несла в Евразии факел просвещения (Дергачев В. А. Геополитика. М. 2004. С. 392). Компромисс между соборным коллективизмом и энергией индивидуализма личности может стать той идеей, которая вполне способна ускорить обустройство многомерного евразийского коммуникационного пространства. Возрождение могущества России напрямую зависит от возрождения энергоинформационного стратегического ресурса русской культуры и русского языка. Культура и язык, наряду с энергоресурсами и коммуникационными функциями, являются бесценным богатством России. Они могут способствовать, посредством межцивилизационного диалога, сглаживать и преодолевать конфликтные ситуации многомерного коммуникационного пространства расколотои цивилизации.

России предстоит определить свое поведение в отношении тех миллионов русских, которые в одночасье оказались в ближнем зарубежье. Пока это поведение, по сути дела отрицающее родство России с русскими из ближнего зарубежья (Россия годами мурыжит и унижает своих соотечественников при получении ими гражданства), не вписывается ни в какие цивилизованные рамки. Демографическая же ситуация в самой России такова, что российский народ, донельзя изнуренный тяжкими социальными экспериментами и войнами XX века, утратил способность к самовоспроизводству, вследствие чего население некогда великой страны ежегодно сокращается на один миллион человек. В этих условиях ставить какие-либо препоны для возвращения русских из ближнего зарубежья на свою историческую родину не только неразумно и недальновидно, но и преступно.

Зарубежная российская диаспора может и должна стать стратегическим ресурсом экономического возрождения Большой Родины. В большинстве постсоветских стран государственным языком является язык титульной нации, но языком делового общения – русский. На книжном рынке ближнего зарубежья доминирует русская книга. Российскому капиталу удалось то, на что оказались не способны политики – сохранить единое коммуникационное информационное пространство. Русское слово мощно проросло и выжило на развалинах бывшего Советского Союза.

Россия, а особенно государства Центральной Азии при медленном преодолении системного кризиса могут оказаться в экономическом пространстве, контролируемом странами Азиатско-Тихоокеанского региона, и в первую очередь Китаем. Китай привык действовать, громко своих целей не озвучивая. Прогнозы китайских аналитиков на эту тему отсутствуют. В отличие от России, присоединившейся к «большой семерке», Китай со своей второй в мире экономикой такого намерения не проявил. По конфуцианской традиции, неявное станет явным само по себе, когда не надо будет подтверждать того, что уже свершилось. Китайский рынок потребительских товаров в России и странах СНГ стремительно расширяется. Но растущая потребность Китая в нефти, лесоматериалах, алюминии и других цветных металлах, в современном оружии позволяет и в этих условиях иметь России положительный баланс во внешней торговле со своим восточным соседом. Де-факто можно констатировать усиление геополитического присутствия Китая на всем пространстве от Хингана до Карпат и Кавказских гор. На пересечении евразийских коммуникаций в Китае формируется крупнейший в мире коммуникационный узел.

Россия и страны СНГ хотят занять свое место в общеевропейском доме. Межправительственная организация Совет Европы была создана в годы противостояния Запада и Советского Союза в целях защиты прав человека и ценностей западной демократии. Закладывая фундамент будущего всевропейского гражданского общества, Совет Европы идет здесь впереди Европейского Союза. Восточноевропейские страны пока только выходят на путь построения гражданского общества. Здесь новое эффективное геопространство видится двухполюсным, созданным межцивилизационным диалогом западноевропейской и восточноевропейской культур. Сегодня именно на этих принципах полезно строить деятельность Совета Европы.

Восточная Европа должна отстаивать свое право на собственную цивилизационную идентичность, фундамент общеевропейской безопасности не может строиться только на блоке НАТО во главе с США. Здесь следует обратить внимание на геополитическую ось Берлин – Москва, как на прообраз геэкономической оси Европейский Союз – Восточноевропейское сообщество со своим Страсбургом в древнем Чернигове или современном Санкт Петербурге. В этом случае славянская

«дружба народов» будет заменена на прагматическую модель Большого многомерного пространства. По этому поводу уже высказался многоопытный политолог К. Ясперс, заявивший: «Абсолютно правильного миропорядка не существует, и справедливость всегда остается задачей, не имеющей завершения».

История пока не зафиксировала времени, когда бы одно самое могучее государство владело всем миром. Но она зафиксировала, что путь с любой вершины, будь то вершина олимпийская, политическая или любая иная, всегда один – вниз, вниз и вниз. На ложных путях человечество растратило море ума, энергии и сил. Идеолог открытого общества К. Поппер высказал такую мысль: «Будущее еще не существует, и именно это обстоятельство накладывает на нас огромную ответственность, так как мы можем влиять на будущее, можем приложить все силы, чтобы сделать его лучшим. Для этого мы должны использовать все, чему научились в прошлом. Один же из важнейших уроков прошлого состоит в том, что нам надлежит быть скромными».

Выбор пути развития – одна из вечных проблем человечества. Да, Запад, демократия с правами человека в своей основе и рыночная экономика обеспечили высокое качество жизни, и это привлекательно. Но подлежит ли это копированию точному и бездумному? Подлежит ли это пересадке в почвы с иной цивилизационной структурой? Нет, нет и нет. Идеи, выросшие в побудительный стимул для одной цивилизации, при пересадке на иную почву могут не только утратить свою ростовую силу, но стать причиной дискомфорта и конфликтов. Модернизация других, не западных цивилизаций не есть путь их вестернизации. Формируются свои пути, часто, при сопоставлении с западным, не менее эффективные. Христианская цивилизация, победив цивилизацию социалистическую, приостановила свое наступление. Происходит возрождение цивилизаций китайской (весьма энергичное) и мусульманской. Каждая из них выработала свою интеграционную модель, свои формы контакта с другими мирами.

Китайская цивилизация, самая протяженная во времени, опирается на порядок, в основе которого социальная гармония и справедливость. Китай всегда ограничивал заимствования в духовной сфере (сферы материальной эти ограничения не касаются). Великая Китайская стена и Великий шелковый путь – вот две философские составляющие межцивилизационного диалога в китайской интерпретации. Глобализация и открытое общество с фундаментом в виде индивидуального начала в китайскую модель мироустройства не укладываются. То есть, китайцы свою цивилизационную сущность ставят на первое место и не собираются ею поступаться.

В основе мусульманской цивилизации лежит Божественная воля, воля Аллаха, все себе подчиняющая. Здесь общественная солидарность ставится выше прав и интересов личности, а мир воспринимается чувственно, не рационально. Идея образования единого исламского государства выношена давно и набирает силу. Движущей силой исламской интеграции становится общественная солидарность. Модель поликонфессиональной и полиэтнической терпимости на своих этнополитических рубежах мусульманская цивилизация выработала еще в средние века и следует ей традиционно. Это способствует как свободе торговли, так и межцивилизационному диалогу. Возмутителями спокойствия здесь выступают фундаменталисты, считающими себя вправе использовать для достижения своих целей и средства террора, что придает межцивилизационным трениям опасную остроту.

В то же время, основные конфликты последних лет (США – Афганистан, США – Ирак, США – Иран) не следует рассматривать, как межцивилизационные, ведь на стороне Соединенных Штатов в этих конфликтах было большинство мусульманских государств – Турция, Пакистан, Египет, Саудовская Аравия (Гаджиев К. С. Введение в геополитику. М. 2003. С. 409). В конфликт вступили интересы, но межцивилизационные особенности способствовали обострению противоречий.

Каким же будет новый миропорядок? Сохранится ли политическая интеграция США и Европейского Союза, а если сохранится, то усилится ли она или ослабеет?

Нормальное развитие народу и стране обеспечивает не «хороший президент», а система, воспринимаемая гражданами, как образ жизни людей нравственных, воспитанных и образованных. Только система в состоянии нейтрализовать эгоизм правящей элиты и другие человеческие пороки. Поэтому так важно наличие в обществе не столько честных, сколько независимых политиков, судей, средств массовой информации. По этому пути народы Европы двигались к Европейскому Союзу – и постоянно опирались на интеллектуальный потенциал мыслителей и аналитиков древних и

современных. Только политическая культура в союзе с интеллектом способна выявлять стратегические ресурсы развития. Чем больше граждан начинает обдумывать свое житье, тем выше шанс для будущего страны.

Обдумывание своего житья – вещь преинтересная. Нынешний взлет информационных технологий заставляет думать в том направлении, что основное рабочее поле в производственных сферах человеческой деятельности и в быту очень скоро, то есть еще до конца XXI века, будет отдано роботам. Причем, роботы будут профессионалами широчайшего класса, ведь поменять им программу – дело одной минуты. Они станут пахать, сеять и жать, водить машины, добывать руды и нефть, плавить и прокатывать сталь, обслуживать станки и собирать машины, обслуживать сложнейшие химические реакторы, прибирать в домах, готовить. Они станут учить и лечить – при ничтожном проценте врачебных ошибок. Они постепенно вытеснят человека из той области жизнедеятельности, которая именуется работой и которой человек пока принадлежит стопроцентно.

И что останется человеку? Он попытается сохранить за собой творчество, в том числе и научное. Он обратит свой взор на искусство, спорт и туризм – занятия, в которые вход роботам будет запрещен. И, конечно, массовый характер примут всевозможные «хобби» из мира увлечений – занятия, к которым лежит душа. Это тоже поле для приложения сил практически безграничное, ведь кто-то и сейчас всю жизнь разводит розы и хризантемы, рыбок и голубей, коллекционирует предметы старины глубокой или модерн, книги, монеты или марки, режет по дереву, по алебастру так, что глаз не отвести, кроит и шьет, как Юдашкин, и так далее, так далее. И, конечно, за человеком останется все то, что вбирает в себя понятие «политика» или «геополитика». Эти бразды воздействия на своего собрата-человека и на общество из своих рук он не выпустит никогда. Ибо, если он выпустит из своих рук и эти бразды, далее история поведет речь о цивилизации роботов, и новую эру летоисчисления отметит, как дату передачи всех властных полномочий из рук человеческих в руки роботов.

Роботизация нашей завтрашней жизни – это удел, в первую очередь, высокотехнологичных государств, тех, которые находятся на острие технического прогресса. Уже сегодня электропоезда многих американских аэропортов на своих замкнутых маршрутах управляются компьютерами и обходятся без машинистов, и их пустые кабины вызывают почтительное удивление пассажиров, прилетающих из Африки, из Латинской Америки. Уже сегодня вполне могут обходиться без машинистов поезда метрополитена. Японцы успешно испытали робот «домашняя работница» – завтрашнего друга одиноких стариков: он и чай заварит, и музыку включит на ваш вкус, и побеседует с вами по очень широкой житейской программе, и на прогулке под руку поддержит, чтобы вы, упаси Бог, не оступились на скользком месте – скучно вам не будет.

Автопилот на современном авиалайнере, автоматические старт и посадка (а также стыковка и многое другое) космических кораблей – это тоже начало роботизации в воздухе и космосе. Всевозможные компьютерные программы – это начало роботизации всего и вся. Уже сегодня специалисты все чаще за советами обращаются не к коллегам по работе, а к своему персональному компьютеру, играющему – и прекрасно играющему! – роль интеллектуального робота. А учеба по телевизору, по Интернету, когда у одного преподавателя многомиллионная аудитория – это ли не роботизация учебного процесса, при его исключительно высоком качестве? А автоматизация и роботизация производственных процессов? Обывателю она заметна разве что по такому показателю, что производство растет, а количество рабочих мест на заводах и фабриках сокращается. И каждый следующий год будет только умножать такие примеры.

Да, роботизация – это уже один из ведущих глобальных экономических процессов, и политику стороной он не обойдет ни в коем случае. Он внесет в нее свои критерии и задаст ей свои задачи. И, как процесс всеохватывающий, глобальный, он скажет свое слово и займет свое место в геополитике. Чем дальше, тем чаще это слово будет решающим, а место – ведущим. Ибо наш стремительно меняющийся мир, мир, постоянно нажимающий на акселератор в гонке за техническим прогрессом, очень этому содействует. Опять же, ведущая роль в мире и решающее слово окажется за странами, лидирующими в роботостроении, то есть за Соединенными Штатами и Японией, за Европейским Союзом и теми, кто в этом плане сумеет сравняться с ними или превзойти их. Иная расстановка сил в мире пока не просматривается.